

ДЭН СМИТ

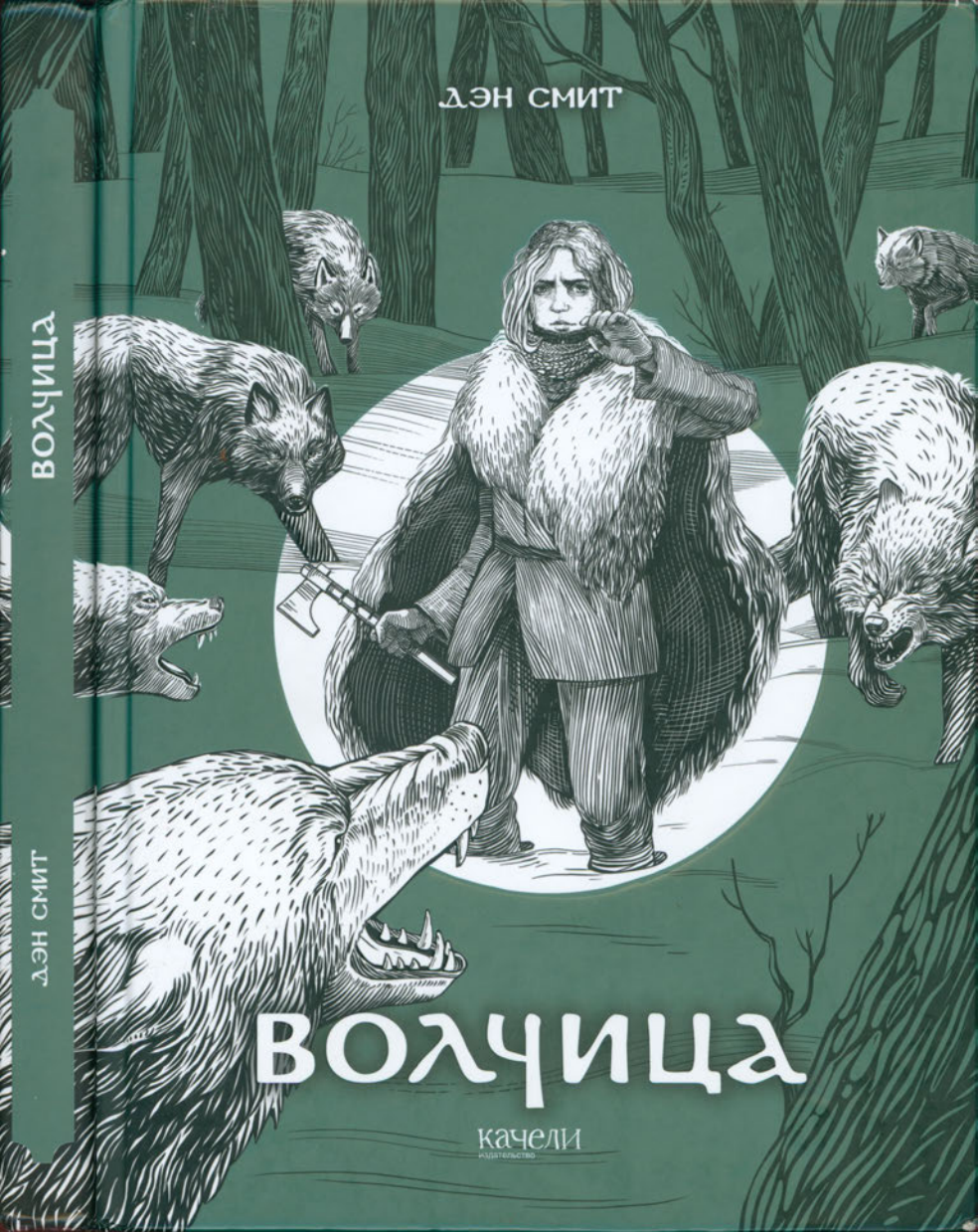
ВОЛЧИЦА

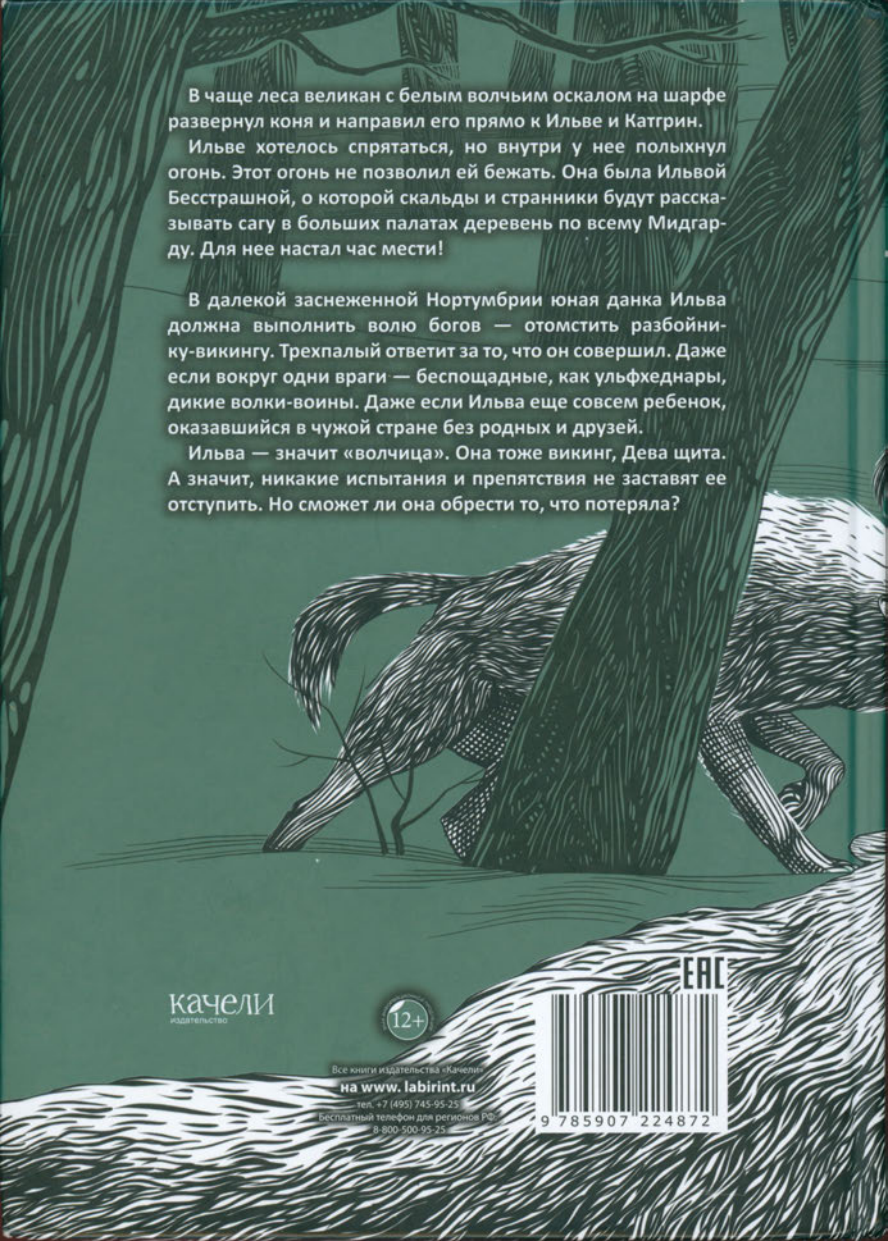
ДЭН СМИТ

ВОЛЧИЦА

качели

КВАНТОВА

A stylized illustration of a wolf-like creature with a long, bushy tail and a spotted pattern on its hindquarters. The creature is shown from the side, walking through a forest. The background consists of dark, textured tree trunks and foliage, creating a moody and atmospheric setting. The creature's fur is depicted with fine, dark lines, giving it a textured appearance.

В чаще леса великан с белым волчьим оscalом на шарфе развернул коня и направил его прямо к Ильве и Катгрин.

Ильве хотелось спрятаться, но внутри у нее полыхнул огонь. Этот огонь не позволил ей бежать. Она была Ильвой Бесстрашной, о которой скалды и странники будут рассказывать сагу в больших палатах деревень по всему Мидгарду. Для нее настал час мести!

В далекой заснеженной Нортумбрии юная данка Ильва должна выполнить волю богов — отомстить разбойнику-викингу. Трехпалый ответит за то, что он совершил. Даже если вокруг одни враги — беспощадные, как ульфхеднары, дикие волки-воины. Даже если Ильва еще совсем ребенок, оказавшийся в чужой стране без родных и друзей.

Ильва — значит «волчица». Она тоже викинг, Дева щита. А значит, никакие испытания и препятствия не заставят ее отступить. Но сможет ли она обрести то, что потеряла?

качели
издательство

12+

Все книги издательства Качели
на www.labyrinth.ru

тел. +7 (495) 745-95-25
Бесплатный телефон для регионов РФ
8-800-500-95-25

9 785907 224872

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЛЬВЫ ДЕКАБРЬ 866 Г.

ПРИБЫТИЕ
ИЛЬВЫ
ДЕК. 866 Г.

ДАНЫ АТАКУЮТ
И ЗАНИМАЮТ
ЭОФЕРВИК (УОР-
ВИК) В НОЯБРЕ
866 Г.

СЕВЕРНОЕ
МОРЕ

ВОСТОЧНАЯ
АНГЛИЯ

МЕРСИЯ

УЭССЕКС

ПРИБЫТИЕ
«ВЕЛИКОГО
ЯЗЫЧЕСКОГО
ВОЙСКА»,
865 Г.

ЛИНДИСФАРЕНА

БЕВБАНБУРГ

ГИРУУМ

ДУНХОЛЬМ

КЕТРЕНТ

ЭОФЕРВИК

СНОТЕНГАХАМ

ГРЕАПАНДУН

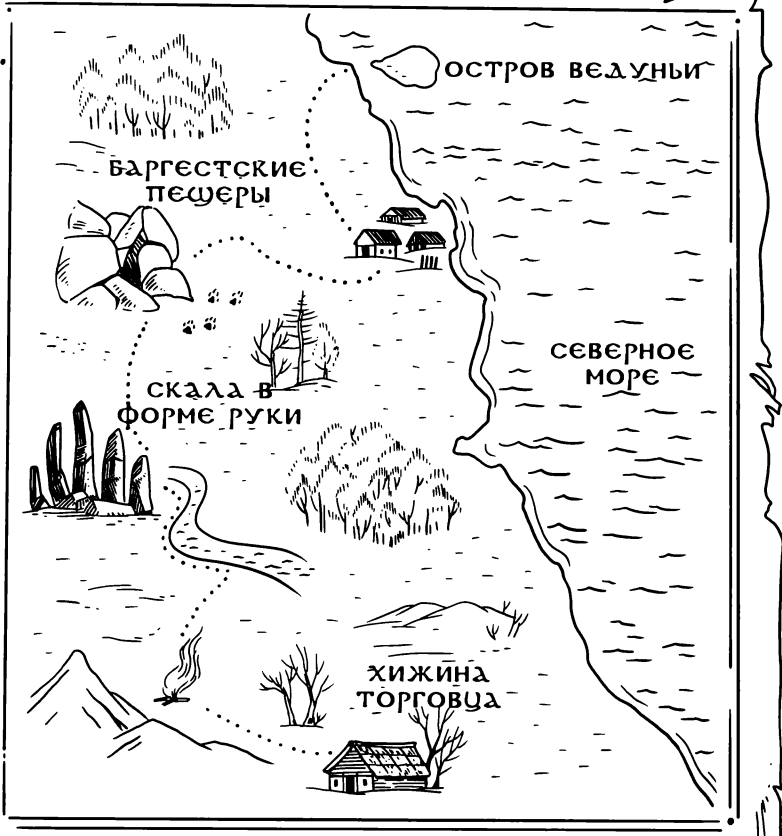
ГРАНТАКАСТИ

ЛУНДЕН

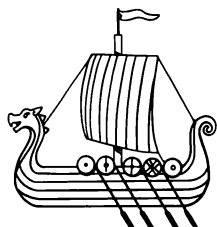
КИППАНГАММ

ВИХТ

БЕВВАНБУРГ - Бамбург
 КЕТРЕНТ - каттерик
 КИППАНГАММ - чиппенхам
 ДУНХОЛЬМ - дарем
 ЭОФЕРВИК - йорк
 ГРАНТАКАСТИ - кембридж
 ГИРУУМ - ярроу
 ГРЕАПАНДУН - рептон
 ЛИНДИСФАРЕНА - линдисфарн
 ЛУНДЕН - лондон
 СНЮТЕНГАХАМ - ноттингем
 ВИХТ - остров уайт

ДЭН СМИТ

ВОЛЧИЦА

Перевод Надежды Сосновской

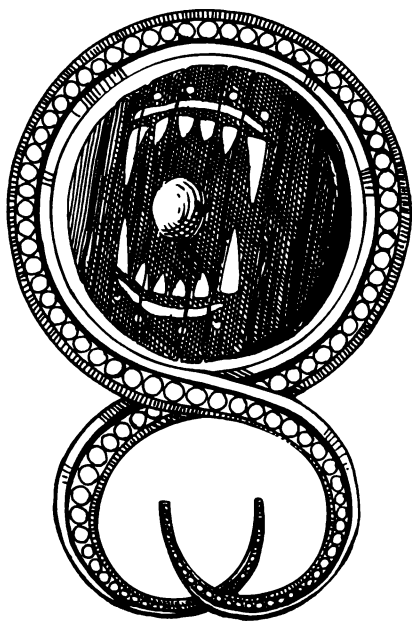
Художник Юлия Широнина

Санкт-Петербург
Издательство «Качели»
2021

Анише и Эшвину

Будьте добрыми. Будьте храбрыми. Будьте сильными

ИЛВА

1

ТРЕХПАЛЫЙ

Услышав крик матери, Ильва вздрогнула. Крик прозвучал неожиданно и был так полон страха и боли, что Ильва не сразу поняла, что это за звук. Но крик прозвучал вновь, и стало ясно, что в первый раз он ей не померещился, а когда оборвался, никаких других звуков со стороны хижины больше не доносилось.

Присев на корточки в покрытом снегом валежнике на краю леса, Ильва обняла своего лохматого пса, элкхунда Гери. Ее взгляд был устремлен туда, куда вела тропа — к покосившейся двери хижины торговца. Ильва крепче сжала рукоятку боевого топорика — так крепко, что костяшки пальцев побелели.

Деревья скрипели и стонали под ветром, порывы которого обрушивались на склон горы.

Когда дверь отворилась, из хижины вышел лысый борода-тый великан и ступил в глубокий снег, покрывавший начало тропы. Он был вдвое выше ростом и шире в плечах, чем обычный человек, и вокруг обоих его ушей синели татуированные руны. Его лицо покрывали шрамы — свидетельства былых схваток. Вокруг бледно-голубых глаз гиганта чернели нарисованные сажей круги, и из-за этого казалось, что это не глаза,

а глазницы мертвеца. «Викинг-грабитель», — подумала Ильва. Возможно, он пришел с тех самых берегов, откуда и она сама приплыла под парусом. Одетый в серые волчьи шкуры, великан двигался медленно, словно зверь. Он шел, пригнув голову, свободно держа меч в левой руке. Лезвие меча было окровавлено.

На правой руке у него не доставало безымянного пальца и мизинца.

Ступив на тропу, великан остановился и, запрокинув голову, посмотрел в темнеющее небо. Он старательно приняхался и повернул голову так, как это делает хищник, чуя запах добычи.

Ильва инстинктивно прижала Гери к снегу. Они с элххундом лежали рядышком на животе. Снег подтаивал. Живот и грудь Ильвы заледенели. Великан, стоявший на тропе, раскрыл рот и попробовал воздух на вкус. Его бледно-голубые глаза сверкнули, а нижняя губа едва заметно перекинулась.

— Учужал что-то?

Из хижины вышла женщина и встала рядом с мужчиной. Она была высокая и крепкая. Ее волосы цвета горящих зимних закатов были заплетены в косицы.

— Не пойму.

Голос великана прогрохотал, подобно колесам повозки по деревянному настилу.

Огневолосая женщина повертела в пальцах подвеску — то самое украшение, которое было на матери Ильвы, когда она вошла в хижину. Ничего особенного — всего-навсего кожаный шнурок с небольшим деревянным медальоном. Эта вещь ничего не стоила и ничего не значила ни для кого, кроме Ильвы.

— А я ничего не чую. — Женщина запрокинула голову и приняхалась к морозному воздуху. — Тебе, видать... Погоди-ка.

Она надела подвеску на шею и ступила на тропу. Из складок меха, в который она была одета, она выхватила короткий меч и вгляделась в деревья на опушке леса. Гери заерзал, словно хотел кинуться на женщину, — так лиса выскакивает из густой высокой травы, чтобы схватить кролика. Но эта женщина мало

походила на испуганного кролика, поэтому Ильва прижала пса к земле, жалея о том, что они не могут с ней слиться. Она крепче сжала рукой морду собаки, чтобы Гери не издал ни звука. Глубокий снег сугроба осыпался сверху и накрыл их коконом. Ильва делала короткие вдохи и выдохи, опасаясь, что облачка пара выдадут ее. Она осмелилась лишь едва-едва приподнять голову и выглянуть за край ледяной корки.

Женщина крадучись пошла по тропе и остановилась на опушке. Внимательно посмотрела влево и вправо, потом — пристально перед собой. Казалось, она смотрит прямо на Ильву и Гери, наполовину утонувших в снегу.

— Ты прав, — сказала она. — И я чую.

Она шагнула к валежнику. Ее волосы блеснули в угасающем свете дня. Но в это самое мгновение со стороны гор за хижинкой послышался волчий вой. Заунывный звук эхом разнесся в сумерках. Женщина замерла, не успев сделать шаг. Она прищурилась и оглянулась на своего спутника через плечо.

— Пошли, — сказал тот.

Женщина вернулась на тропу и немного постояла, вглядываясь в темный лес.

— Скоро стемнеет.

Мужчина сильно взмахнул мечом, и по хрусткому снегу разлетелись алые брызги. Великан вытер лезвие о штаны, резким движением убрал меч в ножны и зашагал туда, где была привязана его лошадь — цвета воронова крыла, с длинной гривой, лохматая, с могучими ногами и широкой спиной. Только такая лошадь и могла выдержать вес этого гиганта. Наверное, это была самая крупная лошадь во всем Мидгарде — по крайней мере, Ильва такую здоровенную видела впервые. «Разве что, — подумала она, — Слейпнир, конь самого Одина, мог быть больше».

Трехпалый взлетел в седло и подождал женщину, которая оседлала свою лошадь. Затем оба достали из-за ворота своих мехов шарфы и посмотрели на деревья, под которыми прятались Ильва и ее пес.

Теперь нос и губы у налетчиков оказались закрыты и видны были только их обведенные сажей глаза. А на черных шарфах белел рисунок — низ черепа. Верхняя и нижняя челюсть. Зубы. И даже из своего укрытия Ильва видела, что клыки на рисунке длинные, как у волка.

Несколько минут Ильва наблюдала за чудищами, и ей хотелось закричать от страха. Но она не смела пошевелиться. Она не могла пошевелиться.

Она могла только кусать щеку изнутри и неподвижно лежать рядом с Гери. Наконец викинги развернулись и поехали прочь. Щиты у них на спине казались Ильве глазами, следящими за ней. А в центре щитов красовался тот же рисунок, что на шарфах, — волчий оскал.

2

БОГИ И СЛЕЗЫ

Ильва долго лежала в снегу и провожала взглядом всадников, исчезающих в сумерках. И даже когда те скрылись из виду, она ждала до тех пор, пока не нападало еще больше снега и не сгустилась ночь. Снег падал, словно во сне. Мягкие снежинки — большие, будто гусиный пух, — сыпались с неба. Ильва лежала, запустив одну руку в густую черно-серую шерсть Гери и дрожа от холода. «Неужели мы так и умрем тут, — гадала Ильва. — Исчезнем, превратимся в ничто?»

Но не этому ее учила мать. Поэтому Ильва заставила себя встать, одернула меховой плащ и потуже затянула шарф. Гери встал рядом с ней. Он был ростом почти по пояс Ильве. Пес был сильный, мускулистый, с шерстью, как у волка, с туго закрученным в калачик хвостом. Разжав челюсти и глянув на свою хозяйку, Гери показал крепкие белые зубы.

Ильва положила руку ему на макушку.

— Нам нужно войти внутрь.

Она выбралась из-за деревьев и направилась к хижине торговца, но на полпути Гери остановился, стиснул зубы и заскулил.

Ильва обернулась.

— Ты боишься, — сказала она, посмотрев на пса.

Гери прижал уши к голове и попятился назад, глядя на покосившуюся дверь хижины. Он снова заскулил, и его полный тоски вой разнесся эхом в пустоте горного склона.

— Не надо плакать. — Ильва присела на корточки рядом с собакой. — Ты мне сейчас нужен, как никогда. Помоги мне быть сильной. — Она прижалась щекой к морде пса, охватив рукой его голову. Ничто так не успокаивало ее, как запах собачьей шерсти. — Теперь мы с тобой воины, — прошептала Ильва на ухо Гери. — Викинги. И мы сделаем все, что должны сделать, чтобы выжить. Так бы сказала мама.

Ильва знала, что ее мать лежит в хижине мертвая, но не позволила себе расплакаться. Только не сейчас.

— Слезы — не знак слабости, — сказала она Гери решительным голосом. — Но для слез бывает верное время, а сейчас неверное. Для нас на первом месте всегда выживание. И мы делаем все возможное, лишь бы остаться в живых. Мы должны помнить слова мамы. Выжить — всегда важнее всего.

Ильва встала и посмотрела на пса сверху вниз.

— За мной, — сказала она и пошла вперед медленным шагом. Поравнявшись с покосившейся дверью, она рванула створку на себя и переступила порог.

Гери зашел в хижину следом за хозяйкой. Ильва постояла и дала глазам привыкнуть к темноте. Кончиками пальцев левой руки она прикасалась к шерсти пса, а в правой крепко сжимала рукоятку боевого топорика.

В дальнем конце хижины находился прилавок, сработанный из грубо отесанной древесины. Справа, ближе к очагу, стояли два простых квадратных стола и стулья. В очаге горел огонь, тускло освещая хижину. На треноге над огнем висел закопчен-

ный котелок. Запах похлебки смешивался с запахами земли, пламени и пота.

Слева на стене, на ржавых гвоздях, висели самые разные вещи — от лошадиных сбруй и глиняных горшков до странных ремесленных орудий и непонятных кусков железа. Ничего такого Ильве не было нужно. На грубо вытесанных полках лежали стопки половиков и мехов. На земляном полу стояли лари с зерном, копченым мясом и рыбой.

Мать Ильвы лежала на полу ничком рядом с ларями с зерном. Ее волосы разметались по полу, словно свежескошенная солома. Земляной пол вокруг был залит кровью. Бесславная смерть.

У прилавка лежал еще один труп — мужчина.

Гери подошел к матери Ильвы, обнюхал мертвое тело, запрокинул голову и завыл.

— Нельзя плакать. Помни, что говорила мама. Бывает время для слез. Но не сейчас. Не время.

Пес сразу же умолк и улегся рядом с матерью Ильвы. Он посмотрел на Ильву грустными темно-карими глазами. Они долго смотрели друг на друга, и только потом Гери наконец успокоился и опустил большую морду на лапы.

— Молодец.

Ильва закрыла дверь.

Кряхтя от натуги, она задвинула тяжеленный засов и проверила, крепко ли заперта дверь. Потом сняла с плеча сумку. Сунув топорик за пояс, прошла в глубь хижины, готовя себя к тому, что ей предстояло сделать. Глухая пустота наполняла лавку и словно бы хотела поглотить Ильву, но та была сильна. Она была родом из суровой страны и пережила суровые времена. Она переплыла через море, и за поясом у нее был топорик с «бородкой», а значит, она была викингом.

— Главное — выжить, — прошептала Ильва и загнала сердечную боль в самый дальний уголок души.

Она опустилась на колени рядом с матерью и подвела руки под мертвое тело. Не так просто было перевернуть погибшую

мать на спину. Когда Ильве это удалось, она дала себе передышку. Тяжело дыша, она стала взглядываться в любимое лицо.

Гери не сводил с нее глаз. Он словно спрашивал: «*Она вправду мертва?*»

— Да, — проговорила Ильва. Не имело смысла прижиматься ухом к груди матери и слушать, бьется ли ее сердце. — Да, вправду.

Ильва распрямила шарф матери и обвязала им ее волосы, стараясь не думать о том, как, бывало, мать причесывала ее, сидя у огня и напевая мелодию. Причесав дочку, она опускалась перед ней на колени и говорила: «Твои волосы цвета зимней пшеницы, а глаза — цвета середины лета».

Больше она никогда не скажет этих слов.

Ильва до боли прикусила нижнюю губу и запустила руки под меховой плащ матери. Она искала нож — но ничего не нашла. Нож пропал.

«А с ним как быть?» — спросил Гери глазами, устремив взгляд на лежавшего у прилавка мужчину.

— Это, похоже, торговец, хозяин хижины.

«Он тоже мертвый?»

— Да, он тоже мертвый.

Ильва не сразу решилась достать из чехла нож и срезать прядь волос матери. Затем она аккуратно уложила срезанные волосы в торбочку, притороченную к поясу. Потом взяла с полки одеяло и укрыла им мать. Покончив с этим, Ильва подошла к столу у очага, выдвинула стул и села.

Она щелкнула языком. Гери подошел и сел рядом. Ильва наклонилась и обняла пса за шею. Она прижалась щекой к его шерсти и вдохнула знакомый запах дыма костра и морозного воздуха. От Гери всегда пахло так, и это всегда утешало Ильву.

— Что же мы натворили, чем разгневали богов? — проговорила она. — Что мы такого сделали, что боги нас покинули?

НИФЛЬХЕЙМ

Дрова в очаге сгорели до угольев, жар угас.

В заледеневшем мире Нифльхейма по ночам было холодно, как в могиле. Эта хижина была единственным жилищем на многие и многие мили вокруг. Трехпалый запросто мог вернуться сюда ради тепла и крыши над головой. Ильва не могла медлить. Она должна была убедиться, что они в безопасности.

Самое главное — выжить.

— Лежать, — скомандовала Ильва и подбросила дров в очаг.

Гери проводил ее взглядом. Она подошла к двери и несколько раз проверила, надежно ли заложен засов. Затем прошла по хижине и опустилась на колени рядом с телом торговца. Она обыскала его, но не нашла ничего полезного. А вот за прилавком обнаружила лук, лежавший на полу, в сырой пыли.

Ильва подняла лук и повертела в руках. В гнутой древесине ощущались сила и могущество. И хотя лук был изготовлен для взрослого человека, Ильва довольно ловко сумела сжать оружие маленькой рукой. Лук подарил ей одновременно спокойствие и страх. Это было оружие выживания и смерти. Орудие мести. Не случайно она нашла лук именно здесь.

— Боги оставили этот лук здесь для меня, — сказала Ильва, посмотрев на Гери. — Может быть, даже сам Тор положил его здесь и дал мне знак.

И словно в подтверждение своей догадки Ильва увидела в углу колчан со стрелами. Каждая стрела — с острым железным наконечником. Такие стрелы пробьют что угодно. Даже кольчугу.

Одна. Две. Три. Четыре... Ильва снова и снова проводила кончиками пальцев по оперенным стрелам, пересчитывая их. Одна. Две. Три. Четыре. Пять...

Девять стрел. Девять острых железных наконечников.

Ильва почесала шею в том месте, где ее натер край ворота, и перевела взгляд туда, где лежало тело матери, укрытое одеялом. Гери терпеливо сидел около стола.

— Я знаю, что делать с этим оружием, — сказала она.

Ильва положила лук и колчан со стрелами на прилавок и, избегая вопрошающего взгляда своего пса, стала дальше осматривать лавку. На прилавок ложилось все, что могло быть полезным и что было не тяжело нести. Помимо прочего — нож с костяной рукояткой, глиняный горшочек с трупом и огнивом. Рыбная и мясная солонина, маленькая торбочка с семенами белены. Ильва все проверила и несколько раз пересчитала перед тем, как уложить вещи в кожаную сумку. Эту сумку она сняла с мертвеца несколько дней назад. Он был одним из многих, лежавших в покрасневшей от крови воде у берега, рядом с дымящимся остовом большого корабля.

Вскоре в сумке оказалось достаточно припасов, чтобы продержаться неделю, а то и две. Мешочек с семенами Ильва приторочила к поясу рядом с флягой с водой. Нож сунула за пояс так, чтобы он всегда был под рукой.

Потом Ильва взяла еще одно одеяло, туго скатала его, перевязала бечевкой, найденной на полке, и положила у двери рядом с сумкой. Так было проще и легче схватить пожитки, если придется спешно спасаться бегством. Но пока что она никуда не собиралась. В хижине торговца было теплее и безопаснее, чем в лесу. К тому же в котелке над огнем аппетитно булькала похлебка.

Пахло от похлебки неприятно. Ключки щетины, плававшие среди кусков картофеля и моркови, выглядели отвратительно. Но Ильва не знала, когда ей в следующий раз удастся поесть, поэтому она налила похлебку в глиняную миску, взяла сухарь и села у огня.

Мощный лук лежал на столе перед ней. Рядом с луком — одна стрела, остальные — в колчане, поблизости.

Ильве не хотелось есть, но нужно было согреться и набраться сил, поэтому она ела похлебку и посматривала на Гери, ле-

жавшего у ее ног. Пес поднял голову, поглядел на хозяйку, пошевелил бровями и тихонько заскулил.

«Что же нам теперь делать? Куда мы пойдем?»

— Сделать нам надо только одно, — сказала ему Ильва. — Как только рассветет, я похороню маму в лесу за хижинкой, а потом мы разыщем Трехпалого. И как только разыщем, я его убью.

Гери положил морду на передние лапы, облизнулся и вздохнул.

«Почему?»

— Потому что так полагается. Этого ждут боги.

4

ВОЛЧОНОК

Ильва сидела лицом к двери и смотрела на тени от языков пламени в очаге. Она старалась не заснуть, но в конце концов ее веки сомкнулись, и она, опустив голову на стол, погрузилась в тревожную дрему, перемежающуюся обрывками снов. Известно, сколько времени она проспала, но когда ее разбудило рычание Гери, было еще темно.

В первые мгновения она не смогла вспомнить, где находится, а когда поняла, рывком вскочила на ноги, сжав в одной руке лук, а другой — стрелу.

Гери застыл настороже рядом со столом. Навострив уши, пес не спускал глаз с двери.

— Что там? — спросила Ильва. — Что ты услышал?

Она застыла неподвижно, словно каменный истукан, и запрокинула голову, стараясь сосредоточиться. Ветер обрушивался на стены хижины и как будто скреб бревна когтями. Но когда ветер на миг утих, пустоту и тишину наполнил еле слышный звук.

Топ. Топ. Топ.

— Что это?

Топ. Топ. Топ.

Медленный приглушенный топот копыт на заснеженной тропе.

— За мной!

Ильва взяла Гери за холку и потащила к дальней стене. Перепрыгнув через труп торговца, она попятилась в самый дальний угол за прилавком и выхватила из колчана две стрелы. Их она положила поблизости, на край прилавка, а третьей стрелой зарядила лук.

— Не показывайся, — шепнула она Гери.

Ветер стонал, словно мертвецы, вставшие из могил. Тяжелые снежинки стучали по крыше. У Ильвы часто забилося сердце. Посреди порывов ветра слышался приглушенный голос. В следующее мгновение затарахтела дверь.

— Эй!

Дверь затарахтела снова, а через секунду в проломе разбитой ставни появился глаз. Женщина крикнула громче и забарабанила кулаком по стене.

Гери напрягся и, оскалив зубы, протяжно и свирепо зарычал. Ильва, немного выждав, успокоила его и присела на корточки там, где ее скрывала самая глубокая тень. Держа лук наготове, она попробовала приободрить Гери улыбкой, но тут ставня накренилась и с треском упала внутрь хижины. Ильва вздрогнула, когда на пол посыпались щепки и снег.

Не успела Ильва и глазом моргнуть, как в оконном проеме появилась рука и потянулась к засову. Удар. Тяжелый деревянный брус рухнул на пол. Рука убралась.

Дверь распахнулась. На крыльце стояла одинокая фигура. Женщина со спутанной копной черных с проседью волос. Ее лицо до самых глаз закрывал толстый черный шарф, и из-за этого она походила на злого старого медведя, вышедшего из чащи леса. Отблески огня сверкали в темных глазах женщины. На ее левом плече висел дорожный мешок, в правой руке она сжимала короткий меч.

Вокруг нее бушевал ветер и задувал снег внутрь хижины.

Ильва велела Гери сидеть на месте, а сама выпрямилась и натянула тетиву лука.

— Ни с места или я убью тебя.

Эти слова она произнесла четко и ясно, не позволила голосу дрогнуть.

Женщина остановилась на пороге и, прищурившись, взгляделась в темноту за очагом.

— Я не шучу.

Ильва осталась за прилавком, но сделала шаг вперед, чтобы женщина увидела стрелу, нацеленную ей прямо в сердце.

— О! — Женщина приставила меч к стене и подняла руки вверх, чтобы было видно — в них ничего нет. Затем она опустила шарф, обвела взглядом хижину, разглядела Ильву, и ее взгляд смягчился. — Дитя? Пожалуйста. Не убивай меня. Прости, если я напугала тебя.

Женщина разговаривала странно. Слова были те же самые, какие произнесла бы Ильва, но выговаривала их женщина по-другому. Это напомнило Ильве, что она в этой стране чужая.

— Вправду, дитя, не бойся, — сказала женщина. — Я тут не для того, чтобы сделать тебе зло. Я просто хочу уйти с холода и согреться.

— Я не боюсь. — Ильва опустила подбородок. Ей очень хотелось выглядеть старше своих лет. — И я не дитя. Попробуешь войти сюда — и я тебя пристрелю насмерть.

Ильва быстро скосила глаза на сидевшего рядом с ней Гери и тут же вернулась взглядом к женщине.

— Хм... Что ж... А я боюсь, — сказала женщина. — Боюсь того, что кроется здесь, во тьме, и того, что осталось в лесу. И еще боюсь замерзнуть насмерть, потому что если пробуду здесь еще немного, у меня заледенеет кровь. А этого мне совсем не хочется.

— Поищи другое место.

— Нет другого места. Мне не по себе из-за того, что ты целишься в меня из этой штуки. Прицелься во что-нибудь другое.

— Я знаю, как стрелять, и стреляю я быстро, — сказала Ильва. — И не думай, что я этого не сделаю. Я тебя убью так же быстро, как убила бы крысу.

— Не сомневаюсь, — сказала женщина с полуулыбкой. — Вижу в тебе волка. — Несколько мгновений она пристально смотрела на Ильву, а потом обвела взглядом хижину. Испутив долгий вздох, она снова посмотрела на Ильву.

— Тут все холоднее. В лесу много такого, с чем бы мне не хотелось встречаться. Мне вправду нужно войти.

— И попытаться убить меня?

— А зачем мне это?

— Затем, что ты из племени саксов, а...

— А ты из племени данов? — Женщина вдохнула поглубже и надула щеки. — Слушай, мне плевать на всяких там викингов, саксов и все такое. Люди есть люди, я так считаю, и каждый имеет право жить, как пожелает, и чтоб его никто ни трогал. А сейчас я очень хочу войти в эту хижину и притом так, чтобы остаться живой. Обещаешь не наводить на меня стрелу?

Ильва промолчала.

— Может быть, стоит познакомиться, — продолжала женщина. — Меня звать Катгрин. Торгую кое-чем, порой попадаю в беду. Ну а ты, волчонок? У тебя имя есть?

Ильва не отпустила натянутую тетиву.

— Не собираюсь делиться с тобой моим именем.

Катгрин вздернула брови и кивнула.

— Хм, что же... Понятно. Но надо же мне как-то тебя называть. Ты такая свирепая. Как насчет Волчонка?

Ильва ничего не ответила.

— Значит, пусть будет Волчонок. Мы познакомились. А теперь, когда мы с тобой стали знакомы, я так думаю, будет правильно, если ты пригласишь меня, чтобы я вошла и согрелась у огня. — Она улыбнулась. — А может быть, ты даже поделишься со мной тем, что готовится в котелке.

Гери распрямился, поставил передние лапы на прилавок рядом с Ильвой и внимательно посмотрел на странную женщину.

Он совсем перестал волноваться и рычать. Его дыхание стало спокойным.

— Думаешь, она добрая? — шепотом спросила у него Ильва. — Впустим ее?

«У нее добрые глаза. Мне она нравится».

— Она тебе нравится? — Ильва смотрела в глаза женщины и пыталась найти в них доброту, которую увидел Гери. — Точно?

Может быть, пес прав, и от женщины не исходит угроза. Но все же опасаться ее стоило.

— Ладно, — шепнула Ильва и добавила громче: — Можешь войти.

— Спасибо. — Катгрин была явно озадачена поведением Ильвы, но едва заметно кивнула. — И спасибо тебе за то, что не убила меня. — Она положила свой мешок рядом с дорожной сумкой Ильвы. — Не хочу, чтобы ты еще сильнее злилась, — добавила Катгрин, — но я не одна.

И только она произнесла эти слова, как из-за ее спины вышел темнокожий мальчик. Он был на несколько дюймов выше Ильвы. Худощавый. В кожаной рубахе и штанах. На его плечи был наброшен меховой плащ, а обут он был в отороченные мехом сапоги. Шею обвивал гладкий широкий шрам — казалось, что это ремешок. В левой руке он держал лук.

— Это Брон, — сказала Катгрин. — Он говорит мало. Чаше просто хмурится.

С этими словами женщина захлопнула дверь ногой.

МЕСТЬ

ДАЛЕКО ОТ ДОМА

— Страшновато там. — Каттрин провела ладонью по густым темным с проседью кудрям и растерла замерзшие щеки. Потом протерла глаза и обвела хижину взглядом. — Ага.

Внимательно осмотрев лавку изнутри, она вернулась взглядом к Ильве, которая по-прежнему стояла позади прилавка.

— Сколько тебе лет, дитя? Похоже, ты немного младше Брона. — Она указала на мальчика. — Тринадцать? На вид тебе тринадцать. — Произнося эти слова, Каттрин заложила засов на место и, как могла, принялась закрывать оконный проем тем, что попадалось под руку. Вой ветра стих. — А ты, стало быть, из племени данов. Но притом сейчас ты в той части Нортумбрии, где по сей день правят саксы. Я бы сказала, ты ушла очень далеко от дома.

Мальчишка походил на зверя, принявшего стойку перед атакой. Он остался у двери и наблюдал за Ильвой темными зоркими глазами. Лук он держал в опущенной руке.

— А что же ты делаешь так далеко на севере, дитя? Заблудилась? — Каттрин обернулась от закопаченного окна и посмотрела на Ильву. Та не ответила, и Каттрин пожала плечами. — А кто это лежит у твоих ног? Хозяин этой хижины? Не хочешь сказать мне, что с ним случилось?

— Я его не убивала, — сказала Ильва.

— Я не об этом тебя спросила. Но раз уж ты сказала... непохоже, чтобы он спал, а стало быть, кто-то его таки убил. Если не ты, то кто? — Она потерла замерзшие руки и шагнула к телу, лежавшему под одеялом. — А это кто?

Она наклонилась и взялась за краешек одеяла.

— Не трогай, — предупредила Ильва.

— Я должна посмотреть. — Катгрин совсем немного приподняла одеяло. — Ты ее знаешь?

Ильва коротко кивнула.

— Это твоя мать? И...

— Да, так что не трогай.

Катгрин вздохнула и опустила краешек одеяла.

— Мне очень жаль. — Она подошла к очагу, наполнила три глиняные миски похлебкой и поставила их на стол. Ногой выдвинула из-под стола стул и указала на него. — Брон, иди сюда, садись. Ты пугаешь бедняжку.

Мальчишка сделал странный жест правой рукой: прижал к бедру кулак и резко разжал пальцы — так, словно что-то отбросил в сторону. При этом он не сводил глаз с Ильвы, а она пристально смотрела на него.

— Он боится тебя точно так же, как ты боишься его, — сказала Катгрин. — И вот так он говорит «нет». Он мало говорит и потому что-то показывает руками. — Она обернулась к Брону. — Сядь. Ты разве не видишь, что она никому ничего плохого не сделает?

— А ты не будь так уж в этом уверена, — процедила сквозь зубы Ильва. — Я еще опаснее, чем кажусь на вид.

— Вот как? — вздернула брови Катгрин. — Еще опаснее?.. Значит, мне надо быть осторожнее со словами. Брон, садись.

Не сводя глаз с Ильвы, мальчишка вздохнул, осторожно прошел к столу и сел на стул. Свой лук он прислонил к столу, а уселся так, чтобы краем глаза следить за Ильвой.

Катгрин отпила немного похлебки и закашлялась.

— Ой, ну и гадость. Ты сварила?

— Нет. А почему у него кожа такая темная?

Катгрин утерла губы рукой.

— Это ты про Брона?

— Да.

Катгрин поморщилась, отпив из миски еще немного похлебки.

— Его предки жили там, где никогда не идет снег, а солнце светит от зари до сумерек. Там у всех темная кожа.

— Сроду не слыхала про такое место.

— Это не значит, что такого места нет. Это далеко к югу отсюда, за морем.

— А ты почему так странно слова выговариваешь? Все саксы так говорят?

— Как много вопросов, — покачала головой Катгрин. — Да, так говорят все саксы. А теперь скажи ты мне кое-что. Что ты делаешь одна-одинешенька в этой хижине с двумя мертвецами? Что тут случилось?

Ильва бросила взгляд на Гери. Тот все еще стоял на задних лапах, поставив передние на прилавок. Пес посмотрел на хозяйку.

«Скажи им», — словно бы произнес он, и Ильва удивилась: почему собака доверяет этой женщине? Но Гери всегда лучше разбирался в людях, чем она.

— Женщина и мужчина пришли сюда. Я была снаружи. А моя мать вошла к торговцу, чтобы кое-что купить, и...

Взгляд Ильвы упал на одеяло, лежавшее на полу, и у нее ком застрял в горле.

— Хм. — Катгрин кивнула, не оборачиваясь. — Только для того, чтобы что-то купить? Думаешь, она не по другой причине сюда пришла?

— По какой еще другой причине?

Ильва подняла свободную руку и поправила шарф на шее.

— Ты только не сердись, дитя. Я просто спрашиваю: может быть, ты что-то еще скажешь? Понимаешь, окажись я тут, на морозе, да с ребенком, и при мне ни гроша, как вдруг я вижу теплую хижину, где есть еда, а у меня в руке нож... Думаю, никто не стал бы винить мать за то, что она пыталась сберечь свое дитя.

— А кто тебе сказал, что у нас не было ни гроша? У моей матери было серебро. Много серебра. Зачем мне лгать? Ты меня лгуньей назвала?

Каттрин подняла руку.

— Никак я тебя не назвала. Вижу: ты честная девочка. Честная и опасная.

— Так и есть.

Каттрин выпила еще немного похлебки.

— Так... ты мне начала рассказывать, что случилось.

— Нож у моей матери вправду был при себе, и притом хороший. И серебро было, чтобы купить одеяла и горячей еды, и она... — Ильва покусала губы и сделала глубокий вдох. — Мне она велела подождать снаружи, а сама вошла сюда. А тут мужчина с женщиной прискакали на лошадях.

— Мужчина и женщина? — переспросила Каттрин, отстранив миску с похлебкой от губ. — Конные?

— Викинги. Они вошли в хижину... а когда вышли... — Ильва до крови прокусила щеку изнутри. Не время было плакать.

— Точно знаешь, что это были викинги?

Ильва постаралась преобразить свое отчаяние в ненависть.

— Конечно. Я знаю, как выглядят викинги-разбойники. Они были одеты как викинги, и оружие у них было как у викингов. А еще у них были шарфы и щиты с нарисованными волчьими черепами.

— Волчьими черепами? А когда они ушли? Давно?

— До темноты.

Каттрин взглянула на Брона. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, после чего Каттрин вернулась взглядом к Ильве.

— Ты еще не рассказала мне, как оказалась так далеко на севере. В прошлом месяце Эофервик завоевал Ивар Бескостный, и теперь большая часть королевства к югу принадлежит викингам. Но не эти земли. Данов мы тут тоже не так уж часто встречали. Только изредка они являются с набегом, вот как недавно... — Она не договорила и устремила взгляд на лежавшее под одеялом тело. Ее голос зазвучал мягче. — В одном поприще от-

сюда мы видели длинный корабль на берегу. Там были трупы... Это как-то связано с тобой?

— Не хочу больше отвечать на вопросы, — сказала Ильва.

— Понимаю. — Каттрин еле заметно улыбнулась. — А может, подойдешь и сядешь? Похлебка паршивая, на вкус — как конский навоз со слизнями, но хотя бы горячая. Тебе станет лучше.

— Ни от чего мне не станет лучше. А тебя я не знаю, потому не доверяю тебе. Моя мать учила меня никому не доверять в пути. Главное — выжить.

— Похоже, она была мудрой женщиной, — кивнула Каттрин. — Мне бы она, наверное, понравилась. Но не забыла ли она сказать тебе, что порой кому-то все же надо доверять? Что в один прекрасный день от этого и будет зависеть, выживешь ты или нет?

— Ей я доверяла.

— Но теперь ее нет, так кому же ты будешь доверять?

— Себе самой, — не раздумывая, ответила Ильва. — И богам.

— Богам? Правда?

— Они меня испытывают, — сказала Ильва.

— А, понимаю. Испытание. Вот так, значит, поступают ваши боги, да?

— Потому что хотят сделать нас сильными. Говорят, у вас, саксов, только один бог, и что он мягкий и слабый. Так?

— Порой в мягкости кроется сила, дитя.

Ильва очень удивилась:

— Как это?

— Ты разве никогда не видела, как гнется под ветром трава? — спросила Каттрин.

— Трава и Боги — не одно и то же. Их нельзя сравнивать.

Каттрин улыбнулась.

— Может, ты и права. А вдруг мы с Броном — часть того самого испытания, о котором ты говоришь? Я о том, что мы никуда не уйдем, а значит, нам предстоит сыграть какую-то роль. — Каттрин снова отпила немного похлебки из миски. — Не просто-ишь же ты за прилавком всю ночь. Обещаю: мы не причиним

тебе вреда, мы этого не хотим, поэтому ты могла бы посидеть тут с нами, у огня. Самое плохое, что может случиться, — мерзкий вкус этой похлебки оскорбит твой рот.

Ильва точно знала, что может остаться за прилавком хоть на всю ночь, если захочет, но у Гери были другие мысли. Он так посмотрел на нее темно-кариими глазами, склонив голову набок, что Ильва поняла, что сказал бы ее пес, умеет он говорить.

«Тут холодно. Мне не нравится. Нам надо быть у огня, где тепло».

— Мы останемся здесь, — прошептала Ильва. — Я не доверяю им.

«А может быть, она права. Может быть, и вправду это часть испытания. И там тепло. И есть горячая еда».

— Нет.

Ильва покачала головой.

«А я не хочу остаться без тебя».

— Ладно. — Ильва собрала стрелы и вышла из-за прилавка. — Но глаз с них не своди.

Она подошла к очагу, но за стол с чужаками не села. Подошла ко второму столу, выдвинула стул и села лицом к Катгрин и Брону. Радуюсь возвращению в тепло, Гери улегся на полу у ног Ильвы. Он зевнул, облизнулся, опустил голову на передние лапы и закрыл глаза.

Ильва не была готова так расслабиться. Она положила свой лук на стол и накрыла его обеими руками, чтобы, если что, выстрелить мгновенно. За чужаками она наблюдала через занавес прядей волос, падавших ей на лицо.

— Ты вправду умеешь им пользоваться?

Катгрин указала на лук.

— Да.

— И ты бы узнала тех людей, которые причинили тебе такое зло?

— Да.

— Ага. — Катгрин потерла руками усталые глаза. — Знаешь... То, что случилось с тобой, ужасно. Случись такое со мной

и будь при мне оружие, мне бы казалось, что оно умоляет меня им воспользоваться. Будь я из племени данов и верь я в твоих богов, я бы, пожалуй, сказала себе, что это судьба. — Она возвела глаза к потолку. — Что боги вложили это оружие в мои руки. — Она опустила голову и пристально посмотрела в глаза Ильвы. — Я тебя знаю совсем немного, свирепое дитя, но я бы сказала, что ты собираешься выследить тех, кто убил твою мать. Ты хочешь заставить их заплатить за то, что они сделали, потому что так принято у викингов, верно? Ты хочешь мести.

Ильва молча смотрела на Катгрин.

— Я знаю, что права. — Катгрин поднесла к губам миску. — Я долго живу на свете, так что порой бываю права. — Ее голова окуталась исходящим от миски паром, и она допила остатки хлебки. — Фу... — Она брезгливо поморщилась и утерла губы рукой. — Обычно я советов не даю, да и сама почти никогда чужих советов не слушаю. Но тебе следует знать, что месть — это хитрый зверь. Когда носишь в сердце такую тьму, какая сейчас с тобой, это то же самое, как если бы ты схватила Всемирного змея Йормунганда за хвост. Он наверняка развернется и проглотит тебя целиком... или плюнет ядом тебе в лицо и станет смотреть, как ты страдаешь. Ничто не вернет их назад, Волчонок. Даже месть. — Она посмотрела на тело матери Ильвы, лежавшее под одеялом. — Самое лучшее, что ты можешь сделать, — пережуй свою боль. Пусть она смягчится. Что было, то было. Назад не вернешь.

6

ЛЕВА ШИТА

Катгрин куталась в меховой плащ до тех пор, пока не согрелась. Тогда она сбросила плащ с плеч, и под ним оказалась куртка из толстой кожи. За пояс на животе был засунут нож, кото-

рым можно было освежевать тушу медведя, а сбоку к ремню был приторочен топорик с короткой рукояткой. Если прибавить к этому оставленный у порога меч, то Каттрин была очень даже неплохо вооружена.

Она сказала, что «торгует то тем, то этим», но Ильва была уверена: Каттрин — не торговка. Одеждой и оружием она больше походила на воительницу. Деву щита. Мечи были дороги, и выковать их было непросто. Владели мечами либо те, у кого хватило бы денег заказать их у кузнеца, либо те, кто забрал оружие из мертвых пальцев убитого врага.

На богачку Каттрин не походила.

Брон не произнес ни слова с тех пор, как вошел в хижину. С Каттрин он разговаривал языком жестов, но с Ильвы глаз не спускал. Следил за ней, как ястреб озирает лес с вышины.

Тянулась ночь. Все трое оставались на своих местах. Они и поначалу говорили мало, а потом и вовсе умолкли.

Через какое-то время Каттрин заснула, сидя на стуле. Как только она захрапела, Брон еще сильнее нахмурился. Он сделал большие глаза и зыркнул на Ильву — кажется, хотел показать, что храп его раздражает. Потом направился к дальней стене хижины, взял с полки два одеяла и расстелил их на земляном полу поближе к очагу. Довольный своим самодельным ложем, он улегся, запахнул поплотнее меховой плащ и закрыл глаза.

Ильва сидела, слушала похрапывание Каттрин и смотрела, как вздымается и опадает ее могучая грудь. Она гадала, не сможет ли эта женщина помочь ей разыскать Трехпалого.

«Или отвести нас куда-нибудь в безопасное место». Гери поднялся, сел, поддел носом руку Ильвы, чтобы она обратила на него внимание, и положил лапу ей на колено.

— Может быть, — прошептала Ильва, глядя мягкий мех между ушами пса. — Может быть. А вот мальчишка этот мне не нравится. Не нравится, как он смотрит на меня.

Гери разжал челюсти и свесил вбок язык.

«Боишься его?»

— Еще чего. Вовсе не боюсь. — Ильва наклонилась и прижалась лицом к шее Гери. — Просто не нравится он мне. Неспособно с ним рядом.

Вскоре после полуночи Ильва тихо отодвинула стул от стола, встала и размяла ноги. Обошла стол маленькими шагами и прошла туда, где лежала ее убитая мать. Она села на пол, скрестила ноги и положила лук со стрелами поближе. Гери вздохнул, лег и свернулся калачиком рядом с хозяйкой.

— Завтра будет первый из многих долгих дней, — сказала Ильва, глядя пса. — И ты мне нужен, чтобы оберегать меня.

Она скосила глаза на Брона. Тот не спал и смотрел на нее. Не пошевелился, не моргнул и вскоре снова закрыл глаза. Ильва выждала несколько минут и бережно коснулась одеяла, под которым лежало тело матери.

— Я отомщу за тебя, — прошептала она. — Клянусь.

Она долго сидела, моргала пересохшими глазами и старалась не спать. Она знала, что из-за пережитого ей будут сниться страшные сны. Но через какое-то время она понурилась, опустила голову, и сон овладел ею.

7

МЕРЗЛАЯ ЗЕМЛЯ

Когда Ильва проснулась, ни Катгрин, ни Брона в хижине не было.

Ильва лежала на полу, свернувшись калачиком, рядом с холодным мертвым телом матери. В первое мгновение она не могла вспомнить, где находится и что случилось, а потом все обрушилось на нее, словно холодный водопад. Она рывком села и схватила лук. Проснулся испуганный Гери. Вокруг нее лежали одеяла — похоже, кто-то пытался ее укрыть. В панике Ильва

вскочила на ноги и прижала руку к шее — но нет, шарф был плотно завязан.

Сквозь щели в ставнях пробивался свет. На углях в очаге лежали свежие поленья. Снаружи доносился негромкий ритмичный хруст.

Ильва подошла к двери и открыла ее. Морозный воздух защипал ноздри. Еще не окончательно рассвело — казалось, в мире надо провести уборку. Низко висели тяжелые тучи, между деревьями клубился туман. Снег на тропе затвердел и превратился в россыпь драгоценных камней.

Рядом с хужиной были привязаны две лошади — одна каштановая, вторая — соловая. Обе, опустив головы, ели овес из деревянного корытца. Похрустывание зерна на зубах лошадей звучало успокаивающе. Оно напомнило Ильве о холодных утренних часах в родной деревне, где она кормила лошадей и готовила их к дороге.

Она шагнула к лошадям, а следом за ней, как обычно, пошел Гери. Сладко пахнущая соловая лошадь лениво повернула голову. Ее лохматый бок был красивого золотого цвета, а грива и хвост — почти белые. Щетка над одним копытом походила на белый носок. Но сильнее всего внимание Ильвы привлек символ, нарисованный на боку лошади, — белый круг с двумя закрученными внутрь хвостиками вниз.

На боку у каштановой лошади был нарисован точно такой же символ.

Порой и на родине Ильвы люди наносили знаки на шкуру лошадей и носили похожие амулеты, чтобы отгонять злое кол-

довство. Кем бы ни была Катгрин, откуда бы она ни была родом — она не просто знала о богах Ильвы. Она пользовалась похожими оберегами.

— Ты красивая.

Ильва провела ладонью по мускулистой шее лошади. Ей очень понравилось, что лошадь дружелюбна и спокойна, и ей очень хотелось еще побыть рядом с этим прекрасным животным. Однако негромкие ритмичные звуки, которые она слышала, находясь в хижине, все еще доносились до нее, и она решила узнать, что это такое. Под подошвами ее сапог хрустел снежный наст. Ильва направилась за хижину, где перед горным склоном, густо поросшим деревьями, находился небольшой участок ровной земли.

Там она увидела Катгрин и Брона. Оба держали в руках лопаты и копали черную землю.

Заметив Ильву, они прекратили работу.

Катгрин воткнула край лопаты в землю и оперлась на черенок.

— Мужчину мы уже опустили в землю, — сказала она. — Глубоко, чтобы его не нашли звери. — Она перевела взгляд на вторую могилу. — А эта для твоей матери, и...

— Мне следовало сделать это самой. — Ильва посмотрела на холм темной земли. — Это мой долг.

— Хм, — произнесла Катгрин. — Может быть, ты права. — Она выдернула лопату из земли и протянула Ильве. — Можешь закончить работу, а мы пока займемся завтраком.

Ильва подошла и взяла лопату, но копать принялась, только тогда Катгрин и Брон ушли.

Гери тихо сидел рядом с могилой, пока Ильва копала мерзлую землю. Он смотрел на горный склон и не издавал ни звука, но Ильве было спокойнее оттого, что пес рядом. Никто не понимал ее так, как Гери.

Выкопав достаточно глубокую яму, Ильва выбралась из нее и отряхнула землю со штанов.

— Вот теплый эль, — сказала Катгрин, когда Ильва вернулась в хижину. — И горячее жаркое.

Она стояла у очага и помешивала булькающее густое варево в том самом черном котелке, который висел над огнем раньше. Брон сидел за столом и уплетал варево деревянной ложкой.

— Ты вспотела — так уработалась, — сказала Каттрин. — Может, снимешь шарф?

Ильва прижала руку к шее и сжала в пальцах вязаную шерсть.

— Нет.

— Садись. — Каттрин положила дымящееся жаркое в глиняную миску, поставила ее на деревянную круглую дощечку и положила рядом с большим куском сыра. Затем она оторвала кусок от черствого каравая, положила около сыра и протянула девочке: — Хлеб плохой, но его много. Наешься.

Ильва к столу не пошла. Каттрин вздохнула. Ее взгляд стал печальным.

— Дитя... Я знаю, чем ты хочешь заняться, но мало толка делать это на голодный желудок. Рано или поздно каждому стоит поесть. — Она снова протянула Ильве дощечку с миской.

Мать сказала бы Ильве то же самое, но по-другому. Если Ильва собиралась отправиться в лесную глушь по следам Трехпалого, стоило перед этим поесть горячего. А такая еда случалась не каждый день.

— «Важней всего выжить». Разве не так тебе говорила мать? — Каттрин словно бы прочла мысли Ильвы. — Поешь, а потом мы похороним ее, как подобает. Даю тебе слово.

Ильва все же не подошла к столу. Каттрин вздохнула и поставила тарелку на край стола. Положила жаркого себе и села есть.

— Спала ты плохо, — проговорила она, прежде чем отправить в рот очередную ложку еды. — Дрожала, как промокшая собачонка. Брон тебя одеялами укрывал.

Темнокожий мальчишка нахмурился, не сводя глаз с тарелки.

— Вкусное жаркое вышло, — сказала Каттрин. — Не станешь есть, так, я думаю, Брон за тебя все уплетет. Тощий он, как тростинка, а ест, как волк зимой.

Как бы то ни было, в животе у Ильвы заурчало от голода, а от запаха еды побежали слюнки. Ей не хотелось ни у кого ни-

чего брать, потому что они с Гери должны были встать вдвоем против всего мира, но жаркое пахло намного лучше, чем вчерашняя похлебка. И похоже, не только по причине того, что Ильва проголодалась, а еще потому, что Катгрин готовила вкуснее, чем покойный хозяин хижины.

«Возьми еду. — Гери потерся головой о ногу Ильвы. — Тебе нужно быть сильной».

В животе у Ильвы заурчало еще громче. Она не выдержала. Подошла, подвинула дощечку с миской к себе, схватила и унесла на другой стол.

Ей хотелось, чтобы варево оказалось безвкусным. Ее мир стал похожим на бочку без дна. Теперь на всем должна была лежать печать пережитого ужаса. Но еда оказалась очень вкусной, и почему-то из-за этого Ильва ощутила себя маленькой и ничемной. Но у нее только прибавилось решимости отомстить за мать.

Мир мог забыть об этом, а она не забудет.

8

НЕ ПЛАКАТЬ

Поев, Ильва подошла к сложенным в стопку одеялам и расстелила одно из них на полу.

— Позволь, мы тебе поможем.

Катгрин потянула Брона за руку и подняла на ноги.

— Нет, я не хочу...

— Тебе одной ее не поднять, — сказала Катгрин.

Ильва зыркнула на нее — сердито, потому что та была права.

— Ладно.

Всякий раз, когда к телу матери прикасались руки Брона, у Ильвы по коже словно бежали мурашки, но она позволила ему

и Каттрин помочь ей переложить труп на одеяло и завернуть в него.

Они втроем отнесли мертвую мать Ильвы за хижину торговца и опустили в землю.

— Хочешь сказать какие-нибудь слова?

Ильва покачала головой, взяла лопату и принялась сыпать в могилу черную землю. Земля была жирная, темная и сырая. Она падала на одеяло со звуком сильного дождя.

Гери стоял у края могилы и смотрел вниз. Когда тело матери Ильвы скрылось под слоем земли, Ильва опустилась на колени рядом с псом.

— Не надо плакать. Сейчас не время. — Она обняла лучшего друга и крепко прижала к себе. — И мне не позволяй плакать. Я должна быть сильной. Мама теперь с богами, и настанет день, когда мы с ней встретимся вновь.

Каттрин подошла к Ильве, встала рядом и протянула руку к девочке. Немного помедлив, она прикоснулась к плечу Ильвы кончиками пальцев, но положить руку на плечо Ильва ей не дала — отшатнулась.

Каттрин опустила руку. Потом они еще долго пробыли на морозе у свежей могилы — Ильва на коленях, а Каттрин рядом с ней.

Через какое-то время Ильва прижала ладонь к земле.

— Клянусь: я отомщу за тебя. — Она встала и обернулась к Каттрин. — Спасибо тебе за помощь.

— Что ты теперь собираешься делать? — Каттрин пошла следом за Ильвой к хижине. — Куда пойдешь?

Ильва взяла лук и колчан, набитый стрелами с железными наконечниками.

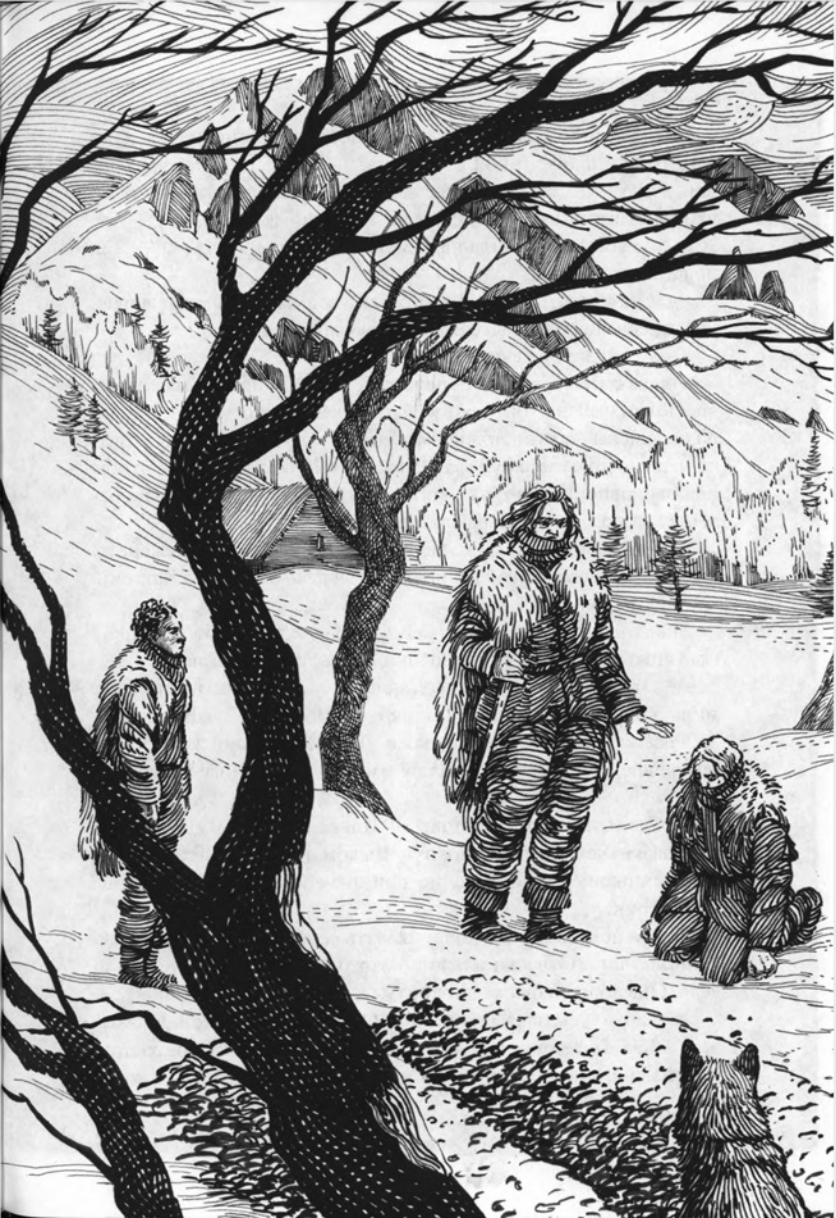
— Не думаешь же ты идти одна, дитя? — покачала головой Каттрин. — Нельзя тебе идти одной, с жадной мести в сердце.

Ильва посмотрела ей в глаза.

— А ведь ты собираешься мстить, верно? По глазам вижу. — Она указала на темные пятна крови на земляном полу. — Ты собралась выследить тех, кто это сделал.

— Это мой долг. Этого от меня хотят боги. Такова моя судьба.

— Думаешь, это судьба? Норны потянули за нити и сделали так, чтобы такое с тобой случилось? — Катгрин покачала головой. — Тут не судьба случилась, а убийство. И никто не ждет, что ты отомстишь за это. Даже твои боги не ждут.

— За убийство всегда надо мстить, — заявила Ильва. — Так полагается.

— Стало быть, ты убьешь убийцу, а кто-то из его людей убьет тебя. Так полагается? А за твою гибель кто отомстит?

— А что же мне еще делать?

Ильва собрала вещи в дорожную сумку и забросила ее за плечо. Потом села на корточки у очага и, взяв щепоть черной сажи на ладонь левой руки, плюнула на нее, а правой рукой нарисовала черные круги вокруг глаз. Это должно было помочь, чтобы не так сильно резало глаза, когда смотришь на ослепительно белый снег, но еще так она выглядела свирепой, как викинг.

— Не делай глупостей, дитя. Твой долг жить, а не умереть. Ты хоть знаешь, в какой глуши мы сейчас? — спросила Катгрин.

— Я не дура.

Ильва намазала палец сажой и провела линии от краешков глаз вниз по щекам — словно по ним текли черные слезы.

— Эта хижина — самое теплое место почти на шестьдесят миль вокруг. Ближайшее жилье — поселение в Дунхольме. А здесь, в этой чащобе, ты даже ни одного хозяйского двора не сыщешь. — Катгрин встала у двери. — Я не могу позволить тебе уйти.

— Ты меня не остановишь. — Ильва взяла под мышку скатанное в рулон одеяло и, цокнув языком, подозвала Гери.

Пес подошел к хозяйке, но при этом умоляюще посмотрел на Катгрин.

Ильва понимала, что хочет сказать ее элkhунд: «Помоги нам. Защити нас». Отчасти ей самой этого хотелось, но у нее было дело. Она должна была исполнить свой долг.

— Нет, — сказала она псу. — Они не могут мне приказывать... Как они могут мне помешать? Убьют меня? Собираются убить меня, как те люди убили мою мать и?..

Катгрин шагнула к Ильве, но не стала к ней притрагиваться.

— С кем ты говоришь, дитя? Конечно же, мы тебе ничего дурного не сделаем.

— Тогда уйди с дороги и выпусти меня. Я не могу здесь оставаться, мне надо уйти. Я должна что-то делать. Должна куда-то идти.

— Так пойдем со мной, — сказала Катгрин. — Пойдем с нами. — Она указала на Брона. — Мы позаботимся о тебе. Если ты пойдешь одна, тебя убьют. Вспомни, что тебе говорила мать: «Главное — выжить». Есть безопасное место, куда мы можем тебя отвести...

— Еще моя мать говорила мне, что лучше быть бесстрашной, чем трусливой.

Взгляд Катгрин смягчился.

— Но мертвой быть не лучше.

— Я должна отомстить за нее. — У Ильвы ком встал в горле. — У нас так принято. Боги ждут этого от меня. У меня только это и осталось. Погибну — значит погибну, и мне все равно. Можешь сложить обо мне сагу и рассказать людям, какая я была дура.

— Я никогда не понимала, почему вы, даны, так обожаете бои и славу. Почему ты не хочешь позволить нам увести тебя туда, где будет безопаснее? У нас есть место, где...

Стоявший рядом с Катгрин Брон поддел ее локтем, сердито на нее посмотрел и изобразил жест, который Ильва видела раньше: прижал кулак к поясу и сделал вид, будто что-то выбрасывает. Ильва уже знала, что это значит на языке жестов. «Нет». Но Ильва поняла: на этот раз жест значил что-то еще.

Избавься от нее. Пусть идет. Пусть погибнет.

Что ж, ее это устраивало.

— Вы мне не нужны. Мне не нужно, чтобы обо мне заботились.

Ильва встала перед Катгрин и постаралась вытянуться во весь рост.

Брон сделал еще несколько жестов. Катгрин, глядя на него, становилась все мрачнее. Брон опустил руки, и Катгрин что-то ответила ему, шевеля руками. Она перевела взгляд на Ильву.

— Пожалуйста, позволь нам помочь тебе. Не уходи в поисках мести. Ты схватила змею за хвост, дитя, а из этого никогда не получается ничего хорошего. Все думают, что мостью что-то решается, что им станет лучше. И все потом понимают, что это не так. Ты потеряешь все.

— Мне нечего терять.

— А как насчет твоей жизни? — Катгрин положила руку на плечо Ильвы. — Ты можешь потерять жизнь. Разве есть что-то важнее нее?

— Не люблю, когда ко мне прикасаются. — Ильва сбросила с плеча руку Катгрин, словно раскаленный уголь. — Люди умирают каждый день, так что если боги хотят, чтобы я умерла, пусть это случится, и никто с этим ничего не сможет поделать. Тем более, что я буду рада вновь свидеться с мамой.

— Рада? Не может быть!

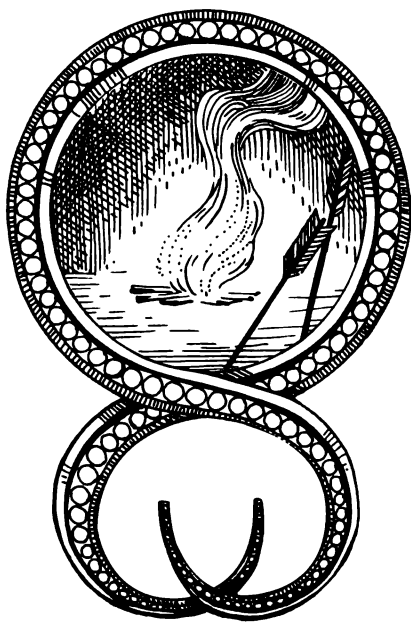
Катгрин попыталась загородить дорогу Ильве, но подошел Брон и взял ее за руку.

— Отпусти ее, — сказал он.

Это были первые слова, которые он произнес с того мгновения, как вошел в хижину. Голос у него был тихий и хриплый. Он говорил почти шепотом, и было видно, как ему трудно выговаривать слова.

Катгрин перестала пытаться остановить Ильву. Она вышла следом за ней на мороз, чтобы увидеть, как девочка делает первые шаги на пути, который уведет ее к лишениям и бедам, какие не выпадали на долю ни одного ребенка.

Катгрин провожала уходящую по тропе Ильву взглядом, пока та не скрылась из виду.

ДОВЕРИЕ

СПАСЕНИЕ ТОРА

Мороз обжигал Ильве лицо. Пробираясь по высоким сугробам, она почти ничего не видела вокруг себя. Вскоре небо сотряс басовитый раскат грома. Серые тучи стали черными. Стаи облаков проносились над миром, давили на него, приносили новые снегопады. Поначалу падал мелкий, едва заметный снег, но потом в неподвижном воздухе завертелись тяжелые снежинки. Ильва, окутанная путающим безмолвием, остановилась и запрокинула голову.

— В Англии все почти так же, как у нас дома, — сказала она Гери. — Только люди говорят иначе, а небо такое же серое.

Снег падал на ее лицо и волосы. Когда снежинки начинали таять, кожа немела и саднила. Ильва утерла лицо рукавом.

— И деревья у нас такие же.

Слева от тропы среди деревьев попадались рябины и ольха, а сосны торчали из белой земли, словно мертвые старческие руки. Ильва знала деревья и их названия, потому что ей хотелось это знать. В этом ей помогала мать. Она понимала тягу Ильвы к знаниям, понимала и другое: если ее дочь чего-то захочет, отговорить ее будет нелегко.

Справа гора плавно шла на подъем, а вместе с ней поднимался лес — до тех пор, пока деревья, в конце концов, отказывались цепляться корнями за чахлую почву и уступали свое место травянистым кустарникам. А еще выше торчали только голые острые скалы, и казалось, будто в пасмурное небо впились черные злобные клыки.

Никто и никогда не был так одинок.

Даже Гери — верный Гери — нехотя плелся следом за Ильвой, как призрак. Обычно он был отважен и бодр, бежал впереди, изучал запахи леса, а теперь отставал и то и дело оглядывался назад. И вот опять он оглянулся и гнусаво завыл.

— Понимаю: ты хочешь вернуться, — сказала ему Ильва. — Но мы не можем. Больше никому это не надо, поэтому найти Трехпалого должна я. — Дыхание срывалось с ее губ облачками, окутывавшими лицо. — Так было, когда Торири Эриксон убил брата Свейна, Победителя Колдунов. Ты помнишь — Свейн пошел к дому Торира, вызвал его и зарубил топором. Вот так и мы должны сделать.

Гери снова заскулил и посмотрел на Ильву.

«Это не вернет мать, — словно сказал он ей. — Может быть, Катгрин была права. Может быть, нам надо было пойти с ней. Она бы отвела нас в безопасное место».

Откуда-то со стороны гор послышался вой. Одиноким и тоскливым. Ильва повернулась в ту сторону, откуда он донесся, ожидая, что вой послышится снова. Гери затаил дыхание и наострил уши, но было тихо.

«Волки».

— Это далеко. — Ильва обшаривала взглядом горный склон. Крупные снежинки вертелись вокруг нее. — Нечего бояться.

«И ветер крепчает».

— Значит, я уйду поглубже в лес, где от ветра меня защитят деревья.

Она станет невидимой для любого, кто будет проходить мимо, — если найдется еще безумец, который тронется в путь по этой дороге в такую погоду.

«Волки — другое дело. От волков не спрячешься».

— Тихо, — шикнула Ильва на собаку и пошла вперед.

Ильва оказалась не совсем права насчет того, что деревья защитят ее. От ветра — да, но земля в лесу была неровной, опасной. Завитки корней и камни лежали под снегом, словно капканы.

Ильва сражалась со страхом, прогоняла прочь тоску и гнев, шепотом уговаривала себя быть сильной и бесстрашной, готовой к тому мгновению, когда она встретит Трехпалого.

— Странники будут рассказывать нашу историю, — тихо говорила она Гери, продвигаясь вперед. — Только представь: ярлы и воины сядут у огня и станут слушать сагу о Ильве Бесстрашной — девочке, которая выследила и прикончила чудище, убившее ее мать.

Гери слова хозяйки явно не впечатлили.

— Меня запомнят навсегда, — продолжала Ильва. — На сотни лет.

«А по мне, лучше тепло и безопасность».

Ильва умолкла, вспоминая о хижине — об очаге, теплом эле и вкусном завтраке, которым ее накормила Катгрин. Она думала о Катгрин и мальчишке Броне и гадала, не допустила ли ошибку. Может, она и вправду поступила глупо, как сказала Катгрин. Может, надо было остаться там и хорошенько подумать, прежде чем пускаться одной в долгий путь по безлюдным краям.

«Глупо». Какое противное слово. Даже только думая о нем, Ильва до боли кусала щеку изнутри.

Она отряхнула снег с плеч, оглянулась назад и посмотрела на свои следы, уже исчезающие под непрерывным снегопадом. Поежилась и плотнее запахнула меховой плащ.

Гери проскулил: «Может, вернемся?»

— Нет. Будь сильным, будь бесстрашным и оставайся в живых. Нечего себя жалеть. Это не по-нашему. Настоящий викинг приветствует трудности с раскрытыми объятиями и смеется им в лицо.

«А мне не до смеха».

Ильве и самой было не до смеха. Она замерзла, устала и подумывала о том, не стоит ли возвратиться в хижину. Останься она здесь, может замерзнуть насмерть, и тогда сага про нее станет очень короткой.

— Нет. — Она прогнала от себя эту мысль. — Я не вернусь. За мной, Гери. Я кое-что придумала. Я могу согреться по-другому.

С этими словами Ильва подошла к подножию рябины и опустилась на четвереньки. Над ней нависли черные ветви, тяжелые от кроваво-красных ягод.

— «Спасение Тора», — пробормотала Ильва. — Вот как мама называла рябины, помнишь? «Спасение Тора».

Она принялась копать руками снег, чтобы добраться до лесной подстилки — земли, покрытой хвоей и опавшими листьями. Этому ее учила мать. Ильва находила листву и хвою, собирала в кучу и негромко говорила:

— Разве ты не помнишь, как мама рассказывала нам про то, как Тор убил великана Гейррода?

Ничего в жизни не было лучше этого — сидеть и слушать голос матери, ведущей рассказы о силе Тора и хитрости Локи. Ильва сидела на полу в длинном доме и без конца перемалывала зерно ручными жерновами, а мать трудилась за ткацким станком и рассказывала о смерти Бальдура и о том, как Один лишился глаза.

— Это было тогда, когда Тор переносил Локи через реку Вимур, — проговорила Ильва, укладывая листву в кучу. — С помощью веток березы он выбрался из реки, а потом пошел разыскивать великана. — Ильва бросила взгляд на Гери, стоявшего рядом с ней. — А может быть, теперь Тор смотрит на нас. Он нам поможет. Убережет нас.

Гери в этом не был так уж уверен. Он скулил и оглядывался назад, в ту сторону, откуда они пришли. Но ответить Ильву было невозможно. Она продолжила свое занятие, и вскоре принялась засовывать листву и хвою между слоями штанов — от пояса до сапог.

— Вот как я согреюсь.

Хвоя колола тело даже сквозь слои ткани и царапалась, словно кошачьи когти, но эта хитрость давала тепло. Ильве и раньше случалось это проделывать, и она знала, что со временем можно привыкнуть почти к чему угодно.

Потом она затянула потуже ремень и напихала пригоршни листвы под рубашу и куртку, а после этого развернула одеяло, закуталась в него и подвязала бечевкой, взятой из хижины торговца. А когда надела плащ из кроличьего меха, почти сразу почувствовала, насколько стало теплее. Так прошел почти час, и у Ильвы заурчало в животе. До этого времени сил ей давало жаркое Катгрин, но холод истощил ее. Ильва перекусила соленой рыбой и сделала глоток воды из фляги, после чего продолжила путь.

10

ДЫМ НА ГОРЕ

Ильва шла. И шла. И шла.

Время от времени она останавливалась и перекусывала припасами из дорожной сумки. В эти мгновения она зорко следила за тропой и лесом — не идет ли кто-то, не прошел ли раньше, — но не видела ничего и никого.

Звери притихли. Волчьего воя Ильва больше не слышала. Не видела следов зайцев, лисы, вепря. Даже птицы — и те примолкли. За все утро она увидела только сороку. Птица прыгала с ветки на ветку впереди Ильвы, а потом вспорхнула и улетела.

Когда Гери снова начал жалобно скулить и оглядываться назад, Ильва не стала обращать на него внимание и принялась считать деревья. Этой игре ее обучила мать.

— Какое это дерево? — спросила Ильва у Гери, но он не стал играть. Не пошел рядом — отстал, шагал медленно, понурился и прижав уши.

— Ель, — ответила за него Ильва. — И я уже насчитала двенадцать елей. А еще двадцать две ивы, пятнадцать можжевельников, шесть кустов орешника, а уж сколько я насчитала осин и берез — не вспомнить.

«Какая разница?»

— Есть о чем подумать.

«Нам и так есть о чем подумать — о хижине, где было тепло, где была горячая еда и где мы не были бы одни».

— Мы не вернемся, так что можешь об этом забыть.

Гери остановился и оглянулся. Перевел взгляд на Ильву.

«Может быть, я сам вернусь».

— Сам? Один?

Ильва резко остановилась и пристально посмотрела на свои следы, уходящие в прошлое.

— Ты не можешь меня бросить.

Гери выпрямился, сердито посмотрел на хозяйку, отвернулся и пошел в противоположную сторону по следам Ильвы. Но далеко не ушел. Остановился — словно наткнулся на невидимую стену.

— Не можешь, да?

«Не могу».

Гери опустил голову.

— А знаешь, почему?

«Да. Потому что я тебе нужен».

К полудню ветер унялся, прекратился снег. Небо осталось серым и безжизненным, но все же погода стала более терпимой — по крайней мере, на какое-то время. Ильва шла вперед, поглядывая на тусклое солнце, которое опускалось все ниже и ниже. Когда оно окончательно исчезло за деревьями, Ильва поняла, что нужно найти место для ночевки.

Но тут тропа сделала крутой поворот, и Ильва заметила тонкую струйку дыма за деревьями, впереди, на горном уступе.

Ильва присела на корточки и стала смотреть на крошечные серые облачка дыма, дрожащие в морозном воздухе.

— Где дым, там и огонь, — проговорила Ильва.

«И люди».

Единственными людьми, которых Ильва видела за последние два дня, кроме Каттрин и мальчишки, были те люди, которые убили ее мать. Поэтому, глядя на дым, она представляла себе Трехпалого, сидящего у костра со своей женщиной. У женщины на шее — украшение матери Ильвы, а в руке у Трехпалого — ее нож. Ильве представлялось, что он и она хохочут. Ее долг был в том, чтобы положить конец их веселью.

— Нужно подобраться поближе.

Ильва выпрямилась и медленно побежала к деревьям по другую сторону от тропы. Скрывшись за деревьями, она сняла с плеч одеяло и скатала его в узел. Потом выправила из-за ремня край куртки, опустила верхние штаны и вытряхнула опавшую листву и хвою. Что бы с ней теперь ни случилось, она должна передвигаться быстро и бесшумно. Как волк, крадущийся за добычей.

Склон не был крутым, поэтому поначалу подниматься было легко. Но чем выше, тем более предательской становилась почва под ногами. Ильве приходилось хвататься за деревья, чтобы удержать равновесие. Грубая кора царапала ее и без того уже покрытые водянками ладони. Острые сучки цеплялись за меховой плащ.

Чем выше карабкалась Ильва, тем холоднее становился воздух. Тяжелое дыхание срывалось с ее губ облачками пара. Выше. Еще выше. Конечно, все это будет описано в саге о ней. Суровый подъем по склону горы, чтобы сойтись в схватке с Трехпалым. Бродячие сказители будут рассказывать эту историю о долгом и опасном путешествии в чужой стране. Время от времени они будут говорить тихо, почти шепотом, чтобы к ним склонялись те, кто станет слушать их рассказ в большом доме.

«Без страха и сомнений Ильва Бесстрашная взбиралась по скалистому склону, хватаясь за ветки рябин, — совсем как

Тор, когда он пересекал реку Вимур...» — вот как они будут говорить.

К тому времени, когда Ильва забралась на уступ, где земля была ровной, солнце опустилось ниже верхушек деревьев, и в лесу стало сумрачно и серо.

Ильва бросила свернутое в рулон одеяло к подножию серебристой березы, кора которой была похожа на бумагу, и сняла с плеча дорожную сумку. Затем она забросала свои пожитки охапками хвороста и наклонилась к Гери.

Прижавшись губами к его мягкому уху, она еле слышно произнесла:

— Теперь надо тихо.

Гери облизнул губы и заскулил.

— Пожалуйста. — Ильва ласково обняла пса. — Ни звука.

Она немного посидела на корточках рядом с Гери, чувствуя мягкость его шерсти и исходящий от него запах. В близости собаки были надежность и уверенность. В эти мгновения Ильва мысленно перенеслась домой, в свою деревню у моря, в летний день, когда ее мать ткала полотно на станке и напевала песни.

— Нет, — пробормотала Ильва, отпустила пса и зарядила лук стрелой. — На это у меня нет времени.

С этими словами она медленно тронулась в ту сторону, где заметила дым.

Ильва кралась по подлеску, густо поросшему колючими кустами и кизилом. Повсюду вокруг шелестели деревья, когда ветер начинал терзать их скрюченные ветки. В морозном воздухе висел запах дыма и сосновых поленьев.

Ильва не ощущала ничего, кроме быстрого биения собственного сердца. Не слышала ничего, кроме...

— ...если спросишь меня...

Обрывок разговора заставил Ильву остановиться. Она прислушалась изо всех сил, но ветер донес до нее лишь эти три слова. А потом остались только шум деревьев и треск обломившихся сучьев, падающих на снег. Ильва выждала немного, прежде

чем снова двинуться вперед в сгущающихся сумерках. Подобравшись ближе к тому месту, откуда шел дым, она притаилась под низко нависшими лапами ели. Гери прижался одним боком к хозяйке, другим — к шершавому стволу дерева.

За деревьями Ильва разглядела небольшую поляну. Там, спиной к ней, сидели двое мужчин. Их озарял свет костра. Это были не те люди, которые убили ее мать. Ни один из мужчин не был огромного роста и не походил на Трехпалого.

Ильве нужно было принять решение: либо еще какое-то время понаблюдать за этими людьми — не присоединятся ли к ним те, кого она разыскивала, либо найти подходящее место для ночевки. Чем дольше она будет ждать, тем меньше у нее возможности устроиться на ночевку до темноты. На самом деле, времени уже почти совсем не...

Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-шк.

Вне всякого сомнения, это был звук лезвия, вытащенного из ножен.

— Подглядываешь за нами?

Ильва выдохнула и опустила глаза.

— Сними стрелу с тетивы и повернись. Медленно. Я человек беспокойный, так что лучше не выводите меня из себя.

Ильва не пошевелилась.

— Нет смысла думать, что я тебя не вижу. И не притворяйся, будто ты меня не слышала. Я вижу тебя так же ясно, как знаю свое имя. Как бы ты ни прижималась к этому дереву, оно тебя не проглотит, так что второй раз я просить не буду. Хочешь в этом мире остаться или тебя в другой мир отправить?

Ильва скосила глаза на свою собаку. Черно-серая шерсть Гери в сумерках не была заметна под густыми лапами ели.

— Тихо, — шепнула ему Ильва. — Пожалуйста. Тихо и спокойно. Сейчас ты мне не нужен. Я должна быть сильной.

— С кем это ты разговариваешь? Кто там еще?

— Никого. — Ильва выпрямилась во весь рост и повернулась к мужчине лицом. — Никого здесь нет.

— X_M .

Мужчина смотрел на Ильву алчно и сердито. Высокий, поджарый, с узким лицом. Редкие волосы на грязной макушке стояли торчком, словно его молния ударила. Под кустистыми бровями — бледно-серые глаза, обведенные сажей. На плечах — плащ из толстых волчьих шкур, штаны из овчины шерстью наружу. Из-за этого казалось, что он — наполовину баран. В правой руке он сжимал топорик с окровавленной рукояткой, а в левой — меч, нацеленный острием на Ильву.

— Точно там нет никого? — Крепко сжимая в руке меч, мужчина сделал шаг вперед и топориком раздвинул лапы ели там, где пряталась Ильва. Пострелял глазами туда и сюда. — Но ты с кем-то разговаривала.

— Сама с собой, — буркнула Ильва. — Бывает со мной такое. Сама с собой говорю.

— Хм. — Никого не найдя, мужчина отступил назад и посмотрел вправо и влево. Потом в упор уставился на Ильву. Ухмыльнулся, обнажив острые зубы. — Заблудилась? — спросил он, продолжая стрелять глазами по сторонам, не поворачивая голову.

— Разыскиваю кое-кого, — ответила Ильва.

— Это хорошо. Хорошо. Это ты молодец, потому что кое-кого ты нашла. — Он странно захихикал и устремил взгляд на лук в руках Ильвы. — Но вот того ли ты нашла, кого искала?

— Пока нет.

— И ты данка, — сказал мужчина, продолжая нацеливать свой меч на Ильву. — Говоришь не как саксы, да и не похожа ты на них.

— Так и есть.

— Ну... — Мужчина посмотрел дальше, за плечо Ильвы, и снова хихикнул. — К ночи холодает. У нас отличный костер, и теплый эль имеется. — Он кивком указал на оружие Ильвы. — Отдашь мне вот это — сможешь к нам присоединиться, мы тебя угостим.

— Я к вам не хочу.

Ильва сделала шаг, чтобы обойти мужчину стороной, но тот вытянул руку с мечом и прижал лезвие к руке Ильвы.

Глядя ей прямо в глаза, он тихо произнес:

— А я настаиваю.

— Арвид, убери меч, — послышался голос из-за спины мужчины. — Пугаешь бедняжку.

Похоже, один из тех двоих, что сидели у костра, пришел на звук голосов. Но Ильва не опускала глаза с «овценого», а тот в упор смотрел на нее. Прижав к ее руке лезвие меча, он скалил острые зубы.

— Сказано тебе — убери меч, — проговорил второй мужчина, подошел и встал рядом. Он был повыше «овценого», широкоплечий и крепкий, с добрым лицом.

Он пристально смотрел на «овценого» Арвида до тех пор, пока тот, в конце концов, не опустил меч и не убрал в ножны.

Ш-ш-ш-ш-шк.

— Вот так. Ты что, не видишь — она совсем ребенок. — Он провел рукой по густой черной бороде и улыбнулся Ильве. Зубы у него были не остроконечные, как у «овценого», но на них были заметны поперечные бороздки, подкрашенные чем-то красным. — Мы не хотим обидеть тебя, — сказал он.

— Тогда дайте мне пойти моей дорогой.

Ильва держала стрелу на натянутой тетиве.

— Мы не будем тебя останавливать. — Бородатый развел руки в стороны и хлопнул в ладоши. — Но с каждым нашим вдохом становится все темнее, а тут холоднее, чем в Нифльхейме. — Он потер руки, словно согревая их. — Вижу, ты дрожишь. Да я сам промерз до костей. — Он огляделся по сторонам. — А в здешних лесах водятся волки. Негоже тут человеку быть одному, а уж ребенку — тем более.

— Я могу о себе позаботиться.

— Да я не сомневаюсь. Ты же данка. Но к чему рисковать? Зачем подвергать себя опасности? — Мужчина на миг задумался. — Вот что я предлагаю: ты — воительница, я это вижу. Так что мы позволим тебе остаться при твоём оружии. Держи лук

заряженным, сколько пожелаешь, да и топорик держи за поясом — будь готова к любой опасности. Но все же посиди с нами у костра, поешь немного нашей добычи, выпей теплого эля, а потом... — Он пожал плечами. — Потом ступай своей дорогой, если уж так хочешь. Мы тебя держать не станем.

Ильва поискала ложь в глазах бородатого, посмотрела за его плечо на пламя костра. Ее тело пропиталось холодом. Он бежал по ее жилам. Все ее мышцы онемели и изнемогли от усталости. Костер манил ее к себе, а в воздухе уже плыл запах жареного мяса, и у Ильвы заурчало под ложечкой. Может быть, все же ей стоило пойти к костру и поговорить с этими людьми.

— Ладно, — сказала она. — Но я умею стрелять из лука и прикончу вас быстрее, чем крыс.

Бородатый улыбнулся.

— Пойду первым, — сказал он.

11

ТРИ БРАТА

Третий мужчина жарил зайцев на вертелах над костром, горевшем в дальнем краю поляны. Грудь, как бочонок, толстое пузо, широкое лицо, густые длинные усы.

— Мой брат Варг, — сообщил добродушный бородач. — Мы его зовем Варг-Толстяк. Сама видишь, почему. А с моим братом Арвидом ты уже знакома. — Он махнул рукой и указал на «овценого». — Меня можешь звать Хальвором. — Он уселся на поваленное дерево и протянул руки к костру — Садись, погрейся.

Мужчины сели у огня, а Ильва обвела взглядом их стоянку. Скатанные в рулоны одеяла из овечьих шкур лежали в шалаше

по другую сторону от костра. Три щита были прислонены к дереву так, что Ильва не могла увидеть их лицевой, разрисованной стороны. Шлемы, копыя, дорожные сумки. Неподалеку были привязаны три шелудивые лошади.

В стороне от стоянки, вдали от костра, на коленях у дерева стоял молодой черноволосый парень. На нем были грязные штаны, рваная рубаха и никакой теплой одежды. В первый момент Ильва решила, что это сакс, который молится своему христианскому богу, но потом поняла, что парень связан. Его запястья и лодыжки были стянуты веревками сзади. Он толком пошевелиться не мог и дрожал от холода.

Ильва не села. Варг-Толстяк позвал ее.

— Да не бойся ты, — сказал он. — Мы тебя не тронем. Попей, поешь.

Он протянул Ильве кружку с элем и жареную заячью ногу.

У Ильвы потекли слюнки. Она почти что ощутила во рту вкус жареного мяса. Но с места не тронулась.

— Ну ладно, — пожал плечами Варг-Толстяк. — Сиди, стой, скачи на одной ножке. Нам все равно. Skol¹.

Он поднес кружку к губам и залпом осушил ее.

Арвид, «овценогий», с острокопечными зубами, наклонился и плюнул на один из раскаленных камней, лежавших кольцом вокруг костра. Утер губы рукавом и стал смотреть, как пузырится и шипит его слюна.

Ильва перевела взгляд на связанного парня.

— Кто он? — спросила она.

Хальвор взял вертел с жареным зайцем и запустил зубы в мясо.

— Убийца.

Он утер жир с бороды тыльной стороной ладони.

— Убийца? — Ильва внимательнее пригляделась к привязанному к дереву парню. — Кого же он убил?

---

¹ Твое здоровье (сканд.)

— А какая разница? — сказал Хальвор погромче, чтобы пленник его услышал. — Мы его по всему Мидгарду пять дней выслеживали, да и схватили.

— А вы, стало быть, охотники. — Ильва шагнула ближе и села на большой камень напротив троих братьев. Лук она положила на колени и протянула руки к костру. — На людей охотитесь?

— Можно и так сказать.

Глаза Хальвора сверкнули отблесками костра.

— Тогда, быть может, вы сможете мне помочь.

— Помочь тебе? — Хальвор откусил еще кусок мяса. — Это как же?

— А я кое-кого разыскиваю. Двоих людей, если точнее. Мужчину и женщину. Они тоже убийцы, и их следует наказать. Они убили мою мать. Люди вроде вас могли бы мне помочь выследить их.

— А нам-то это на что? — осклабился Арвид, показав Ильве свои острые зубы. — Нам с этого какая польза?

По другую сторону от костра лес погрузился в густые сумерки. Солнце село. Ильва могла разглядеть что-либо только в нескольких футах от себя. Ее окружал кокон света в темном холодном мире. Она вглядывалась в темноту и вдруг увидела Гери. Он бесшумно подошел и, опустив голову, остановился на самом краю озаренного костром круга.

«Не доверяй им».

— Ну так как? — переспросил Арвид. — Нам с этого какой прок?

«Не доверяй им».

Ильва не стала прислушиваться к голосу в своей голове.

— Серебро, — сказала она.

Все трое сели прямее.

— Серебро? — Хальвор проглотил пережеванное мясо и отвел от губ тушку зайца. — У тебя серебро при себе? И много?

— Я же не дурочка. Оно у меня не с собой. Серебро есть у моего отца в Дунхольме. Он ярл. Храбрый, как берсеркер, и сильный, как десять крепких мужчин.

— Ярл в Дунхольме? — переспросил Хальвор.

— Да. — Ильва уцепилла кожу на пальце рядом с ногтем. — Мы шли туда, когда те люди, про которых я вам сказала, убили мою мать. Мой отец вам заплатит.

— Далековато ты ушла от Дунхольма, — заметил Арвид.

— Погоди, — шикнул на него Хальвор. — Хочу все точно понять. — Он взял обьединную тушку зайца в одну руку, а другой погладил бороду. — Ты хочешь сказать, что если мы поможем тебе выследить тех, кто убил твою мать, ты нам заплатишь. Как только мы доберемся до Дунхольма, где твой сильный и храбрый отец будет ждать нас с полными пригоршнями серебра.

— Да, — ответила Ильва и скосила глаза на стоявшего в темноте Гери.

— Она нас дураками считает, — буркнул Варг-Толстяк и оторвал ногу от тушки зайца. — Нету никакого ярла в Дунхольме. А ее папаша, небось, никчемный крестьянин. Надо думать, и топор поднять у него силенок не хватит.

Он засунул заячью ногу в рот целиком, зубами содрал с нее мясо, а кости швырнул в костер.

— Нет, он ярл, — сказала Ильва. — Его зовут Торин Андерсен. Торин Бесстрашный. Он храбрый и сильный, а богатство нажил набегами на христианские монастыри и убийствами саксов.

— И небось, у него целое войско викингов, — кивнул с ухмылкой Варг-Толстяк.

— Именно так.

— Даже побольше Великого Войска?

— Ну нет, — проговорила Ильва. — Не такое большое, но...

— Дунхольм — город саксов, и никакого ярла там нету.

Арвид брезгливо фыркнул и снова сплюнул.

— Так он не в самом Дунхольме, — сказала Ильва. — Он около Дунхольма. Собирается напасть на этот город.

Арвид расхохотался:

— Да ладно! Где бы он ни был... Если бы этот Торин Бесстрашный был такой богатый и могучий, мы бы про него

слышали. А с какой стати ему платить нам, ежели у него есть целое войско, которое он мог бы послать по следам этих убийц?

— Я хочу, чтобы он мной гордился, — ответила Ильва. — И этого ждут от меня боги.

— Боги, — фыркнул Арвид. — Что ты знаешь про богов? Если ты — дочка ярла, то я — Бальдур-Красавец.

— Погоди, — снова одернул брата Хальвор. — Ладно, пусть будет по-твоему. Допустим, у тебя вправду есть богатый отец в Дунхольме, и мы согласимся тебе помочь. — Он посмотрел на своих братьев. — А как мы узнаем тех людей, которые убили твою мать?

— Их узнаю я.

— А вдруг мы их встретим, когда ты почему-то не будешь рядом? Как же мы их узнаем тогда? Чтобы их схватить для тебя — понимаешь, да?

Ильва подняла руку. Она растерялась. И снова посмотрела на Гери, стоявшего на краю круга света.

«Не верь им».

— Ты там что-то видишь? — Варг-Толстяк оглянулся через плечо и всмотрелся в темноту под деревьями. — Ты туда то и дело глядишь, — буркнул он, вернувшись взглядом к Ильве. — На что ты смотришь?

— Ни на что.

— Она точно была одна? — спросил Варг у брата.

— Точно, — ответил Арвид.

— Ты хорошо посмотрел?

— А как же? Думаешь, я дурак?

Хальвор их утихомирил и снова заговорил с Ильвой:

— Ты собиралась нам сказать, как они выглядят. Люди, которые убили твою мать.

— Да. — Ильва не стала слушать Гери и медленно скрестила безымянный палец и мизинец. — У мужчины на правой руке всего три пальца.

— Трехпалый?

— Да. А еще у него и его женщины черные шарфы, они ими лицо закрывают до самых глаз, а на шарфах нарисованы волчьи челюсти.

— Волчьи челюсти, говоришь?

Хальвор опустил руки со зажатой в них тушкой зайца и наклонился вперед.

— Именно так, — кивнула Ильва.

Хальвор нахмурился.

— И ты уверена, что твою мать убили эти мужчина и женщина?

Гери, стоявший в темноте под деревьями, оскалил зубы, прижал уши к голове и ощетинился.

— Знаете их? — спросила Ильва.

— Знаем. — Хальвор жирными руками полез за ворот и вытащил наружу шарф. — Они наши друзья.

12

НЕ ВСЕМ СТОИТ ДОВЕРЯТЬ

Ильва смотрела на рисунок в виде нижней половины волчьего черепа, и мысли металась в ее голове, словно снежинки в вихрях бури. Она повела себя глупо. Да, она глупая, права была Катгрин. Пошла одна, куда глаза глядят, и доверилась людям, когда доверять не стоило. А Гери чутье не подвело. Эти викинги оказались в дружбе с Трехпалым — человеком, который убил ее мать. И вот теперь они убьют ее.

И как только она ясно это осознала, ее руки словно задвигались сами. Ильва подняла лук и натянула тетиву так быстро, как только могла. Развернувшись к троице братьям, она выпустила стрелу чуть раньше, чем выровняла лук.

Железный наконечник поспешно пущенной стрелы не попал в цель — вернее, не сразил Арвида наповал, но оцарапал ему шею. Удара хватило для того, чтобы Арвид, сидевший на поваленном дереве, повалился на спину.

Тетива еще звенела под пальцами Ильвы. Она вскочила и забросила руку за спину, чтобы выдернуть из колчана новую стрелу. Но Хальвор опередил ее. Ильва не успела зарядить лук новой стрелой — Хальвор перепрыгнул через костер, ухватился за лук и вырвал его из рук Ильвы.

— Ты что творишь? — прорычал Хальвор сквозь зубы и отшвырнул лук в сторону.

Но Ильву это не остановило. Он зажала стрелу в руке и нацелилась наконечником в глаз Хальвору.

— Ну уж нет. — Хальвор метнулся в сторону, схватил Ильву за запястье и вывернул ее руку. Боль заставила ее выронить стрелу. — Прекрати!

На миг это сработало. Крепость хватки Хальвора, громкость его голоса и жесткость взгляда остановили Ильву.

Она скосила глаза в ту сторону, где стоял Гери, низко опустив голову и широко расставив передние лапы. Зубы элкхунда сверкали в отсветах огня. Жаль, но он ничем не мог сейчас помочь своей хозяйке. Ильва понимала, что драться ей придется в одиночку. Свободной рукой она дотянулась до ножа, притороченного к поясу.

— Нет! — гаркнул Хальвор и ухватил Ильву за левую руку. При этом он чуть было не оторвал ее от земли. — Да что это ты удумала?

У него за спиной Варг-Толстяк помог Арвиду подняться на ноги. На лице «овценого» застыли изумление и злость. Он прижал руку к шее и посмотрел на пальцы, потемневшие от крови. Когда же он посмотрел на Ильву, которую по другую сторону от костра держал за руки Хальвор, злость одолела его. Он оттолкнул Варга и кинулся к Ильве, сжимая в руке большущий грязный нож.

Арвид вырвал Ильву из рук Хальвора и швырнул на снег. Он уселся на нее верхом и крепко сжал коленями.

— Знаю, о чем ты думаешь теперь, — прошипел он. — Не надо тебе было греться у нашего костра. Не надо было говорить про убийство нашего брата.

— Постой, Арвид, — вмешался Хальвор. — Погоди. Остынь.

Но ни Арвид, ни Ильва его не слушали. Для них сейчас знание имели только они сами.

Ильва вырывалась и извивалась, но Арвид крепко ее держал. В какое-то мгновение меховой плащ Ильвы распахнулся и шарф сполз с шеи.

— Так и знал, — осклабился Арвид. — Всё я про тебя понял. А теперь перестань извиваться, как угорь, и я тебе покажу, как я умею убивать.

Арвид прижал лезвие ножа к горлу Ильвы чуть выше ворота куртки и осклабился, как дикий зверь.

Ильва замерла.

— Вот так-то лучше, когда ты поближе ко мне. Смотри мне прямо в глаза и...

Ильва ощутила его зловонное дыхание. Вдруг Арвид озадаченно нахмурился, и его грубость как рукой сняло. Нож выпал из его руки.

— Арвид? — окликнул его Хальвор. — Что с тобой такое? Арвид выпучил глаза и уставился на свою грудь.

Ильва перевела глаза туда, куда смотрел ее враг, и увидела, что меховой плащ Арвида проткнут черным железным наконечником стрелы. Пара мгновений — и Ильва поняла, что именно видит, а за это время неподалеку от нее вдруг замер и охнул Варг-Толстяк — в точности, как Арвид. Ильва повернула голову и увидела, что из его груди тоже торчит наконечник стрелы.

Хальвор не стал переживать за своих братьев-викингов. Он резко развернулся и обнажил меч.

— А ну, выходи, чтобы я тебя увидел! Выходи сюда и...

Третья стрела просвистела над поляной и угодила в грудь Хальвора. Он застонал, попятился назад, но удержался на но-

гах. Выпрямившись, он поднял руку с занесенным для удара мечом. Злость полыхала в его глазах. Он разжал губы и испустил жуткий боевой клич. Однако этот звук быстро стих — в грудь Хальвора впилась четвертая стрела, выпущенная невидимым лучником. Руки Хальвора опустились, он выронил меч и рухнул на колени, в снег. Покачнулся и упал ничком.

Ильва потуже затянула шарф на шее, попыталась выбраться из-под тела Арвида и увидела Гери, спокойно сидевшего на опушке леса по другую сторону поляны. И вдруг из-за деревьев появилась стройная фигурка и скользнула мимо Гери, словно дух. Твердо решив остаться в живых, Ильва проворно перевернулась на живот и поползла туда, куда упал ее лук, когда его отшвырнул Хальвор. Шаря пальцами по снегу, Ильва наконец нащупала лук, схватила его, замерзшими пальцами вытащила из колчана стрелу, натянула тетиву и была готова выстрелить в того, кто бежал к ней через поляну.

Но когда человек появился в свете костра, Ильва четко разглядела его.

Брон.

Мальчишка бесшумно оббежал вокруг костра, остановился возле Хальвора, пнул его носком сапога. А когда он поднял голову, из-за деревьев вышла Катгрин и пошла по поляне.

— Молодчина, — сказала Катгрин Брону. — А теперь ступай и развяжи того бедолагу.

Тут Гери покинул свое укрытие и трусцой побежал туда, где на снегу лежала Ильва. Он фыркнул ей в лицо и прижался носом к ее уху, но Ильва держала Катгрин под прицелом.

— Я думала — они меня убьют, — проговорила она, не в силах унять дрожь в руках. — Я не знала, что делать.

Брон выдернул из тел викингов стрелы и направился к пленнику. Вытащил нож, готовясь перерезать веревки, присел на корточки и вдруг замер.

— В чем дело? — спросила Катгрин.

Брон обернулся и покачал головой.

— Мертв?

Брон обхватил себя руками и сделал вид, будто дрожит от холода.

— Замерз насмерть?

Брон кивнул.

— Будет этому конец когда-нибудь? — Катгрин сокрушенно опустила голову, потерла лицо рукой и повернулась к Ильве. — Можешь перестать целиться в меня. Я тебе уже говорила. Я тебя не трону.

Ильва не опустила лук. Она попросту не могла этого сделать. Она словно замерзла, окаменела. Катгрин подошла к ней и помогла отпустить тетиву. Забрав у девочки лук, она взяла ее за руки и рывком подняла на ноги.

— Они мертвы, — пробормотала Ильва. — Все мертвы.

— А тебе повезло, что ты сама не мертва. Я тебя предупреждала — не ходи одна, попадешь в беду. Говорила я тебе, что месть — это опасная змея? Что она может развернуться и укусить тебя? Посмотри, что случилось.

— А каково это?

Ильва не могла отвернуться. Ей словно нужно было видеть валявшиеся на снегу трупы.

— Каково быть мертвым?

— Нет. Убивать кого-то.

— Для тебя? — Катгрин покачала головой. — Не знаю, но может быть, хорошо, что одного из них ты только ранила. — Она пнула тело Арвида носком сапога. — Иначе ты точно узнала бы, каково убивать.

Ильва шагнула к трупу Арвида, но Катгрин ухватила ее за меховой плащ и удержала:

— Нам надо уйти отсюда, дитя. Возможно, тут поблизости есть и другие разбойники. Крики могли привлечь их внимание.

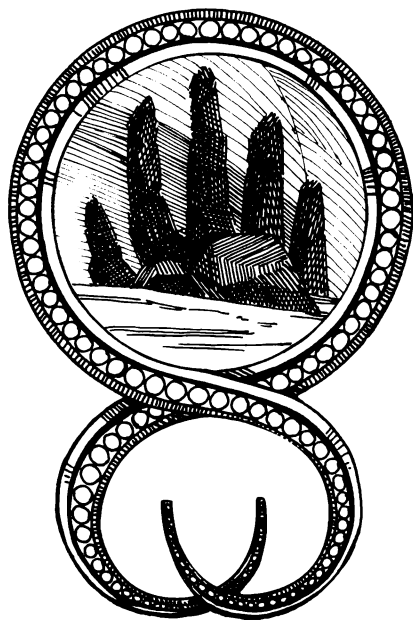
Ильва попыталась высвободиться.

— Не трогай меня. — Она сердито зыркнула на женщину, похожую на медведицу. — Не люблю, когда меня трогают.

— А я не трогаю тебя. Я прикасаюсь к твоему плащу, но тебя я не отпущу, потому что вижу, что ты задумала. — Катгрин

не собиралась отпускать Ильву. — В прошлый раз у тебя то же самое было на уме — месть. Но это была плохая мысль, и тогда, и теперь. Постарайся увидеть не только то, что у тебя под носом, дитя. Лучше тебе держаться с нами. В этих лесах есть кое-что пострашнее плохих людей.

ГЛУХОМАНЬ

ПЛАМЯ И КРИКИ

— Отпусти меня! — кричала Ильва на Катгрин, которая тащила ее с поляны в лес. — Отпусти меня! Отпусти!

Когда они добрались дотуда, где Катгрин и Брон оставили своих лошадей, Брон уже растреножил соловую лошадь и отзывал каштановую.

Катгрин наконец отпустила Ильву. Та попятилась, ухватила за свои спутанные волосы и с такой силой потянула пряди вниз, что ей стало больно. Потом зажмурилась, запрокинула голову и широко раскрыла рот в беззвучном крике. Все ее тело напряглось, каждая мышца.

— Что с тобой? — спросила Катгрин.

— Я тебе говорила: не люблю, когда ко мне прикасаются, — процедила Ильва сквозь стиснутые зубы. Она не спускала глаз с Гери и старалась не закричать. Сжала кулаки. — Я этого не люблю. Я чувствую твоё дыхание, ощущаю, как от тебя воняет. А когда я слышу, как ты глотаешь слюну, мне хочется...

Ильва опустила на корточки, притянула к себе Гери и ласково его закачала из стороны в сторону. Только он приносил ей хоть какое-то успокоение.

«Все хорошо. Вдохни поглубже. Все хорошо».

Ильва стала слушать дыхание своего элххунда. Вдох — выдох, вдох — выдох. Так она делала, когда колесница Тора творила гром в небесах, или тогда, когда в ее родной деревне мужчины напивались и дрались.

«Я здесь».

Ильва закрыла глаза и глубоко вдохнула морозный лесной воздух. В это мгновение она любила Гери всем сердцем и наполнилась неопикуемой тоской, пронзившей ее до самых костей.

Когда она разжала веки, то не смогла посмотреть на пса, потому что понимала, что ей сразу захочется плакать. А она строго-настрого запретила слезам наворачиваться на глаза. Не время было плакать. Она встала и поправила шарф. Отбросила пряди волос с лица, выхватила свой лук из рук Катгрин и посмотрела на нее так, словно ничего не произошло.

— Что теперь будем делать?

Катгрин прищурилась:

— С тобой все хорошо?

— Нормально.

— Ты вот так успокаиваешься? Когда сама с собой разговариваешь?

— Да. Так что будем делать?

Катгрин смотрела на Ильву подозрительно.

— Что ж... Нам надо убратъся отсюда, пока не нагрянули другие. Эти воины были из большого отряда, и их товарищи не обрадуются, найдя братьев-викингов убитыми. Я уведу тебя в безопасное место, даю слово.

— Не хочу я в безопасное место, — заявила Ильва. — Хочу найти Трехпалого и отомстить за мать.

— Дитя... Ты мне нравишься, но мне все труднее относиться к тебе хорошо. Ты тут чуть не погибла. Брону пришлось убить троих людей, чтобы ты осталась в живых. Трoих. Вряд ли тебе удалось бы сделать это одной. Тебе нужно пойти с нами.

Брон неодобрительно вздохнул и сел верхом на каштановую лошадь, но Катгрин махнула рукой.

— Потихе. Не торопись. Мы не оставим ее здесь одну.

— Я с вами не пойду, — заявила Ильва. — Если пойду с вами, Трехпалый уйдет, и я его никогда не разыщу. Мы с Гери остаемся здесь, и я пойду за Трехпалым.

— Гери? — Катгрин переглянулась с Броном. — Кто это?..

Брон указал двумя пальцами на землю рядом с Ильвой и пошевелил ими назад и вперед.

— Собака? — Катгрин посмотрела на Ильву. — Гери — твоя собака?

Ильва опустила глаза.

— Да.

— Понимаю... Наверное, понимаю. Но нам сейчас нужно уйти. — Катгрин взяла под уздцы соловую лошадь и поставила ногу в стремя. Скрипнули кожаные постромки, она уселась в седло и протянула руку Ильве. — Можешь поехать со мной верхом. Твой пес поспеет за лошадью?

Брон щелкнул языком, чтобы привлечь внимание Катгрин. Приложил руку, сложив пальцы ковшиком, к уху и указал двумя пальцами на лес у себя за спиной.

— Ты что-то слышишь? — спросила Катгрин.

Брон повернулся влево и вправо. Он указывал туда и сюда и прикасался к ушам. Он так выпучил глаза, что в темноте Ильве стали видны его белки.

— Со всех сторон?

Катгрин придержала лошадь, обернулась и обвела глазами лес.

Брон кивнул.

— Быстрее. — Катгрин снова протянула руку Ильве. — Садись у меня за спиной. Они нас нашли.

Ильва растерялась. Посмотрела на Гери и перевела взгляд на женщину из племени саксов, сидевшую верхом на коне. Брон снова принялся жестикулировать. Ильва языка жестов не знала, но отлично понимала, что он хотел сказать. Он просил Катгрин поторопиться. Вот-вот могло случиться что-то плохое.

Брон указал вперед, и поблизости среди деревьев появился огонек. Погас и возник снова. Мерцающий язычок пламени — ровно на той высоте, где его держал бы человек верхом на коне. В следующее мгновение поблизости от первого появился второй огонек.

— Быстрее, дитя, — поторопила Ильву Каттрин. — Быстрее!

Появилось еще несколько огоньков: пять или шесть. Они образовали полукруг в лесу позади Ильвы, Каттрин и Брона. Там словно бы обретали плоть злые духи.

— Кто это? — развернулась на месте Ильва.

— Фэйри, — ответила Каттрин. — А ты думала, кто? Это люди, которые хотят нас убить.

Этого хватило, чтобы Ильва приняла решение. Она не стала брать за руку Каттрин. Сама ухватила за заднюю луку седла, подтянулась и села верхом. Села кое-как, потому что Каттрин пустила лошадь с места рысью.

Ночью ехать по лесу верхом было непросто. Почти ничего не было видно, а опасности — на каждом шагу. Но нужно было спастись. Лошади видели в темноте лучше седоков, так что приходилось полагаться на их зрение в выборе безопасного пути.

Каттрин и Брон понукали лошадей, разгоняли их, чтобы те бежали быстрее. В лесу мерцали огни. Появились темные силуэты конных всадников. Когда Ильва осмелилась оглянуться назад, она насчитала шестерых, но точно сказать было невозможно. Всадники мчались с такой скоростью, что казалось, будто их гораздо больше. Вокруг беглецов словно бы смыкался круг огненных духов.

Кто-то из преследователей издал жуткий вопль — хриплый, бесовский звук. Он словно проехался по Ильве ржавой затупевшей пилой. Она невольно представила себе драугров, восставших из могил, чтобы убивать всякого, кто попадется на их пути. Ильва могла поклясться, что даже чувствует запах гниющей плоти. За хриплым воплем последовали утробный вой и рев, а когда звуки стихли, мир Ильвы наполнился мерцающими огнями и стуком конских копыт.

КОПЬЯ ЛУННОГО СВЕТА

Лошади мчались по густому подлеску, с треском ломая копытами кусты и проносясь между копыями лунного света, прорывавшегося сквозь ветви деревьев. Они перелетали из мрака в свет и снова во мрак. Крепкая лошадь Каттрин прекрасно слушалась хозяйку. Каттрин говорила с ней строгим шепотом, сжимала бока лошади каблуками сапог, и лошадь мчалась во мраке ночи галопом.

Ильве было очень неприятно прикасаться к Каттрин. У нее из-за этого кожа чесалась, будто под одежду заползли пауки. Но она прикусила нижнюю губу и заставила себя крепко уцепиться за меховой плащ Каттрин, чтобы не свалиться с лошади.

Брон верхом на каштановой лошади вырвался вперед. В то мгновение, когда лошадь Каттрин покачнулась, поскользнувшись на камнях и корнях деревьев, Ильва заметила мальчишку Брона, исчезающего в туманной тьме. А позади снова слышались жуткие звуки — рев, вой и улюлюканье. Казалось, голодные волки дерутся за добычу.

— Будь бесстрашен, — сказала Ильва своему псу Гери, хотя не видела его в темноте. — Ничего не бойся.

На самом деле, она говорила это самой себе.

Ильва наклоняла голову и прижималась лбом к спине Каттрин, чтобы уберечь лицо от острых сучьев, вцеплявшихся в ее одежду, словно когти дракона. Но когда вопли и рев послышались вновь, Ильва рискнула обернуться и взглянуть назад, и тут же об этом пожалела. Похожий на коготь сук березы зацепил ее волосы и проехался по щеке. Ильва вскрикнула от боли, запрокинула голову, ослабила хватку и накренилась набок. Еще немного — и она свалилась бы с лошади, упала в колючие кусты, и ее бы поймали те бесы, что гнались за ними.

Ильва отчаянно цеплялась за меховой плащ Каттрин. Сакскую женщину тоже повело вправо, в испуге она натянула пово-

дья, и лошадь с такой силой шатнулась влево, что чуть не стряхнула с себя обеих всадниц. Но Каттрин была сильной и опытной наездницей. Она ловко управляла своим скакуном. Она выпрямилась, забросила руку за спину и втащила Ильву в седло. Ильва судорожно впилась пальцами в меховой плащ Каттрин и крепко прижалась к ее спине.

По щеке Ильвы стекала влажная струйка крови.

Жуткие вопли и рык позади не умолкали. Страшный сон, наполненный криками и воем. Одни вопли стихали позади, а другие слышались все ближе.

— Они нас нагоняют, — проговорила Ильва голосом, полным страха.

И тут крик послышался совсем близко. Из-за него у Ильвы кровь похолодела в жилах. К этому ослепительно-белому страху примешался блеск металла в лунном свете. Мимо пролетело копьё и вонзилось в дерево. Куски коры и щепки разлетелись в стороны совсем рядом с лицом Ильвы.

— Они совсем близко! — прокричала Ильва в то мгновение, когда справа от нее просвистело, задевая ветки, второе копьё.

Всадник скакал по лесу в ту же сторону, куда мчались беглецы. В руке у него не было горящего факела, но в те мгновения, когда он мелькал в просветах между березами и осинами, озаренный светом луны, Ильва видела его ужасное лицо — вернее, под краем изрядно помятого шлема были видны только глаза, а все остальное пряталось под черным вязаным шарфом, на котором белел тот самый рисунок, который Ильва увидела на людях около хижины.

Нижняя половина волчьего черепа.

Ильва вскрикнула. Нужно было действовать. Ей предоставилась такая возможность! Это же был он! Совсем рядом с ней скакал на коне Трехпалый. Она могла исполнить клятву, которую дала погибшей матери — могла сделать то, чего от нее ждали боги. Они привели ее к этому мгновению, чтобы она доказала им, чего стоит.

Ильва оторвала руки от мехового плаща Каттрин и дотянулась до лука, висевшего у нее за спиной. В это же мгновение

Катгрин обнажила меч. Волчий оскал на шарфе викинга мелькнул ближе — всадник воспользовался широким просветом между деревьев. Он развернул грохочущего копытами коня, издал свирепый вопль и помчался к Катгрин и Ильве.

Одним быстрым движением Катгрин полоснула мечом по приблизившемуся всаднику. Удар получился не очень метким. Человек с нарисованными на шарфе челюстями волка заметил оружие Катгрин и придержал коня в решающее мгновение. Лезвие меча Катгрин рассекло воздух. Великан остался в седле, верхом на гигантском черном жеребце.

Катгрин слегка потеряла равновесие. Она пыталась ровнее сесть в седле, и в это время ее лошадь устремилась в узкий просвет между двух осин. Места едва хватало для лошади, а у Катгрин была отставлена в сторону рука с мечом...

Все еще пытаюсь снять с плеча лук, Ильва увидела, что случится в следующий миг. Увидела, но ничего не смогла поделать. Они мчались слишком стремительно, а деревья были слишком близко.

Рука Катгрин задела ствол осины с глухим стуком, за которым последовал противный треск. Меч выпал и исчез в кустах. Катгрин вскрикнула. От удара о дерево ее сильно потрянуло в седле. Она привалилась к Ильве. Лошадь споткнулась. Катгрин и Ильва выпали из седла.

15

ДВЕ СТРЕЛЫ

В мире Ильвы все спуталось. Она не имела понятия, где она и что происходит, куда она летит — вперед, назад, вверх или вниз. Она словно лишилась веса на целую вечность, мир завертелся кувырком. Слышались жуткий, бесовский вой и крики

Катгрин, но Ильва не могла забыть услышанный ею ужасный треск — похоже, в теле Катгрин что-то сломалось.

А потом — кошмарный удар.

Сцепившись друг с другом, Катгрин и Ильва рухнули на землю, словно подбитый зверь. Вышло так, что Катгрин упала на Ильву. Та и вздохнуть не успела, как они уже покатались по снегу. С кустов на них сыпались льдинки. В конце концов они врезались в ствол толстого дуба.

У Ильвы было ощущение, что ей на голову упало небо. Ни вздохнуть, ни охнуть, ни рукой, ни ногой не пошевелить. А на самом деле на ней лежала Катгрин, и Ильву душил ее меховой плащ. Ильве было настолько противно прижаться к этой женщине, что она оттолкнулась от нее обеими руками, стала ерзать и толкаться. Ей стоило больших усилий выбраться из-под Катгрин, и вот наконец Ильва сумела вдохнуть большой глоток чистого морозного воздуха.

Но на этом трудности для Ильвы не закончились.

Ее сердце стучало, словно молот Тора. Она лежала вверх ногами у корявого ствола дуба. Голова и спина в сугробе. После падения с лошади ныли все мышцы. Извиваясь и скользя по снегу, она отползла в сторону, в кусты. Колющие шипы вцеплялись в ее одежду и волосы, царапали лицо и руки.

Ильва встала на колени и огляделась по сторонам. Она рассматривала лес так, словно оказалась под водой. Все виделось ей в тумане, мысли притупились, но она не могла терять время. Ведь ничего не изменилось. Всадники по-прежнему выслеживали их. Им все еще нужно было спастись бегством.

Лошадь Катгрин ускакала в чащу леса, напуганная случившимся.

— Ты жива? — еле слышно пробормотала Катгрин.

— Похоже, да.

Ильва отвела взгляд от убегающей лошади, исчезающей в ночной тьме, и уставилась на женщину, которая пришла ей на выручку. Сейчас Катгрин, во взъерошенных мехах, с растрепанными волосами, в которые набился снег и сосновые иглы, была похожа на дикого зверя.

— Хорошо. Нам надо идти. — Катгрин, морщась от боли, попыталась встать. Ее правая рука безжизненно свисала. — Все еще не кончено. Смотри.

В чаще леса позади них великан с белым волчьим оскалом на шарфе развернул коня и направил его прямо к Ильве и Каттрин.

Ильве хотелось спрятаться, но внутри у нее полыхнул огонь. Этот огонь не позволил ей бежать. Она была Ильвой Бесстрашной, о которой скальды и странники будут рассказывать сагу в больших палатах деревень по всему Мидгарду. Для нее настал час мести.

Она перебросила вперед лук, висевший за спиной. Оружие уцелело, поэтому Ильва знала: боги с ней, на ее стороне. А когда она протянула руку к колчану, то еще больше уверилась в воле богов: большая часть стрел рассыпалась по земле при падении с лошади, но две стрелы боги ей оставили.

На одну больше, чем ей было нужно.

Не раздумывая, Ильва зарядила лук стрелой и натянула тетиву. Все стало так, словно боги замедлили ход времени. Она вот-вот войдет в историю. Ильва Бесстрашная вот-вот убьет Трехпалого. Лошадь и всадник мчались к ней. Великан в шарфе с волчьим оскалом занес меч для удара. Из ноздрей его коня вылетали клубы пара. Всадник испустил жуткий боевой клич.

16

СЛИШКОМ МНОГО

Блик лунного света сверкнул на наконечнике стрелы, совавшей с тетивы и полетевшей среди деревьев. Стрела летела прямо и верно, и перья в ее охвосте трепетали.

Но в этот миг боги не были с Ильвой. Конь Трехпалого наступил на бугор под снегом, качнулся вбок, и стрела пролетела

мимо всадника. Она только взъерошила мех на его плаще, а он, если и заметил стрелу, не показал этого. Он мчался вперед, размахивая мечом.

Пригнувшись, Ильва услышала, как лезвие меча просвистело по воздуху у нее над головой и врезалось в ствол дерева. В стороны полетели куски коры. Трехпалый придержал коня и развернулся.

— За дерево! — гаркнула Катгрин. — На землю!

Ильва попыталась достать вторую стрелу, но лук зарядить не успела. Всадник уже снова неся к ней, занеся меч для удара.

И еще раз Ильва сильно пригнулась под лезвием меча и ощутила его мощь, когда под удар опять попало дерево и во все стороны полетели щепки.

Ильва крутанулась на месте и метнулась за толстый ствол. Викинг опять придержал и развернул коня для новой атаки.

— Ты точно умеешь с луком управляться?

Катгрин посмотрела на оружие в руках Ильвы.

— Я почти попала в него, — тяжело дыша, выговорила Ильва.

— «Почти» не считается. Дай-ка я выстрелю.

— С такой рукой? — Ильва вздрогнула. Что-то ударилось о ствол дерева с другой стороны. В лесу вновь раздался жуткий вопль. — Сама выстрелю.

— Постарайся.

Ильва выпрямилась, замерла и осторожно выглянула из-за дерева. В это же мгновение она поняла, что одной стрелы ей не хватит. Всадников стало двое. Они были близко. Медленно передвигались по подлеску. У обоих на черных шарфах, закрывавших половину лица, белели волчьи оскалы. Один из них мог быть Трехпалым. Или его среди них не было. Если Ильва собралась прикончить Трехпалого, это могла быть ее единственная возможность, но который из двоих был он?

В смятении она переводила взгляд с одного всадника на другого. При этом краем глаза она замечала в чаще леса огни факелов. В эту сторону направлялись и другие всадники, привлеченные дикими воплями обоих товарищей.

— Чего ты ждешь? — спросила Катгрин. — Пристрели его.

— Которого? — Ильва задержала взгляд на двоих всадниках и искоса посмотрела туда, откуда приближались факелы.

Двое с волчьими осками на шарфах ехали близко один к другому и направлялись к тому дубу, за которым прятались Ильва и Катгрин. Очень скоро здесь окажутся остальные.

Катгрин с трудом вытащила из-за пояса топорик.

— Стреляй!

— Они недостаточно близко. Я должна убить того, кого хочу прикончить.

Ильва села на корточки у ствола дуба и взяла лук так, чтобы можно было целиться вверх — на ту высоту, где находится всадник.

— Что ты делаешь? — прошипела Катгрин. — Мы не можем ждать, их слишком много! Стреляй, это их отвлечет, и мы сумеем убежать.

Стоило ей произнести эти слова, как за дубом, справа от Ильвы, показалась голова коня. Ильва сцепила зубы и прицелилась точнее, готовясь выстрелить. Теперь в любое мгновение мог появиться всадник, и тогда она пустит стрелу. Двоих она не прикончит, но хотя бы одного. Она...

— Опusti лук!

Ильва не подумала о том, что люди с волчьим оскалом на шарфах могут появиться по обе стороны дуба. И уж никак она не могла представить, что один из них будет пешим.

— Два раза просить не буду. Брось оружие на снег.

Обернувшись, Ильва поняла, что проиграла.

Викинг, стоявший над сидевшей в снегу Катгрин, не был великаном, как Трехпалый, но тоже выглядел устрашающе. Он был одет в толстую кожаную куртку и штаны, а на голове у него красовался грязный шлем, закрывающий все лицо. На шлеме был намалеван волчий оскал, и из-за этого казалось, что перед ней наполовину драугр, наполовину волк. В одной руке викинг держал черный щит со знакомым Ильве рисунком, а в другой сжимал огромный меч.

— Брось лук, — сказала Катгрин, положив на снег топорик. — Делай, как он говорит.

Ильва растерялась.

— Хочешь остаться в живых — делай, как он говорит.

Ильва считала, что живет только ради мести. Если она погибнет сейчас, смерть ее матери останется неотомщенной. Нет, не пора ей было умирать, и поэтому она отбросила в сторону лук с такой силой, что он проломил корку наста и полностью исчез под снегом.

— Вот вас-то нам и надо.

Появился второй викинг — верхом на коне. Шлем полностью закрывал его лицо, в руке он сжимал короткое копье.

— Позови остальных, — сказал тот, что стоял с мечом возле Ильвы и Катгрин.

Всадник помедлил. Поерзав в седле, он уставился на Катгрин. Затем кивнул, запрокинул голову и испустил жуткий визгливый клич, пронесшийся по лесу эхом.

Этот звук пронзил Ильву до мозга костей. От него у нее заболели зубы и затрепетало сердце. Но кошмарный рокошущий вопль вдруг сменился клочкотанием и стих. Что-то вонзилось в шею всадника.

Ильва не сразу поняла, что это стрела. Она услышала свист воздуха и глухой стук. Обернувшись, Ильва увидела, что у пешего викинга из шеи тоже торчит стрела. Он пошатнулся, уронил меч около Катгрин и, упав на колени, ухватился за торчащую из глотки стрелу.

Всадника качнуло вбок, и он привалился головой к дубу. Его конь шагнул вперед, и викинг сполз с седла. Одна нога у него застряла в стремях. Он повалился на снег с вывернутой ногой, голова увязла в сугробе. Его конь равнодушно шагнул вперед и поволок за собой всадника.

Катгрин схватила меч, упавший около нее, и кончиком лезвия указала за спину Ильвы. Та резко обернулась и увидела темнокожего мальчишку, крадущегося между деревьями. Он был почти неотделим от ночного мрака. Мальчик двигался

на полусогнутых ногах, бесшумно, с луком наготове. Поворачивая голову то вправо, то влево, он осматривал лес.

— Брон.

Катгрин опустила меч.

Подойдя к Катгрин, Брон схватил ее за левую руку, в которой она держала меч, чтобы помочь встать на ноги.

— Осторожно, — сказала Катгрин. — Похоже, правая рука у меня сломана выше локтя.

Брон бережно помог Катгрин подняться, но как только она встала, он указал на огни, мелькающие среди деревьев.

— Вижу, — кивнула Катгрин. — Нам надо уходить. — Она огляделась по сторонам и остановила взгляд на Ильве. — Верхом ездить умеешь?

— Конечно. Но нам стоит остаться. Сразиться с ними.

— Сразиться с ними? Хочешь вступить в бой с ордой закаленных в битвах воинов?

— Но Брон уже убил... — Ильва сосчитала в уме. — Пятерых. Сколько же их еще?

— Слишком много. И убить этих пятерых Брону пришлось только для того, чтобы твою шкуру спасти. И мою. Нет, мы не останемся здесь себе на погибель.

— Ну тогда уходите. А я тут останусь. Дайте мне...

— Не сердь меня, дитя.

— Я не дитя.

— Да кто бы ты ни была — сроду не встречала зверя упрямее тебя. Чем ты сегодня похвалиться можешь, кроме того, что у тебя щека рассечена, пятеро человек убиты, а у меня сломана рука? И лошадь моя, вдобавок, убежала. Может, хватит для одного дня, а? Так вот: я тут не останусь и тебе остаться не позволю. Надо понимать, когда ты проиграла, дитя. Признай это и уходи. Хороший воин знает, когда отступить, чтобы выжить и сразиться в другой день.

Катгрин повернула голову к Брону.

— Моя лошадь убежала. Твоя цела?

Брон кивнул.

— Тогда мы вот как поступим. Садись на свою лошадь и скачи на северо-восток час или два, а потом поверни на север. — А мы возьмем этих... — Она указала на коней убитых викингов. — И поскачем на северо-запад.

Брон сделал жест, будто что-то отбрасывает — несколько раз, затем указал на Каттрин, а потом на себя. После этого его руки задвигались так быстро, что Ильва не смогла различить отдельных жестов.

— Нет, — остановила его Каттрин голосом, в котором ясно слышалась ее боль. — Мы не можем поехать вместе. В таком снегу следов не скрыть.

Брон помрачнел и принялся снова говорить языком жестов.

— Ты ошибаешься. — Каттрин покачала головой. — Если разделимся мы, им тоже придется разделиться. И возможность нашей удачи возрастет вдвое. Оставим ложные следы, поездим петлями вокруг них. Если повезет — может быть, до утра ляжет новый снег и засыплет наши следы. Тогда им будет еще труднее нас разыскать. — С этими словами Каттрин сунула меч за пояс, подобрала свой топорик и подошла к лошади, в стремени которой до сих пор болталась нога убитого викинга. Она крепко взяла коня под уздцы.

Брон вздохнул и опустил руки.

— Не надо, Брон. Нам надо спешить.

Мальчишка дал понять, что не согласен с Каттрин, но все же подошел, высвободил ногу викинга из стремени и оттащил труп подальше от коня. Покончив с этим, он поспешил взять под уздцы второго коня и подвел его к Ильве.

Ильва смотрела на поводья в протянутой руке Брона. Возьмет — значит, оставит Трехпалого позади.

Мальчишка пристально посмотрел Ильве в глаза и резче протянул ей руку с поводьями.

— Не надо было меня спасать, — буркнула Ильва. — Не я в этом виновата.

Брон бросил поводья и отвернулся от Ильвы.

— Поехали со мной, будешь жива, — сказала Каттрин. — Или оставайся здесь и умри. Тебе выбирать.

Угу. Опять выбор. Ильва огляделась по сторонам. Где же Гери, что он ей подскажет? Насколько проще ей было, когда он...

И стоило ей только подумать об этом, как из кустов вышел Гери и затрусил к хозяйке. Он прижался носом к ладони Ильвы. Пес принес с собой волну облегчения и успокоения.

«На этот раз нам лучше пойти с ней. Пожалуйста».

Ильва оглянувшись, посмотрела на мечущиеся между деревьев огни.

«Для боя их слишком много».

Ильва посмотрела в темные, умоляющие глаза Гери и вздохнула.

— Ты прав.

Она взяла поводья и оседлала коня. Ильва ласково заговорила с ним, конь сразу стал ее слушаться. Она подвела его туда, где Катгрин с трудом пыталась забраться на коня. Она очень мучилась от боли, но ей на выручку пришел Брон и помог удобнее усесться в седле.

Катгрин отдышалась и посмотрела на Брона.

— Девочка поедет со мной. Мы направимся к Сетуну. Пожалуйста, так будет безопаснее. Нас не будет день или два. Зависит от того, как быстро мы от них оторвемся. Встретимся там.

Брона ее слова не обрадовали — всё было написано на его лице.

— Сетун, — внятно произнесла Катгрин, не спуская глаз с Брона. — Покажи мне, что ты меня услышал.

Брон кивнул и приложил кончики пальцев к уху.

«Да, я услышал», — словно сказал он.

— Хорошо. И пожалуйста, путай следы. Меняй направление. Обманывай их. Ты это умеешь лучше всех.

Катгрин развернула коня к северо-востоку и послала вперед. Брон скрылся в лесу.

Ильва в последний раз оглянувшись назад, на пляшущие посреди лесной чащи огни, и поехала следом за Катгрин.

Трехпалый остался где-то позади.

ДИКАЯ МУЗЫКА

Ильва и Каттрин скакали по лесу галопом до тех пор, пока огней факелов стало не видно. Оторвавшись на безопасное расстояние, они пустили лошадей рысью. Теперь они слышали только равномерный хруст снега под копытами коней и их шумное дыхание.

Ильва опустила глаза, посмотрела на Гери и на заметные следы, оставляемые конями в лесу.

— Выследить нас даже слепой сможет, — проговорила она.

— Они будут двигаться медленнее нас, — отозвалась Каттрин. — Будут гадать, не задумали ли мы кое-чего для них.

— Задумали для них? — переспросила Ильва. — Это ты о чем?

— О неприятном удивлении.

— О каком неприятном удивлении?

— Ну, например, это может быть засада.

— Почему ты просто так не сказала?

— Похоже, так и сказала.

— О! — Ильва прикоснулась к щеке, к запекшейся крови. — Но мы засаду устраивать не будем?

— Самое лучшее — оторваться от них как можно дальше.

Каттрин держала поводья левой рукой, а правую прижимала к груди, но всякий раз, стоило ей пошевелиться в седле, она морщилась от боли.

— Почему? — спросила Ильва. — Почему нам не устроить засаду? Мы могли бы залечь, дожидаться их и...

— И что? Напасть на них с ругательными словами? Или снежками их закидать, да?

— От снежков вряд ли будет большой толк.

— Я же не в прямом смысле... Ладно, забудем.

— У меня есть топорик и нож, — сказала Ильва. — А у тебя меч и два топорика.

— А ты хоть знаешь, сколько там в точности всадников? Может, их двадцать, а то и тридцать. Крепкие, закаленные в битвах воины. И ты вправду хочешь с ними схлестнуться?

— А может, их всего три, — предположила Ильва.

— Все равно нам не выстоять. Почти никогда не получается так, как тебе хочется. — Катгрин покачала головой. — Вот не могу решить: то ли у тебя голова пустая к северу от губ, то ли ты просто упрямая маленькая девчонка. А может быть, и то, и другое.

— Я не маленькая. И я должна быть тверда.

— Что ж, может, это и так, но порой нам надо понимать, когда пора перестать быть твердыми, чтобы стать умными. А сейчас как раз такой случай, дитя. Трудновато устроить засаду, когда ты не знаешь, сколько воинов гонятся за тобой, и трудновато спрятаться, когда оставляешь след шириной с реку Тайн до самого своего укрытия. Прибавим сюда еще и то, что у меня сломана правая рука, поэтому я теперь дерусь в два раза хуже обычного, а ты еще ни разу не убивала человека.

— И насколько это будет тяжело?

— Тяжело ли это это будет? — Катгрин произнесла это таким тоном, словно не поверила в вопрос. — Дитя, нет у нас никакой возможности устроить засаду и уцелеть после этого. Мудрая воительница битвы выбирает осторожно. Не вступай в схватку, если не можешь победить. Наша самая большая надежда — запутать следы, молиться о том, чтобы выпал свежий снег, и уйти от этих людей как можно дальше.

— То есть в Сетун.

— Да, дитя. В Сетун.

— Это же вроде деревня саксов? А мне там не будет опасно? Я же данка.

— Никто тебя в Сетуне пальцем не тронет.

— Ты в этом уверена?

— Так же, как в том, что у меня сломана рука.

Ильва посматривала на Катгрин, жевала губы и пыталась скрыть отчаяние. Ей хотелось уговорить Катгрин устроить

засаду, но она видела, что та не согласится. И, может быть, она была права. Может, это и вправду плохая затея.

Ей нужно только ждать. Ее час еще пробьет.

Потом они долго не разговаривали. Сказать было особо нечего, поэтому они просто ехали сквозь ночную тьму. Если на их пути попадалась каменистая земля, они направляли коней по ней и часто меняли направление, делая все, что только могли, чтобы скрыть следы. Но чем дольше они ехали, тем хуже становилось Катгрин. Только теперь Ильва стала замечать, насколько плохо и больно ее спутнице. При любом движении лошади Катгрин морщилась от боли и поддерживала правую руку левой. В седле она сидела, опустив голову, и ее лицо блестело от пота, несмотря на мороз.

— Она плохо выглядит, — сказала Ильва Гери, трусившему рядом с конем.

Пес бежал, раскрыв пасть и свесив язык.

«Ты нужна ей. Ты должна что-нибудь сделать, чтобы помочь ей».

Гери был прав. Ильве действительно была нужна Катгрин. Ильва кое-что знала о жизни за пределами деревень, но эта страна ей не была знакома. Ей трудно было здесь передвигаться так умело и умно, как это делала Катгрин. Если Ильва хотела выжить в лесу и добраться до Сетуна, то для этого ей нужна была Катгрин. Сейчас она убегала от своего врага, но потом все изменится. Ей не удалось уговорить Катгрин помочь ей убить Трехпалого — что ж, может быть, она сумеет в Сетуне найти кого-то, кто ей в этом поможет.

— Надо что-то сделать с твоей рукой, — сказала Ильва.

— А? — Катгрин подняла голову. — Что ты сказала?

— Твоя рука. Надо что-то сделать с ней.

— Сломана — значит, сломана, дитя. Ничего с этим не поделаешь.

— Сломана она или нет, — возразила Ильва, — мы могли бы ее устроить поудобнее.

Катгрин хмыкнула. Казалось, ей даже говорить больно.

— Однажды дома, — продолжала Ильва, — я упала с дерева и ушибла руку. Мне хотелось сорвать яблоко для мамы — буд-то бы это яблоко Идун. Я хотела сорвать самое сочное, чтобы моя мама жила вечно. Но беда в том, что самое лучшее яблоко оказалось на самой верхушке яблони, и только я успела к нему прикоснуться, как меня поймал Рагнар. Он закричал на меня, стал ругать за кражу, а я так испугалась, что сорвалась и упала. По пути ударялась обо все ветки.

Ильва не помнила в точности испытанную тогда боль, потому что тело о такой боли забывает, но могла ее представить.

— Я думала, что умру.

— Хорошая история, — негромко простонала Катгрин. — Но мне она не помогла.

В тот день мать осмотрела руку Ильвы и сказала, что она не сломана. Но рука болела, и мать соорудила для Ильвы перевязь, чтобы руке стало легче. Как только рука легла на перевязь, боль сразу стала меньше. Может быть, и Катгрин это поможет.

Ильва повернула голову назад и решила на ходу проверить содержимое двух сумок из козьей кожи, притороченных к седлу. В одной она обнаружила завернутые в тряпицы съестные припасы. Ильва вытащила из сумки узелок и развернула его.

Катгрин, устало глянув на нее, пробормотала:

— Вяленая рыба порадует мой пустой желудок, а моей руке от нее никакого толка.

Ильва ее слушать не стала. Она вытряхнула сморщенные полоски сушеной рыбы в сумку, завязала шнурок на горловине, расправила тряпку и решила, что размер у нее подходящий. Ильва сжала бока лошади каблуками, и та послушно пошла дальше. Ильва отпустила поводья и связала между собой два конца тряпки.

— Это перевязь, — сказала Катгрин. — Похоже, не такая уж ты пустоголовая. Сообразительность и решимость — неплохое сочетание для юного воина. Тебе стоило бы над этим поработать.

Ильва наклонилась и протянула Катгрин перевязь. Та не без труда забросила тряпку на шею и уложила в перевязь сломанную руку.

— Неплохо, — произнесла она, едва дыша. — Но ты так и не сказала: яблоко-то ты добыла? Для своей мамы?

— Нет. — Ильва отвязала от пояса маленькую торбочку, которую взяла в хижине торговца. — У меня есть семена белены. Если мы остановимся, я смогу сделать мазь и приложить к твоей больной руке.

— Здесь мы остановиться не можем. — Катгрин покачала головой. — К тому же я видела, как из-за этой дряни люди с ума сходят. С меня и перевязи хватит.

— Но я знаю, как. Меня мать обучила.

— Прибереги для другого раза.

— Хорошо.

Ильва привязала торбочку к поясу и сжала в руках поводья.

— Спасибо за перевязь, — сказала ей Катгрин. — Твоя мама гордилась бы тобой.

У Ильвы уже было такое чувство, что они скачут и скачут без конца. Она видела только снег, деревья и нескончаемую ночь.

— Как будто Фимбульветр пришел, — проговорила Ильва. — Бесконечная зима перед Рагнарёком. Это когда миры сойдутся, когда Фенрир поглотит Одина, а Тор убьет мирового змея — как я убью Трехпалого.

— Насколько мне помнится, Тор погибает, — сказала Катгрин.

— Мне все равно. — Ильва покачивалась в седле и смотрела на Катгрин. — наших богов ты знаешь, а выглядишь и говоришь, как женщина из племени саксов. Кто же ты? Ты из саксов или из данов?

— А почему мы не можем быть просто людьми?

— Потому что я — данка. Я викинг.

— Ясное дело.

Катгрин вдруг остановила коня.

— А ты из саксов.

Ильва остановила коня рядом с конем Катгрин.

Катгрин закрыла глаза и медленно повернула голову из стороны в сторону.

— Что ты делаешь? — спросила Ильва. — Почему остановилась?

Катгрин подняла руку и прижала палец к губам.

— Но...

— Тс-с-с! Я слушаю.

Ильва нахмурилась. Они сидели верхом на конях в тишине. Кони тихонько ржали и фыркали. Ильва смотрела на облачка пара, срывающиеся с ее губ, и обхватила себя руками, чтобы согреться. Гери терпеливо сидел на снегу рядом с конем Ильвы. Он тяжело дышал и слизывал с губ слюну.

— Ладно. — Катгрин открыла глаза. — Пора еще немного потрудиться. Нам нужно разделить и спутать следы.

— Разделиться?

Ильва стала вглядываться в бескрайнюю темноту леса.

— Ненадолго, — успокоила ее Катгрин. — Ты поезжай вон туда. — Она указала вправо. — А я в другую сторону.

Ильва всмотрелась в чащу леса и до боли потянула себя за волосы.

— Не бойся, дитя.

— Я не боюсь. Я... тревожусь.

— Рада это слышать. — Катгрин прикоснулась пальцем к уху. — А теперь тихо. И слушай.

И снова стало тихо. Катгрин молчала. Ильва не выдержала и спросила:

— Что слушать?

— Лес слушай. Слушай мир. Отпусти свои волосы и прислушайся ко всему этому. Начни отсюда, — она похлопала левой рукой по груди. — И слушай, слушай.

— Как же можно слушать... вот так? — Ильва опустила руку и прижала к сердцу. — В этом нет никакого смысла.

— Просто сделай так, дитя. Закрой глаза и делай, как я скажу. Хоть раз в жизни сделай что-то, не задавая вопросов.

— Ты не шутишь?

Ильва долго смотрела на Катгрин. Та ничего не ответила. Ильва тяжело вздохнула и сделала большие глаза. Они теряли время. Преследующие их всадники могли быть уже совсем близко.

— Я ничего не слышу.

— Это потому, что ты боишься. Слушай через страх.

— Я тебе сказала: я не боюсь, а тревожусь.

— Просто сделай это. Я пытаюсь научить тебя кое-чему. Твой пес это тоже делать умеет — если тебе от этого легче.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Ничего, просто... — Катгрин покачала головой. — Ничего. *«Сделай это. Закрой глаза. И я так же сделаю».*

Ильва посмотрела на Гери, сидевшего рядом с конем.

— Ладно.

Она вдохнула поглубже и закрыла глаза.

— Хорошо. Что слышишь? — спросила Катгрин.

— Слышу мое сердце, — ответила Ильва. — И лошадей.

— А кроме этого?

Ильва повернула голову.

— Ветер. Будто голоса шепчутся. Слышу... Кажется, слышу, как ветки трутся друг о друга.

— А дальше?

— Деревья потрескивают. Это грустный звук. Они словно бы плачут. Слышу, как снег падает с ветвей, и что-то маленькое передвигается в подлеске. Может, зайцы. Может, птицы.

— Есть еще кое-что, дитя. Слышишь? Похоже на музыку.

— Слышу. Тут поблизости река?

— Хорошо. — Катгрин кивнула. — Открой глаза. Ты услышала шум ручья, который потом станет рекой. К счастью для нас, он пока не замерз и достаточно широк и глубок, чтобы стать нашим другом. Я хочу, чтобы ты ехала по лесу, пока не достигнешь ручья. А когда доберешься, заведи коня в воду и направь против течения. Идите так, пока не поравняетесь со скалой, похожей на раскрытую ладонь. — Катгрин вытянула левую

руку и растопырила пальцы, чтобы показать Ильве форму скалы. — Там мы с тобой встретимся.

Ильва посмотрела в ту сторону, куда ей предстояло ехать.

— А вдруг я пропущу ручей, не замечу?

— Не пропустишь. Даже слепой на трехногом козле не пропустит этого ручья. И старайся почаще слушать вот так. Научись делать это постоянно, не закрывая глаза.

— А как со скалой? А вдруг я...

— Она больше самых больших палат, дитя. Нужно быть слепой и глупой, чтобы не заметить ее в такую ясную ночь.

— Но...

Ильва снова с отчаянием потянула себя за волосы.

— Все будет хорошо, — сказала ей Каттрин. — Обещаю. Но если мы тут будем торчать и спорить, то упустим все время, которые мы для себя выиграли. Найди ручей и следуй по нему до скалы, похожей на ладонь с растопыренными пальцами. Через два часа я буду ждать тебя там.

Каттрин развернула своего коня и ускакала, не оглядываясь назад.

Ильва проводила ее взглядом, думая, не поехать ли следом. Она вдруг перестала чувствовать себя такой уж крепкой. А вдруг Каттрин захотела вот так от нее избавиться?

— Сделай это, дитя, — крикнула Каттрин, удаляясь. — Скорей!

18

РУКА ВЕЛИКАНА

«Думаешь, что она нас бросила, да? Что она не вернется?»

— Мы должны быть готовы к этому.

Ильве не хотелось пугать себя, но она должна была подготовиться к тому, что могло случиться.

«Но мы же все сделаем так, как она нам сказала, верно? Найдём ручей и пойдем по нему до скалы, похожей на руку?»

— Да.

«Я не думаю, что она солгала». — Гери трусил рядом с конем, опустив нос к земле и шевеля ушами. Он слушал звуки леса. — *«Она встретится с нами там. Я ей верю».*

— О, Гери...

Ильва вздохнула. Чем дальше, тем сильнее терзали ее сомнения. Это был обман. Катгрин наверняка послала ее в эту сторону нарочно, чтобы ее нашли разбойники с волчьим оскалом на черных шарфах. Она могла увести их от Катгрин и Брона. Ильва была приманкой, а Катгрин...

«Вижу ручей».

Гери вмешался в мысли Ильвы. Он помчался вперед, вилля по подлеску среди кустов.

«Вот он».

Ильва увидела, как что-то блестит впереди, среди деревьев. Чем ближе к ручью, тем громче слышалось журчание воды, бегущей по камням.

«Она не соврала насчет ручья».

— Это не значит, что ей можно доверять.

«Я ей доверяю».

— Ты собака, ты всем доверяешь.

Ручей напоминал темную раздувшуюся змею, ползущую по снегу. На чешуйки змеиной кожи походила рябь на воде. Маленькие водовороты сверкали и отражали свет луны и звезд в тех местах, где ручей огибал черные камни. Музыка ручья и исходивший от воды сырой и морозный запах пробудили у Ильвы воспоминания о речке, куда они с матерью ходили летом добывать рыбу острогой. Мать Ильвы в этом деле была большой умелицей. Ее белые ступни скользили по твердой гальке на мелководье. Под солнцем вспыхивала рыба чешуя. Метко занесенная острога рассекала воду. Больше никогда этого не будет. Никогда...

«Перестань думать о ней».

— Знаю.

Ни долины, ни лощины, ни склона, спускающегося к воде. Только темная лента ручья, вьющегося вровень с землей. В том месте, где к нему приблизилась Ильва, ручей не был широк, но все же взрослый человек одним прыжком через него не перебрался бы. А насколько ручей глубок, Ильва поняла, когда в воду вошел конь. Вода добиралась ему до коленей. Наверняка ручей был очень холодным, но конь не стал жаловаться. Ничего не имел против и Гери, который прыгнул в воду и поплыл за конем, держа голову высоко над поверхностью воды.

Ильва вела коня медленно. Опасно было передвигаться на лошади по воде, не зная, каково дно ручья. И все же Ильва понимала, в чем смысл этой части пути. Ее след оборвется на том месте, где она подъехала к ручью. Любому, кто бы за ней ни гнался, придется решать, в какую сторону она ушла — вверх по течению или вниз. Найти следы на каменистом дне ручья было почти невозможно, и даже если бы следы оставались, вода тут же их смывала.

— Это хорошо, — проговорила Ильва вслух. — Мы будем как призраки.

Ильва вела коня осторожно, внимательно смотрела вперед, искала глазами возможные опасности и ждала, не покажется ли скала, похожая на раскрытую ладонь.

«Катгрин сказала, что не заметить ее невозможно».

— Значит, давай постараемся ее заметить.

Ильва чувствовала себя все увереннее. Катгрин не солгала насчет ручья. Они продвигались к месту, где встретятся с ней. Может быть, уже недолго им с Гери быть одним.

Ильва почти не слышала других звуков, кроме шлепанья копыт коня, шагавшего по воде. Но время от времени она останавливалась и прислушивалась — так, как ее научила Катгрин.

Прислушивалась по-настоящему.

Вдоль левого берега ручья через какое-то время появились высокие скалы — выше головы Ильвы, сидевшей верхом. Сам ручей стал глубже и шире, течение его здесь было мощнее. Вскоре вода уже доходила коню до плеч.

Ильва подняла ноги повыше, чтобы не замочить их. Ей было жалко коня, шагавшего по ледяной речке, и Ильва повела его по мелководью, где было легче и коню, и Гери. Было у Ильвы искушение дать животным отдохнуть и вывести коня на берег, но это стало бы ошибкой. Как только она покинет речку — сразу оставит след. А по следу ее можно будет найти.

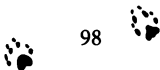
Катгрин была права: скалу, похожую на раскрытую ладонь, нельзя было спутать ни с какой другой. Чем дальше ехала Ильва, тем круче становились берега речки, и она начала опасаться, что может проскочить мимо условленного места встречи. Но нет, все сразу стало ясно. На левом берегу деревья почти не росли — слишком каменистой там была земля. Луна, словно яркий факел, освещала пять огромных зазубренных пальцев. Казалось, будто каменный великан выставил кулак из-под земли и разжал пальцы, пытаясь дотянуться до неба. «Окажись здесь Тор, — подумала Ильва, — он замахнулся бы молотом и разнес эту великанскую ручищу на кусочки».

Река пела, а лес стонал под ветром. Ни Катгрин, ни какого-то другого всадника нигде не было видно.

Ильва вывела коня из воды на плоский каменистый уступ — часть берега прямо под пальцами великанской руки. Скалы так хорошо прикрывали уступ сверху, что снега на нем было совсем немного — он оказался лишь чуточку припорошен. На снегу валялись мелкие камешки, сучья и ветки, принесенные рекой-змеей во время сильного ливня.

Гери отряхнулся, сел и стал прислушиваться к звукам леса. Ильва дождалась, когда успокоится конь, и тоже стала слушать, но не слышала ничего, кроме пения реки и жалоб леса.

Ильва не любила сидеть без дела. Дома она всегда находила себе какую-то работу. От безделья ее мысли блуждали, а это ей не очень было нужно. Кусая губы, она вспоминала о матери и жалела о том, что они вообще приплыли в эту страну. Дома у Ильвы было не так уж много всего, а здесь совсем ничего не осталось. Она замерзла, проголодалась, ей было тоскливо и одиноко. Чего только она не отдала бы за жаркий очаг, крышу

над головой и миску со сливовым пудингом, приготовленным мамой... Густой, сладкий — он был такой вкусный, что от него ей всегда все казалось лучше, чем было. Порой они с матерью садились в высокой траве на дюнах и ели пудинг, глядя на море. Сладко пахнувший пар обволакивал их, а они мечтали уплыть куда-нибудь подальше вдвоем. Но никогда Ильва не думала, что все обернется вот так.

Вот так, как все обернулось.

У нее заныло сердце. Ильва попыталась избавиться от боли, прогнать ее, но та не уходила, только немного тонула под поверхностью.

«Давно мы ждем?»

Гери запрокинул голову и посмотрел на луну.

— Недолго. Просто кажется, что долго. — Ильва обернулась и внимательно рассмотрела каменные пальцы, гордо воздетые к небу у нее за спиной. — Уверена: место то самое. Как потвоему — похоже на пальцы?

Она подняла бледную руку и растопырила пальцы.

— Думаешь, она придет? — Ильва взглянула на Гери, но тот все еще смотрел на небо сквозь деревья. — Или ты думаешь, она отправила нас в эту сторону, а сама поехала в другую, чтобы встретиться с мальчишкой? Может быть, мне сразу не стоило ей доверять.

Эта мысль вонзилась в грудь Ильвы холодным ножом. Без Катгрин ей конец. Она пропадет. Погибнет в этом лесу.

19

УБЕЖИЩЕ

Ильва остановилась там, где нависающие сверху скалы за-слоняли землю от снега. Гери уселся рядом с ней. Он сильно дрожал. Его шерсть вымокла и слиплась. Ильве было неловко смотреть на него — почему, она сама не совсем понимала.

Может, потому что Гери стал похож на тощих голодных собак из ее родной деревни — тех, за которыми плохо смотрели хозяева.

«Значит, теперь мы будем ждать Катгрин».

— Если она не придет — мы все равно тут останемся. — Ильва уже исподволь готовила себя к худшему, уговаривала, убеждала, что справится. — Пробудем здесь столько, сколько нужно, чтобы согреться и высохнуть. Конь отдохнет. Потом снова поедем. — Говоря с собакой, она отыскала на уступе толстую палку длиной с ее рост. — А потом разыщем ту деревню, про которую говорила Катгрин. Сетун. Может быть, там мы найдем того, кто нам поможет.

«Нам нужен костер».

— Нет. Если Трехпалый поблизости, он заметит огонь. — Ильва вспомнила, как ее враг приняхивался к воздуху — совсем как зверь. — Или учует. Нужно придумать, как согреться по-другому. Иди сюда.

Здесь сами скалы стояли так, что укрытие найти было довольно легко. Ильва и Гери поднялись немного вверх от берегового уступа. Ильва повела коня за собой.

— Вот хорошее место.

Ильва указала на пространство между двумя гигантскими пальцами. Справа и слева черные скалы ровно уходили вверх, а отвесная каменная стена защищала выбранное Ильвой место сзади. Снега на земле здесь почти не было, а это означало, что ветер чаще всего дует с берега.

Ильва провела коня между «пальцами». К седлу было приторочено одеяло из овчины, два кожаных мешка и сложенные в несколько раз и сшитые между собой меха. Ильва обсушила коня этими мехами, расправила их и уложила коню на спину, а потом стреножила его, чтобы он не ушел.

Ильва увела Гери в самый дальний уголок каменного убежища. Там Ильва стала изучать содержимое мешков.

— Как жаль, что моя сумка потерялась, — сказала она, развязав горловину первого мешка. — В ней было все, что нам нужно.

«Жаль, что твоей матери тут нет».

В мешках из овечьей кожи оказалось немало всего — вполне достаточно, чтобы возместить утерянны Ильвой припасы. Тут был и твердый сыр, и хлеб, и копченое мясо, и сушеная рыба. В глиняном горшочке — маленьком, размером с кулак Ильвы — лежали полоски трута, изготовленного из древесного гриба, вываренного в моче. Трут все еще тлел, и тлеть он мог еще несколько дней, так что Ильва могла воспользоваться им, чтобы разжечь костер, когда придет время. Еще в мешке Ильва нашла флягу с водой, маленькую торбочку с солью, три серебряные монеты и пять железных наконечников для стрел.

Запомнив все, что нашлось в мешках, Ильва трижды проверила и пересчитала все припасы и вещи, снова уложила в мешки и завязала горловины.

— Вот теперь мы будем ждать Каттрин. — Ильва вынула из-за пояса топорик, села и скрестила ноги. — Если она придет.

Ильва взяла топорик близко к концу рукоятки и принялась острым лезвием оттачивать один конец толстой палки, которую она принесла с берега.

Ш-ш-шк. Ш-ш-шк, ш-ш-шк.

— Если хочешь, могу рассказать тебе историю, — сказала Ильва.

Гери заскулил, свернулся калачиком возле хозяйки и прижался к ее ноге.

— Эту историю мне однажды рассказала мама, когда мы с ней сидели на причале, опустив ноги в воду. Солнце согревало наши плечи. — Ильва говорила и продолжала строгать топориком палку. Она представляла себе тепло того дня, блеск ряби на поверхности моря. — Я опускала палец в воду, вынимала и рисовала узоры на досках причала. Но солнце тут же высушивало мои рисунки. А ты лежал на солнце, свернувшись точно так же, как сейчас. Ты любил такие дни.

Ильва и сама их любила — ленивые дни, когда ей не приходилось гнуть спину в поле или горбиться за ткацким станком. От долгой работы у нее ныли пальцы. Она была готова сидеть под солнцем до изнеможения, а потом прижималась лицом

к боку Гери, ощущала, как он дышит, и вдыхала запах его теплой, мягкой шерсти.

Но эти дни остались позади, поэтому Ильва прогнала воспоминания и стала рассказывать историю Сигни, которая вышла замуж за злобного и ревнивого короля Готланда.

— Знаешь эту историю? — спросила Ильва у Гери.

Знал — значит, знал. Ильва все равно собиралась ее поведать. Просто для того, чтобы чем-то занять время и напомнить себе о своей цели.

Ильва вдохнула поглубже и стала рассказывать о том, как король Готланда ненавидел семью Сигни, а особенно — ее брата Сигмунда: тот отказался продать ему меч, который он получил от Одина.

— И когда отец Сигни и десятеро ее братьев прибыли в Готланд, чтобы ее навестить, гёты напали на них. — Ильва говорила почти шепотом: — Разразилась жестокая битва, и в итоге король Готланда победил. Он убил отца Сигни и всех его людей. Конечно, Сигни умоляла пощадить ее братьев, что же ей еще оставалось?

Ильва умолкла и посмотрела на Гери. Тот тяжело вздохнул.

— Она умоляла жестокого короля не убивать их, а взять в плен, и он согласился — но, конечно, это была ложь. Король просто хотел помучить братьев своей жены. Из ствола толстого дерева он вырубил колодки, заковал братьев Сигни и оставил в лесу. И каждую ночь мать короля превращалась в волчицу, приходила в лес и съедала одного брата. Она убивала его и пожирала на глазах у остальных. И так она делала каждую ночь, пока не остался один только Сигмунд.

— К этому времени, — продолжала Ильва, — Сигни ненавидела короля с такой силой, с какой только один человек может ненавидеть другого. И отчаянно мечтала ему отомстить, но прежде ей надо было спасти своего брата, поэтому она уговорила служанку пойти в лес и вымазать лицо Сигмунда медом. В ту ночь, когда явилась волчица-оборотень, она сразу учуяла мед и принялась его лизать. И когда ее мерзкий язык оказался

во рту у Сигмунда, он его прокусил. Волчица-оборотень сдохла от испуга и боли, и Сигмунд освободился. Последний, самый любимый брат Сигни остался в живых.

Ильва перестала строгать палку и посмотрела на Гери.

— Ты притих, — сказала она.

«Тут холодно. И темно».

— Не уходи от меня.

Ильве больно было видеть своего пса таким несчастным. Шерсть Гери потускнела, блеск глаз померк.

«Забудь обо мне и доскажи историю».

— Хорошо. — Ильва откашлялась. — Потом... Прошло много времени, и у Сигни родился сын — сильный и храбрый. Сигни знала: он отомстит за нее, когда повзрослеет. Ее сын немало времени проводил в лесу с Сигмундом. У них было много приключений, и Сигмунд обучал мальчика боевым искусствам. Как-то раз они даже оделись в волчьи шкуры и десять дней прожили как волки. Но когда сын Сигни наконец возмужал и окреп, они с Сигмундом ночью прокрались в палаты короля и подожгли их. Все сгорели заживо. Даже Сигни. Но наконец, после стольких лет ожидания, ее месть свершилась.

Это была хорошая история. Ильве она всегда нравилась. Закончив рассказ, она стала кусать губы, стараясь не думать о матери.

«Твоя мать всегда рассказывала самые лучшие истории».

Ильва продолжала строгать конец палки. Звук негромким эхом отлетал от каменных стен убежища.

Ш-ш-шк. Ш-ш-ш-шк. Ш-ш-ш-шк.

— Знаю я, о чем ты думаешь, — проговорила Ильва, глянув на лежавшего возле нее пса. — Сигни тоже погибла при том пожаре — так что в этом было хорошего? Вот ты что думаешь.

Гери вздернул бровь.

— А может быть, ты так думаешь: почему Сигни сама не убила короля? Могла бы сделать это, когда он спал. Так было бы проще. Могла бы взять нож и...

«Может, она была недостаточно сильной».

Ильва перестала строгать палку. Стало очень тихо.

«А ты достаточно сильная?».

— Да.

Ильва встала и замахнулась самодельным копьём, представляя, что бросает его во врага.

— Когда придет время, я буду достаточно сильной.

Она подошла к коню, погладила его шею и посмотрела вниз, на речку.

— Если кто-то пройдет внизу, нас, скорее всего, не заметят, — сказала Ильва, вернувшись к Гери и прислонив копьё к скале.

Потом она села и несколько раз схватила и отпустила копьё — хотела убедиться в том, что готова к нападению врага. Она положила рядом с собой топорик и стала смотреть на Гери.

Свернувшийся калачиком пес лежал, не шевелясь. Его запросто можно было принять за камень. Его шерсть все сильнее пахла сыростью и затхлостью. Казалось, он выбрался из-под земли.

— Я знаю, как выжить, — сказала Ильва. — У меня есть еда и убежище. До рассвета ничего не случится, а потом я найду дорогу и выберусь из леса. Постараюсь разыскать деревню Сетун, про которую говорила Каттрин. А пока мне надо быть настороже.

«Каттрин придет».

— Я так не думаю.

Ильва зажмурилась и прислушалась к звукам леса.

Сильнее всего был слышен шум реки, но когда Ильва напругла слух более старательно, она услышала негромкие крики птиц и шорохи, издаваемые маленькими зверьками, снующими под деревьями. Она слилась с лесом, стала его частью. Ей нужно было почувствовать себя здесь своей, как будто она здесь живет, — и на несколько мгновений это ей удалось. Когда вся ее сущность сосредоточилась на звуках вокруг, думать больше стало не о чем, и ничто не могло примешаться к ее чувствам.

Но вдруг к шумам леса присоединились иные звуки. Треск сучка. Негромкая поступь копыт. Фыркание. Кто-то приближался.

Ильва замерла. Вытаращила глаза. Ее мысли бешено заметались. Трехпалый.

Он нашел ее.

«Хватит сидеть! Шевелись!» — скомандовала она себе.

У нее пересохло в горле, сердце забилось часто. Мурашки побежали по коже.

«Сражайся! — кричал ей разум. — Бейся за свою жизнь!»

И она начала действовать. Страх не исчез совсем, но пропало оцепенение. Ильва схватила копые, присела и уперлась в землю одним коленом. Вторым она подперла локоть руки с копьем, нацеленным на вход в убежище. Не обращая внимания на Гери, оставшегося в глубине укрытия и ставшего похожим на призрак, Ильва стала ждать.

Всадник приближался с правой стороны. Ильва была уверена, что он один. Тихое звяканье уздечки и стук копыт подсказывали ей, что больше никого нет. Будь всадников больше — звуки были бы иными.

Вскоре звуки прекратились. Ильва немного подождала. Ее конь фыркнул и развернулся ко входу в убежище. Он смотрел вниз, на речку. Ильва немного продвинулась вперед, выставив перед собой копые. Там кто-то был. Всадник не проехал мимо, он остановил коня в воде около уступа. Ильва приготовилась к схватке. Если там, внизу, не Катгрин, она метнет копые, и...

— Это уже становится привычкой.

Ильва вытаращила глаза.

— В смысле — что ты держишь меня под прицелом. У тебя это начало входить в привычку, да?

Ильва успела убедить себя, что больше никогда не увидится с Катгрин. Она была уверена, что теперь ей придется выживать в одиночку. Но когда она увидела Катгрин, ее захлестнуло с головой невероятное чувство облегчения, похожее на высокую волну в зимнем море. Она больше не была одна!

— Как я вижу, ты сделала себе копые. Очень разумно.

Ильва посмотрела на копые и перевела взгляд на Катгрин.

— И похоже, ты устроилась на ночевку, но у нас нет времени на игры.

— Игры? Я ни в какие игры не играю. Я могла тебя убить.

— Не сомневаюсь. Я просто так сказала. Иногда так говорят, вот и все.

— О! — Ильва опустила копье. Руки у нее дрожали, и не только от холода. — Я думала, ты не придешь.

— Что я брошу тебя тут одну?

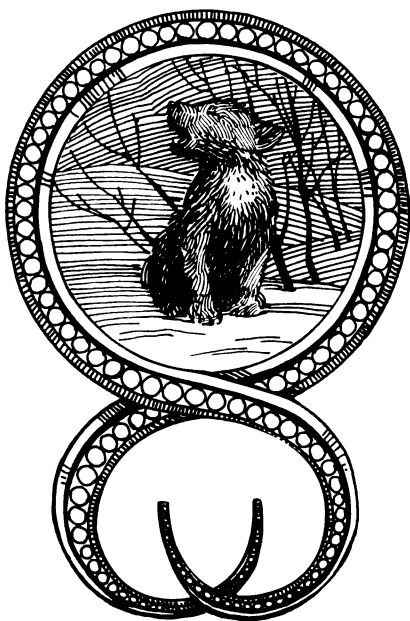
— Да.

— Это больше говорит о тебе, чем обо мне. — Катгрин успокоила коня. — Что ж, ты выбрала хорошее место. Оно неплохо защищено.

— Мы могли бы заночевать здесь. Немного...

— Нет. Нам надо уходить. Я знаю место получше выше по реке. А если уж тебе здесь понравилось, там понравится еще больше.

БЕСКОНЕЧНАЯ
ЗИМА

УЛЬФХЕДНАР

Ильва скатала в рулон одеяло из овчины и понесла его вместе с кожаными мешками к коню, но Катгрин ее остановила.

— Не надо, — сказала она. — Отнеси мешки и меховую попону на моего коня. Твоего мы пустим туда. — Она указала рукой на лес. — Если кто-то проследит за нами вдоль реки, они окажутся здесь и увидят след, уходящий в ту сторону.

— И, если боги с нами, враги пойдут по этому следу?

— Боги к этому непричастны, дитя. Просто это хорошая выдумка, и поэтому она сработает.

Катгрин повела коня к другому берегу реки и остановила на мелководье. Ильва взяла своего коня под уздцы и тоже провела по воде. Сама она перепрыгивала с камня на камень, стараясь не замочить сапоги. Всю поклажу, какую могла, она уложила позади седла Катгрин. Потом велела Гери ждать, а сама увела коня подальше по течению реки.

Там она дала коню выйти из воды на берег. Прижалась к нему и погладила его шею.

— Спасибо тебе за то, что привез нас так далеко.

Они теряли ценного коня. Он стал Ильве хорошим товарищем, и прощаться с ним ей было жаль.

— С ним все будет хорошо?

Ильва повернулась к Катгрин. Она старалась перекрыть шум бегущей воды. Появился туман. Казалось, духи крадутся из леса. Туман окутал черные скалы и за клубился у ног коня.

Сидящая в седле Катгрин казалась гигантом в сравнении с Гери, стоящим на берегу. Даже издали Ильва видела, что пес дрожит, несмотря на густую шерсть. Ильва смотрела на его бледную, почти призрачную морду, огромные темные глаза. Ей вдруг захотелось как можно скорее оказаться с ним рядом. Казалось, Гери страшно далеко и словно смотрит на нее из мира мертвых.

— Возможностей уцелеть у него не меньше, чем у нас, — сказала Катгрин.

Ильва не спускала глаз с Гери.

— А медведи? А волки?

— Что — медведи и волки? Если этот конь может спасти жизнь мне, да и тебе... Если уж на то пошло — я с радостью отправлю его в волчье логово.

— Но это как-то... неправильно. Он проделал со мной такой долгий путь... Он заслуживает лучшего.

— Он и теперь тебе помогает, дитя. Смирись с этим.

«Она права».

Гери смотрел на Ильву с другого берега реки.

— Не хочу смиряться.

«Порой нужно от чего-то отказываться».

Ильва отвернулась от Гери и снова погладила шею коня, а потом прошептала слова прощания и резко шлепнула коня по крупу. Конь вздрогнул, раздраженно махнул хвостом, громко фыркнул и обернулся. Он словно хотел спросить, почему Ильва так себя ведет.

— Ступай! — Ильва замахала руками. — Уходи! Уходи!

Конь равнодушно смотрел на нее.

— Да, просто беда с лошадьми, привычными к боям, — вздохнула Катгрин. — Его не так-то легко напугать. Ударь его вот этим. — Она указала на копьё в руке Ильвы. — Тогда все получится.

Ильва растерялась. Конь провез ее по лесу, она была цела и невредима, и вот так она ему отплатит?

— Сделай это, дитя. Нам пора уходить.

Ильва зажмурилась, замахнулась палкой и с силой опустила ее на лошадиный круп. Самодельное копьё со свистом рассекло морозный воздух и обрушилось на коня с глухим ударом. Тот обиженно заржал, сорвался с места и поскакал сквозь туман по снегу. Вскоре он скрылся за деревьями и пропал из виду.

— Будь невредим, — проговорила Ильва. — Пожалуйста, останься цел.

С тяжелым сердцем она проводила коня взглядом, а потом, осторожно ступая по камням, вернулась туда, где ее ждала Катгрин. Прежде чем усесться позади своей спутницы, Ильва присела на корточки рядом с Гери. Она так надеялась согреться около него, но пес дрожал как осиновый лист. А когда Ильва зарылась лицом в его шерсть в поисках обычного запаха свежего воздуха и дыма костра, она ощутила только холод разрытой могилы — сырой, затхлой земли.

Ильва уже решила, что останется одна, однако теперь, рядом с Катгрин, ей было не так страшно в лесу. Она все еще держалась настороже, не позволяла себе расслабляться, но страх немного поутих. Но было и еще кое-что: Катгрин встретила с ней у скалы в форме руки великана, как обещала. Ильва ждала предательства, но Катгрин сдержала слово.

Гери бежал вдоль скал по берегу речки позади них. Правда, всякий раз, стоило Ильве обернуться и посмотреть на него, она видела, что он словно худеет, становится все менее пушистым и бежит все медленнее. Сырой, затхлый запах его шерсти не покидал Ильву. От этого запаха ее подташнивало, и она ненавидела себя за это.

Она запрокинула голову, чтобы вдохнуть свежий, сладкий воздух, поднимавшийся вверх от бегущей воды. Конь шагал вверх по течению реки, Ильва покачивалась в седле. Время от времени они останавливались и прислушивались, но не слышали ничего такого, что сказало бы о том, что викинги с волчьим оскалом на шарфах их выследили.

— Кто они такие? — Ильва вглядывалась в лес по сторонам от реки. — Эти, с волчьим оскалом? — Она обернулась и посмотрела на остающуюся позади реку. — Мне они сказали, что охотятся на людей.

— Охотники на людей, — со вздохом проговорила Катгрин. — Можно и так сказать. Много появилось «охотников на людей» с тех пор, как в прошлом месяце Великое Войско заняло Эофервик и переименовало в его Йорвик.

— Великое Войско, — выдохнула Ильва в морозный воздух. — Под предводительством Ивара Бескостного и Бьорна Железнокного. Они — сыновья Рагнара Лодброка.

— Знаешь про него?

— Про Рагнара Лодброка? Про него все знают. Он первым пошел в набег на Англию. А теперь воины-викинги из всех городов и деревень переплыли через море, чтобы отомстить за убийство Рагнара королем Эллой. А мы приплыли, чтобы поселиться здесь, потому что Великое Войско объявило, что теперь тут безопасно.

— Что ж, пока тут не безопасно. Элла и Осберт еще живы, и они по-прежнему короли Нортумбрии. Теперь они перестали драться между собой, потому что им надо одолеть Великое Войско викингов, но крови будет пролито немало. Сама увидишь.

— Конечно, кровь еще прольется, — сказала Ильва. — Сыновья Рагнара Лодброка отомстят за отца. Для викинга месть очень много значит.

— Викинги пришли сюда не только ради мести, дитя. Ты же видела того человека в лесу, связанного. Видела, как они бросили его умирать.

— Они сказали, что он убийца.

— Он не был убийцей. Он был рабом.

— Рабом? Хочешь сказать, что эти, с волчьим оскалом, работорговцы? Вот что, по-твоему, значит «охотники на людей»?

— Да, дитя. Они пользуются удачами войска, нападают на деревни поблизости от Йорвика и берут в плен рабов. Вот как они

поохотились на того парня — пока он не стал слишком слаб и не замерз до смерти. Ты даже на себе испытала их жестокость.

Ильва вспомнила о матери, лежавшей под одеялом на полу в хижине торговца. Представила себе ее в холодной могиле, пахнущую сырой землей.

— Зачем они это сделали? Зачем убили ее? Я не понимаю.

— Потому что они работоторговцы и убийцы, — сказала Катгрин. — И больше ничего. Твоя мать оказалась в неправильном месте в неправильное время.

— В неправильном месте в неправильное время? — эхом повторила Ильва и посмотрела на Гери. — Ненавижу работоторговцев.

— Брон считает, что они — ульфхеднары, — сказала Катгрин. — Волки-воины. Он думает, что они становятся сильнее с приходом ночи — вот почему он велел мне нарисовать обереги на лошадях. Чтобы защитить их от злых сил. Но это, конечно, чушь и чепуха. Я слыхала, будто ульфхеднара нельзя убить ни огнем, ни железом, но стрелы Брона с ними отлично справились. Нету никаких чудовищ, нет никакой магии.

— Конечно, есть! — возразила Ильва. — Теперь все понятно. Я почувствовала, что в них есть что-то странное. У одного вообще были зубы как у волка. И были они в точности, как... Ты же знаешь, они разрывают своих врагов и пьют их кровь? — Ильва зябко поежилась. — А теперь они охотятся за нами, потому что мы убили их собратьев.

— Магии в этом никакой нет, — решительно сказала Катгрин. — Они просто-напросто работоторговцы в волчьих шкурах. Кричат по-всякому, затачивают себе зубы. Стрелы Брона их легко убили, не забывай.

— Может быть, ему оберег помог, — возразила Ильва. — А он вообще разговаривает?

— Брон? Почти нет. Может вымолвить несколько слов, если очень нужно, но для него это больно — будто ему в глотку впиываются когти. Когда я его нашла, он держал в руках лук, а шея у него была перерезана. И я думала, что он мертв, но он открыл глаза и попытался что-то сказать. Я ничего не могла сделать,

поэтому отвезла его к ведунье. Только ничего не говори. Ведунья — это просто знахарка.

Земля вдоль скалистых берегов мало-помалу выровнялась, а речка снова стала мелкой. Порой вода доходила коню чуть выше копыт. Катгрин сказала — будь река еще немного мельче, она бы замерзла. Теперь со всех сторон стояли одни засыпанные снегом березы. Стояли ровно, неподвижно, как воины в строю. Их было слишком много — не сосчитать. Ряды за рядами, их словно так построили боги. А дальше лес становился темнее и гуще, подступал к реке и будто пытался проглотить ее. Между стволами деревьев клубился туман. Холод стал пронизывающим, и Ильве казалось, что ее занесло в самое сердце Нифльхейма.

— Ты не большая мастерица врать, — проговорила Катгрин очень тихо, словно боялась потревожить нечто мрачное и злобное в лесу. — А когда ты рассказывала тем мерзавцам про своего отца, я поняла, что в Англии ты недавно. Ты не знаешь, что Дунхольм занят саксами. И тогда я подумала о том сгоревшем корабле, который видели мы с Броном. Я говорила тебе про этот корабль. Он там лежал всего несколько дней, так что...

— Мой отец мертв, — прервала ее Ильва и стала слушать мерную поступь коня, шагающего по ледяной воде. — Он был убит в бою. Дома, в Дании.

— Мне... очень жаль это слышать.

— Он был великим воином, — сказала Ильва. — Но теперь он в Вальхалле. Мы похоронили отца вместе с его лодкой и мечом и устроили великий поминальный пир в его честь.

Близко к реке подступили ели. Их лапы задевали Катгрин и Ильву, роняли снег и источали сильный хвойный запах. Еще дальше деревья сомкнули верхушки, вода речки стала черной. Здесь царил неприятная, неестественная тишина. Холодный воздух наполнился густым, затхлым запахом. В этом месте было что-то древнее и путающее. Деревья словно бы следили за странницами, и, казалось, в любой миг лес сомкнется и поглотит их.

— Твой отец действительно погиб в бою? — спросила Катгрин негромким, безжизненным голосом. — Он вправду был воином?

- Конечно. Ты мне не веришь?
- Я просто пытаюсь понять, кто ты такая, дитя. Я хочу тебе помочь, но ничего не знаю о тебе. Я даже твоего имени не знаю.
- Ты не спрашивала.
- Спросила. В той хижине, где я тебя нашла. Я спросила тебя. А ты мне ответила: «Не собираюсь делиться с тобой моим именем».

Ильва уставилась в затылок Каттрин. Она растерялась. Сказать этой женщине из племени саксов свое имя... Казалось, она словно чего-то лишится, какой-то части себя.

- Мое имя... Ильва.
- Впервые слышу такое имя. Оно что-то значит?
- Оно значит «волчица».
- Вот как. Тебе подходит. Свирепое имя для свирепой девочки. Твоя мать хорошо выбрала тебе имя. А как насчет твоего пса? У него имя есть?

У Ильвы больно кольнуло сердце. Она обернулась, чтобы посмотреть на Гери, который отставал все больше. Он превратился в собственную тень, которая с каждым часом таяла все сильнее.

- Ты с ним разговариваешь, — сказала Каттрин. — Я слышала.
- Ильва закрыла глаза и с такой силой впилась зубами в щеку изнутри, что прокусила до крови.
- А еще ты его видишь, верно? Как его звали?
- Ильва сжала в кулаке прядь волос и до боли потянула.
- Гери. Его звали Гери.
- Но ты же знаешь, что его здесь нет? — спросила Каттрин. — Ты знаешь, что он мертв, что мы похоронили его рядом с твоей матерью?

- Да, — ответила Ильва. — Я знаю.
- Она открыла глаза и обернулась, но не увидела Гери — только деревья и сумрак. Ильва вспомнила, сколько раз она представляла себе, будто обнимает его и зарывается лицом в его шерсть.
- Там, в хижине, я еще сомневалась, а уверилась в том, что ты все еще видишь свою собаку, только тогда, когда мы спасли

тебя от разбойников. Наверное, тебе очень тяжело. Я даже пред-
ставить не могу, насколько, но...

— Я знаю, что его здесь нет. — Ильва заговорила громче,
дала волю гневу. — Я все понимаю. Но не говори мне, что делать
и как думать. И не вели мне забыть его.

Она снова до боли дернула себя за волосы, сдержала слезы
и вспомнила, как мать взяла с собой Гери. Когда пошла в хижи-
ну торговца в тот злосчастный день. Ильва сказала, что пес за-
щитит мать, убережет ее, и вот теперь и она, и он были мертвы.
Их убил Трехпалый.

— Я не хочу его забывать. Я найду этого мерзавца и застав-
лю его заплатить за все, что он натворил. Он убил мою мать
и моего пса. Там, откуда я родом, и то, и другое считается пре-
ступлением.

— Я не собиралась советовать тебе забыть его, — бережно
проговорила Катгрин. — Я собралась сказать тебе, что если он
тебе нужен, будет правильно сохранить его живым. Вот здесь. —
Она прикоснулась к виску. — Я знаю: ты не такая, как другие
дети, и это хорошо. Разговаривай со своей собакой, если тебе
это нужно. Делай все, что надо, чтобы выжить.

Ильва отпустила прядь волос.

— И тебе не кажется, что это глупо?

— Нет.

— Я люблю животных. Они дарят мне спокойствие. Не то
что люди. — Ильва сделала глубокий вдох. — Мать подарила
мне Гери, когда он был щенком, и мы с ним никогда не расста-
вались. Это она придумала, чтобы я разговаривала с Гери. Я...
я не всегда думаю так, как другие люди. Иногда, если меня
что-то очень сильно тревожит, я кусаю щеку или тяну себя
за волосы.

— Я видела, как ты это делаешь.

— А иногда бывало, что я злилась так сильно, что могла сде-
лать себе еще хуже. Вот поэтому мама сказала, что мне стоит
наделить Гери речью, чтобы в то время, когда мне трудно, он
как бы разговаривал со мной.

— Мне все больше и больше нравится твоя мама. Жаль, что я не была с ней знакома. И с Гери тоже.

В последний раз Ильва видела Гери живым, когда ее мать вместе с собакой пересекла засыпанную снегом тропу и вошла в хижину торговца. А потом она увидела пса лежащим на земляном полу рядом с ее убитой матерью, и ей так сильно захотелось, чтобы это было неправдой. Она так старалась не видеть его изуродованного тела, не видеть крови. И, укрывая Гери одеялом, она представила, будто он жив, что он остался с ней — как голос, который был ей так сильно нужен.

И вот теперь он ушел от нее, растаял, удалился в мир теней. Гери ушел, а Ильве остались только черная буря тоски и жажды мести.

— Это не глупо, — сказала Катгрин. — Вовсе не глупо. Храни Гери в своем разуме, а мать — в сердце. Тогда они всегда окажутся рядом, когда будут тебе нужны.

21

Фенрир

Когда Катгрин решила, что они уже достаточно долго едут по реке, она вывела коня на берег и направила в лес. Но через какое-то время после полуночи, когда Ильва погрузилась в раздумья, и ее веки отяжелели, Катгрин резко натянула поводья и остановила коня.

— Что такое? Почему мы остановились?

Катгрин подняла вверх левую руку.

— Ты что-то слышишь?

Ильва представила себе кровожадного ульфхеднара и задумалась: может быть, действительно прав Брон насчет людей, которые за ними охотятся.

Катгрин покачала головой и сжала кулак — попросила Ильву замолчать. Потом Катгрин сложила руку ковшиком возле уха. Ильва поступила так же и наклонилась вбок, чтобы заглянуть вперед, за внушительную фигуру Катгрин. Напрягая слух, Ильва заметила, что конь тоже прислушивается. Он наострил уши и повернул к лежащей впереди чаще леса.

И тут Ильва расслышала.

То ли это был зверь, то ли люди. Или и зверь, и люди. Что бы это ни было — звук исходил из-за деревьев прямо на пути Ильвы и Катгрин.

Катгрин, морщась от боли в сломанной руке, слезла с коня с изяществом жирной свиньи. Ильве показалось, что конь испустил вздох облегчения из-за того, что ему больше не нужно нести на себе этот вес. Толстуха Катгрин постояла, чтобы отдышаться, и дала Ильве знак, чтобы та тоже слезла с коня.

— Это они? — прошептала Ильва, встав рядом с Катгрин. — Они нас нашли?

У нее внутри все сжалось, по всему телу пошла дрожь.

Конь тоже испугался. Катгрин держала его под уздцы, а он отпрянул назад в величайшем волнении. Держа уши торчком, конь водил ими из стороны в сторону. Катгрин немного успокоила коня и привязала поводья к толстой ветке ближайшего дерева.

— Держись позади меня, и ни звука.

Она обнажила меч и пошла по лесу вперед.

Ильва вытащила из-за пояса топорик и последовала за Катгрин. Сделав несколько шагов, она обернулась, посмотрела на коня и увидела рядом с ним Гери. Элххунд сидел, раскрыв пасть и свесив язык. Он был красивым и сильным — давно Ильва его таким не видела. Его шерсть была чистой и гладкой, глаза сверкали. На самом деле, его там не было — Ильва это понимала, но была готова представлять его живым и звать его всегда, когда он ей понадобится.

Ильву удивило то, что Катгрин двигается почти бесшумно. По тому, как она слезла с коня, было видно, что ее мучает боль, что она с этой болью борется, но как только она оказалась

на земле, она начала передвигаться, как хищный зверь. Илья шла, ступая в следы Катгрин на снегу. Катгрин приседала на корточки — и Илья приседала.

Вот так, крадучись, они преодолели футов пятьдесят по лесу. И вдруг Катгрин остановилась так резко, что Илья чуть не налетела на нее.

Катгрин указала на снег возле ее ног носком сапога и прошептала:

— След медведя.

Она присела и приложила пальцы к глубоким, четким отпечаткам.

— А это точно не они? — шепотом спросила Илья. — С волчьим оскалом. Не ульфхеднары?

— Тс-с-с... — Катгрин посмотрела направо — именно от туда тянулся след, а потом перевела взгляд вперед, туда, где следы исчезали в чаще леса. — След свежий.

Она наклонилась вперед, вгляделась в чащу, выпрямилась и пошла по следу. Вскоре остановилась и указала на большую кучу помета.

— Видишь? Точно медведь. Большой. — Катгрин присела и потрогала помет. — Еще теплый, — прошептала она. — Он...

Совсем близко послышалось громкое хриплое рычание.

Илья от этого звука вздрогнула, а Катгрин подняла руку, призывая Илью не шевелиться. Хриплый рык послышался снова. А следом — оглушительный рев. Ужас пробежал по жилам Иллы расплавленным железом. Она ни разу в жизни не видела медведя, но знала, что люди боятся их так же сильно, как троллей и драконов. Она слышала о чудовищных созданиях ростом выше великана, а весом больше десятых взрослых мужчин. О жутком зверюге, который мог обогнать лошадь, а здоровому мужику — оторвать голову одним ударом когтей. Только самые великие викинги могли сразиться с медведем и уцелеть. Так что для Иллы было все равно — ульфхеднары или медведь там в лесу. Ей не хотелось встретиться ни с кем из них.

— Нам надо уходить!

Ильва была готова развернуться и побежать обратно, к коню, но Каттрин посмотрела на нее сердито и покачала головой. Бежать сейчас было ни в коем случае нельзя.

Пришлось Ильве бороться с безотчетным желанием убежать. Она, что называется, проглотила свой страх и приготовилась к встрече с чудовищем, которое вот-вот могло вырваться из чащи прямо к ним.

Но из леса никто не выбежал. Где-то за деревьями медведь снова зарычал, а потом протяжно заревел, и Ильва услышала другой звук — пронзительный визг, похожий на собачий. Потом — взрыв воя и рева, и Ильва увидела громаду жуткого создания. Мышцы и жир ходили под шерстью, которая среди ночи казалась черной. И всякий раз, когда медведь ударял могучей лапой по земле, она содрогалась.

Но медведь и не думал направляться к Ильве и Каттрин. Он метался по лесу из стороны в сторону, то появляясь за деревьями, то исчезая за ними. В какой-то миг медведь попятился назад и встал на задние лапы, и тогда рядом с ним мелькнул другой зверь — он был меньше размером и ростом, но не уступал медведю в свирепости.

Каттрин наклонилась ближе к Ильве и шепнула ей на ухо:
— Волк.

Они замерли на месте. Смотрели за происходящим, не производя ни звука. По лесу пронесся порыв ледяного ветра. Сквозь облетевшие ветви деревьев начали падать тяжелые снежные хлопья. А на небольшой поляне, на глазах у Ильвы, шла жестокая битва. Медведь и волк сошлись в схватке.

Волк был свиреп, словно сам Фенрир, однако поединок оказался предсказуем. Когда волк прыгнул на медведя с раскрытой пастью, тот замахнулся мощной лапой, и от удара волк отлетел к ближайшему дереву. Он жалобно взвизгнул и повалился в глубокий снег. Волк попытался встать, но у него были переломаны кости. Он ничего не мог поделать со своим громадным соперником. А медведь впал в раж. Он бросился к поверженному волку, тяжело ступая и мотая головой. Встав на задние лапы, он всем

своим громадным весом обрушился на волка и принялся рвать его безжизненное тело зубами. Но вот наконец медведь успокоился. Он стоял на месте, и из его ноздрей валил густой пар.

Медведь не уходил — он словно бы ждал, что его жертва воскреснет. Он опустил голову, обнюхал волка, толкнул его носом, но волк лежал неподвижно. Медведь вдруг повернул голову в ту сторону, где стояла Ильва. На его темную шерсть ложились снежинки.

Даже оттуда, где она стояла, слыша, как стучит кровь в висках, Ильва расслышала, как медведь принюхивается.

Он понял, где люди.

Страшась произвести хоть один звук, Ильва затаила дыхание.

Медведь, находившийся на другой стороне поляны, поднялся на задние лапы и замер, повернувшись мордой к Ильве и Катгрин. Он был неподвижен, как статуя, и смотрел на деревья.

Ильва тихо выпустила воздух из легких и сделала вдох. Морозный воздух щипал глаза. А когда Ильва подняла левую руку, чтобы потереть их, медведь опустился на четыре лапы. Потом он поднял одну могучую переднюю лапу и с силой ударил по земле, клацнул зубами и шумно фыркнул.

А когда он еще ниже опустил голову и прижал уши, Ильва поняла, что он готовится к атаке. Она не знала, почему — но она это поняла.

22

ВОЛЧЬЯ КРОВЬ

Медведь надвигался на Ильву и Катгрин, как могучая грозовая туча. Он мчался по поляне ураганом злости и жестокости.

— Защищайся! — крикнула Катгрин и подняла меч. — Дерись изо всех сил, волчонок! Бейся за свою жизнь!

Ильва даже не успела осознать, что держит топорик обеими руками на уровне плеч, что готова нанести удар. Все ее тело окончено от страха. Она уже была не самой собой, а кем-то другим. Она парила высоко над деревьями и смотрела вниз на медведя, мчавшегося к ней по подлеску.

Медведь открывал и закрывал пасть, клацал зубами. Удары его мощных лап сотрясали землю.

Ильва приготовилась. Она была готова сделать шаг в сторону и замахнуть топором. Она видела, что именно так делают воины во время обучения боевым искусствам. Да, она замахнет топором изо всей силы.

Но медведь неожиданно остановился на краю поляны, проехав лапами по снегу. Он принялся расшвыривать снег во все стороны, а потом замер на месте, раскрыв пасть и обнажив зубы. С каждым вздохом его грудь раздувалась. Он не сводил маленьких глаз с людей, явившихся в его владения.

— Ни шагу назад, — сказала Катгрин.

Медведь громко фыркнул.

Ильва стояла на месте. Она даже не знала, сможет ли пошевелиться, даже если захочет. Она окаменела от страха. Медведь, она и Катгрин застыли перед невыносимым поединком.

Медведь вновь и вновь щелкал пожелтевшими зубами. На его морде блестела липкая слюна. Ильве было трудно не представлять себя схваченной этими ужасными челюстями. Каждый из этих зубов длиной с ее палец мог прокусить кожу и сломать кости так же легко, как она переламывала ветку дерева.

— Он пытается нас напугать, — сказала Катгрин.

— У него получается.

Медведь фыркнул и опустил голову. Он готовился снова броситься в атаку, но прежде чем он сорвался с места, Катгрин испустила долгий и громкий боевой клич. Ильва слышала такие крики от Дев щита. У Катгрин клич получился, как у самых лучших из них. Такие вопли порой вселяли страх во врагов на поле сражения. Вид орды дико кричащих воинов, бегущих к тебе по полю, со сверкающими топорами и копьями, мог

напрочь изменить ход битвы. Порой враги попросту обращались в бегство. А медведь и глазом не моргнул. Он лишь мгновение помедлил перед атакой.

Ильве казалось невозможным, чтобы такое огромное и тяжелое существо могло двигаться с таким изяществом и так быстро. Она успела лишь заметить, что медведь сорвался с места, а он уже почти поравнялся с ней.

Ильва видела только вставшую дыбом шерсть, слышала только топот лап и клцанье зубов, а ощущала только сотрясение земли и порывы ветра — это налетал взбудораженный бегом медведя воздух. Гигантский зверь вот-вот должен был налететь на нее, подбросить ее и...

— Шевелись!

Окрик Каттрин привел Ильву в чувство, и они с ней уклонились в разные стороны от бегущего медведя. Он замахнулся лапой, пошатнулся и проскочил мимо через кусты. Ильве удалось отскочить от него на приличное расстояние.

Ее сердце стучало, будто молот Тора. Страх и облегчение белой вспышкой польхнули перед глазами. Но когда Ильва оглянулась и посмотрела туда, где они только что стояли, она увидела, что Каттрин барахтается в снегу, пытается встать, — видимо, не удержалась на ногах, потеряла равновесие из-за поломанной руки.

Медведь разворачивался для новой атаки поблизости от Каттрин. Он мог вот-вот убить ее.

Ильва должна была что-то сделать.

И она издала боевой клич. Он получился писклявым и жалким в сравнении с мощным криком Каттрин, но при этом обжег глотку Ильвы так, словно она проглотила раскаленный песок. Однако этого хватило, чтобы привлечь внимание медведя.

Зверь развернулся всем своим огромным телом и посмотрел на Ильву поверх кустов. Тяжело дыша и клацая зубами, он побежал к Ильве галопом. При каждом его прыжке земля содрогалась. По пути медведь ломал ветки деревьев. Ильва уже чувствовала его теплое зловонное дыхание, но ждала до последнего мгновения. Она ждала.

И ждала.

И ждала.

И нанесла удар.

Это было не столько умение, сколько удача. В тот миг, когда медведь поравнялся с ней, Ильва отпрянула в сторону, размахнулась топориком и ударила по громадной голове с такой яростной силой, что ей показалось, будто топорик стукнул по глыбе железа.

Ошарашенный и удивленный, медведь пошатнулся, пытаясь развернуться и понять, что причинило ему такую боль, но потерял равновесие и врезался мордой в шершавый ствол толстого старого дуба. Дерево дрогнуло, с его ветвей посыпался снег. Медведь рухнул здоровенной грудой под дубом. Но лежал он недолго. Ильва не успела добежать до Катгрин и помочь ей встать, а медведь уже, хоть и с трудом, но поднялся на ноги. Он отряхнулся и озадаченно повертел головой в попытке найти свою жертву.

Ильва стояла, подняв над головой окровавленный топорик. Она разрывалась между двумя желаниями: убежать, пока медведь не очухался, или напасть снова и продолжать наносить удары до тех пор, пока зверь не умрет.

И она пошла в атаку.

Она бросилась к не успевшему прийти в себя медведю, крича и размахивая топориком. Поравнявшись со зверем, Ильва начала наносить ему удары куда попало. Она вопила так громко, что боялась, как бы ее мозг не залился кровью. Она даже не догадывалась, что способна издавать такие звуки.

Медведь завертелся по кругу, пыхтя и клацая зубами, обескураженный беспорядочной атакой. Ильва и не думала сдаваться. Она наносила один удар за другим. Иногда топорик попадал по плоти, иногда — по кости. А порой Ильва промахивалась, и тогда ее оружие рассекало морозный воздух.

Она продолжала сражаться, хотя у нее болели мышцы, а грудная клетка была готова взорваться. Она не могла позволить медведю опомниться, поэтому била и била его топориком — до тех пор, пока не получила мощный удар лапой в грудь.

Легкие Ильвы сжались, она взлетела в воздух и на миг решила, что все потеряно, но тут же шлепнулась в снег. Однако она твердо намерилась выжить. Выжить надо было любой ценой. Ильва поспешно поднялась, набрала в легкие побольше воздуха, закричала и замахнулась топориком, но ударить медведя еще раз ей не довелось. Он жутко взревел, развернулся в сторону поляны и убрался прочь, подминая под себя кусты. Вскоре он скрылся из виду.

Ильва еще долго вопила и размахивала топориком, после того как медведь убежал. Она только тогда затихла, когда к ней подошла Катгрин и проговорила:

— Дитя...

Ильва развернулась и занесла топорик над головой. Ее лицо и пальцы были залиты кровью. Обернутая кожей рукоятка топорика стала липкой, и снег вокруг был весь в пятнах крови.

— Он ушел.

Катгрин протянула руку, но дотронуться до Ильвы не решилась.

Они обе глубоко дышали, и пространство между ними наполнилось выдыхаемым паром.

— Ушел? — выдохнула Ильва, когда смогла говорить. — Ты уверена?

Катгрин кивнула.

— Он вернется?

Ильва дрожала с головы до ног.

— А ты бы вернулась? — Губы Катгрин разъехались в улыбке. — Ты бы вернулась, если бы на тебя вопило такое опасное дитя?

— Что смешного?

— Ничего. — Катгрин улыбнулась шире. — Совсем ничего смешного. Мы чуть было не погибли, но... Но ты...

— Я? Что — я?

Катгрин хмыкнула.

— Посмотрел бы кто, как ты сражаешься с медведем. Щенок против матерого зверя.

— Я не щенок!

— Ну да, ты волчонок, — усмехнулась Катгрин. — Вернее — волчица. Видела бы ты свое лицо! Сама решимость. Никогда не видела никого настолько свирепого. — Катгрин запрокинула голову и рассмеялась. — Может, у тебя и впрямь сердце воина. Если бы не ты, я бы, пожалуй, уже была мертва.

— Но почему это смешно?

Катгрин не стала отвечать. Она хохотала до тех пор, пока не прогнала страх и волнение. Хохотала так, что едва дышала. Но потом остановила себя, успокоила и посмотрела на Ильву. Та глядела на нее, ничего не понимая.

— Хохотушкой тебя не назовешь. Ты слишком серьезная.

— Моя мама всегда так говорила.

— Ага, именно так. — Катгрин утерла лицо рукавом. — Она, пожалуй, была права. Но пусть ты не смешлива, зато храбрости тебе не занимать. А твой боевой клич был совсем неплох. Твоя мать гордилась бы тобой. И Гери бы гордился.

— Я его ударила. — Ильва посмотрела на залитые кровью руки. — Правда же?

— Правда. И не раз. Может быть, о тебе так напишут сагу. Ильва Бесстрашная — дитя, сразившееся с медведем и победившее его. Может быть, это ты — ульфхеднар. Не удивлюсь, если окажется, что в твоих жилах течет волчья кровь.

23

МИЛОСЕРДИЕ

По всей поляне пестрели отпечатки лап. Кое-где были видны черные пятна, которые при дневном свете были бы красными. Но продолжал падать свежий снег, и его серебряные хлопья накрывали красивым полотном жестокие свидетельства ужас-

ной битвы. Очень скоро все следы того, что здесь произошло, скроются и исчезнут.

Катгрин вышла на поляну и остановилась. Издалека ее можно было принять за медведицу. Она стояла неподвижно и осматривала лес вокруг поляны. Ее плечи опускались и поднимались — каждый вдох и выдох давались ей с трудом. На лбу у нее выступила испарина, под налитыми кровью глазами набрякли мешки. На ее меховой плащ ложились снежинки.

Ильва стояла рядом с ней. Она обшаривала взглядом поляну, вдыхала запахи земли и древесной коры, к которым прилеживалось что-то еще — дикое и темное. Взгляд Ильвы остановился на волке, неподвижно лежавшем под деревом. Ильва была уверена, что тот погиб. Но, словно бы нарочно, чтобы показать, что она неправа, волк вдруг пошевелился, приподнял голову и попытался посмотреть в сторону людей. Это оказалась болезненно. Волк жалобно взвизгнул и повалился на снег.

— Он сильный, — прошептала Катгрин.

Несколько мгновений они с Ильвой не трогались с места. Смотрели то на волка, то на лес вокруг поляны — ждали, не вернется ли медведь.

— Это один из них? — спросила Ильва. — Это ульфхеднар?

— Человек в обличье волка? Нет, конечно же, нет. Волки — это волки, а люди — это люди. В мерзавцах с волчьим оскалом на шарфах нет ничего магического. Вспомни, что с ними сделали стрелы Брона — ты же своими глазами это видела.

— Значит, это просто волк?

— Да.

— Тогда жестоко бросать его вот так.

Катгрин коротко кивнула. Они поняли друг друга. Для этого волка они могли сделать только одно.

Ильва вытащила из-за пояса нож с костяной рукояткой, который взяла в хижине торговца, и пошла по поляне. Катгрин последовала за ней, но, когда Ильва присела на корточки рядом с израненным зверем, Катгрин осталась стоять.

Ильва была почти зачарована красотой и мощью дикого зверя, лежавшего перед ней на заснеженной поляне. Волк оказался крупнее, чем ожидала Ильва. Он был намного больше Гери. Его испачканная кровью шкура потускнела. В каждом его хриплом выдохе ощущалась затхлость. Волк был худой, его бока от давнего голода стали впалыми, и все же в его облике было нечто могучее. Дикость и сила.

Не соображая, что делает, Ильва провела рукой по телу волка. Именно так она поступила, когда нашла в лесной лавке безжизненного Гери, лежавшего на полу. Шерсть у волка была жесткая и грязная. А когда Ильва отняла руку, на ней осталась кровь. Ильва вытерла руку о штаны и поднесла к голове волка. Она немного растерялась, но все же прижала ладонь к мягкой шерсти между ушей зверя.

— Мне так жаль... Прости меня.

Ильва сдержала слезы и, стараясь не думать о Гери, перерезала ножом горло волка. Всего лишь быстрый небольшой порез — но его хватило, чтобы завершить то, что сделал медведь. Ильва опустила на колени рядом с волком. Она гладила его голову, пока из тела зверя уходила жизнь.

Когда все было кончено, Ильвы вытерла о снег лезвие ножа, стерла кровь со штанов. И еще раз провела рукой по шерсти волка.

— Ты правильно сделала, — сказала Катгрин.

Ильва посмотрела на нее. Было видно, что Катгрин очень плохо. Могучая женщина, прошлой ночью переступившая порог хижины торговца, превратилась в собственную тень. Бледная кожа, усталые глаза.

— Рука болит? — спросила Ильва.

— Да.

— Тебе надо отдохнуть.

— Отдохну, когда помру.

Катгрин вымученно улыбнулась.

— Это может случиться раньше, чем ты думаешь. — Ильва посмотрела на волка и перевела взгляд на Катгрин. — Тебе надо отдохнуть, пока ты жива.

— Угу. Ну ладно. Отдохну, когда мы доберемся до пещер. — Катгрин утерла пот со лба и снова осмотрела лес вокруг поляны. — Глянь. — И она указала на маленькую темную кочку на снегу всего в нескольких шагах.

Ильва обошла мертвое тело волка и подошла ближе. И тут она поняла, почему волк сражался с медведем.

— Это была волчица, — сказала она. — Мать.

— Она защищала своих щенков, — кивнула Катгрин. — Не стоит удивляться тому, что она дралась так свирепо. Но она была одна. Без стаи ни одному волку не устоять против медведя. Даже волчице, бьющейся за свой выводок.

Волчица устроила логово под корнями густых зарослей орешника. Это было спрятанное от чужих глаз укрытие, чтобы там она могла согреть и защитить своих волчат. Но этого оказалось недостаточно. Слишком много опасностей таил в себе лес, и вот теперь тела трех волчат валялись на снегу около входа в логово.

— Если бы мы не прогнали медведя, он бы их сожрал? — прошептала Ильва.

— Зима нынче суровая, и с каждым днем морозы крепчают. Все голодны, дитя, включая нас с тобой и тех, кто за нами гонится. — Катгрин посмотрела на небо. — Свежий снег скроет наши следы. Похоже, кто-то там, наверху, заботится о нас.

— Не думаю, чтобы боги помогали мне, — возразила Ильва. — Скорее, наоборот: они меня наказывают.

— Что ж... — Катгрин вздохнула. — Думаю, медведь ушел. А нам пора двигаться.

С этими словами она побрела туда, где они оставили коня. Ильва была готова пойти следом за Катгрин, но вдруг заметила, как под деревьями что-то шевельнулось. Первой ее мыслью было: это вернулся медведь, однако она пригляделась внимательнее и увидела на белом снегу что-то маленькое и темное. И Ильва поняла, кто это, — один из волчат остался в живых.

— Пойдем! — Катгрин поманила Ильву рукой, призывая идти вместе с ней к коню.

Волчонок мастью отличался от матери — он был черным с маленьким белым пятнышком на груди. Шерсть у него оказалась пушистая, младенческая. Ильва поняла, что ему пять-шесть недель от роду, но вел себя волчонок не так, как Гери, когда был в таком возрасте. Он был опасливее и крепче держался на ногах.

— Я тебя не обижу, — прошептала Ильва, приближаясь к волчонку.

— Что там? Что ты делаешь? — окликнула ее Катгрин. — Нам надо идти!

Ильва не стала ее слушать. Она села на снег, протянула руку к волчонку, чтобы он обнюхал ее пальцы, но волчонок отскочил, обжегся вокруг Ильвы и помчался напрямиком к мертвой матери.

Ильва пошла за ним. Она наклонилась к волчонку, прижавшемуся к животу погибшей волчицы. Волчонок потыкал мать носом, сел прямо и чуточку приоткрыл пасть, высунув розовый язычок. Ильву так зачаровали его движения, что она стала думать, как поступить с волчонком. Она не заметила, как сзади подошла Катгрин. Ильва опомнилась тогда, когда Катгрин села на корточки и схватила волчонка за шею. А потом она с силой прижала малыша к земле, что-то проворчала и придавила волчонка коленом. Ее левая рука потянулась к притороченному к поясу ножу.

— Нет!

Катгрин прижала лезвие ножа к горлу волчонка и скосила глаза на Ильву.

— Это милосердие. Он здесь один не выживет.

— Нет. — Ильва схватила Катгрин за запястье, хотя ей жутко неприятно было прикасаться к коже своей спутницы. — Пожалуйста.

Волчонок был маленький, беспомощный и одинокий. Его мать умерла, но он был дикий и свирепый, он был наделен волей к жизни. Он мог вырасти особенным. Глядя на волчонка, Ильва видела в нем Гери. И себя.

— Он никогда не заменит тебе Гери, — сказала Катгрин. — Это дикий зверь, а не собака. Ты не сможешь его держать при себе.

— Ты ошибаешься.

— Как же ты собираешься убить Трехпалого, — спросила Катгрин, — если ты даже волчонка из милосердия прикончить не решаешься?

— Это другое. — Ильва вывернула руку Катгрин, пытаясь заставить ее убрать нож. — Я сумею выкормить его. Смогу заботиться о нем, как заботилась о Гери, когда он был щенком.

— Как о нем заботиться? Это дикий зверь!

Катгрин и Ильва начали бороться из-за ножа, а волчонок визжал под коленом Катгрин. Ильва поняла, что ей не хватает сил отнять у Катгрин нож, и тогда она сделала первое, что ей пришло в голову: воспользовалась неудобной позой Катгрин и тем, что у нее болит сломанная рука. Она довольно сильно толкнула Катгрин плечом. Та потеряла равновесие и неуклюже повалилась на правый бок в снег. Она застонала от боли — весь ее вес лег на поврежденную руку. Волчонок освободился и снова подполз к мертвой матери. Он прижался к ее животу в поисках тепла, но тепла почти совсем не осталось. Ильва вскочила на ноги и посмотрела на Катгрин, лежавшую на боку.

— Я не дам тебе убить его.

Катгрин зажмурилась и шумно, медленно выдохнула. А когда попыталась сделать вдох, ее лицо исказилось гримасой боли.

— Кажется... Мне нужна помощь.

Что-то в ее голосе и тоне было такое, от чего у Ильвы похолодело сердце.

— Что с тобой? — Она сделала шаг назад и схватила себя за волосы. — Что? Рука?

— Нет, — сказала Катгрин. — Хуже. — Она перекатилась по снегу влево и прижала левую руку к боку. — Быть беде.

Нож Катгрин не валялся на снегу рядом с ней. Он проткнул меховой плащ и по самую рукоятку вонзился в ее тело.

МОРЕ КРОВИ

До боли дергая себя за волосы, Ильва смотрела на нож, торчащий из тела Катгрин чуть выше правого бедра.

— Ты могла просто дать мне спасти волчонка, — сказала она. — Смотри, что ты наделала!

— Угу, — простонала Катгрин. — А ты могла просто сделать так, как я тебе сказала.

— Хочешь сказать — это я виновата? — Мысли Ильвы бешено металась в голове. — Не я виновата. Не я. — Она отвернулась от Катгрин. — Могла бы дать мне спасти волчонка, и тогда мы бы пошли к коню, а потом нашли бы Сетун и... — Она сжала левую руку в кулак и стукнула себя по виску. — Не я виновата!

— Угу, — тихо простонала Катгрин. — Никто не виноват.

Ильва глубоко вдохнула и повернулась к Катгрин.

— Правда?

— Правда. Но мне надо, чтобы ты мне помогла. Сможешь?

— Да. — Ильва кивнула. — Да, я помогу тебе. — Она подошла ближе и встала на колени рядом с Катгрин. — Что я могу сделать? — Она протянула к ножу обе руки, но не решилась прикоснуться к рукоятке. — Пока я не могу его выдернуть. Мы должны подготовиться.

— Верно... — Катгрин тяжело дышала. — Если ты его выдернешь, будет... — она поморщилась, — море крови. Если тут есть еще волки, они запах крови учуют издалека. А медведь немного дальше чувствует. Мне сильно повезет, если я не потеряю всю кровь и не умру, пока кто-то из них не доберется сюда.

Ильва огляделась по сторонам.

— Так что же нам делать?

— Приведи коня.

— Коня, да. — Ильва вскочила на ноги и быстро побежала к коню. Отвязав его, она повела его к поляне. Там она привяза-

ла поводья к ближайшей толстой ветке и поспешно вернулась к Катгрин.

— Теперь помоги мне сесть. — Катгрин левой рукой ухватилась за правую руку Ильвы и крепко ее сжала. — Только быстро.

Катгрин так сильно тянула Ильву к себе, что той пришлось изо всех сил упереться ногами в снег. Катгрин, зажмурившись, поднатужилась и села. Тяжело дыша, она держалась за руку Ильвы, чтобы снова не упасть.

Вскоре Катгрин открыла глаза и кивнула Ильве.

— Хорошо, — сказала она. — Хорошо. Теперь мне надо на ноги встать. Ты готова?

— Не очень.

Ильва покачала головой. Катгрин с трудом улыбнулась.

— Я тоже, — сказала она. — Но придется. Давай.

Она снова ухватилась за руку Ильвы, а та изо всех сил уперлась в землю ногами. Катгрин постаралась принять такую позу, при которой смогла бы распрямить ноги и встать.

Наконец это у нее получилось.левой рукой Катгрин обвила плечи Ильвы и, опустив голову, постаралась отдышаться.

— Прямо под доспех угодил, — выговорила она. — Рядом с ребром. Пока что болит не очень сильно, но боль еще придет. Потом.

Ильва промолчала.

— Хорошо. Усади меня на коня.

— С этим?

Ильва посмотрела на рукоятку ножа, лезвие которого пряталось под меховым плащом Катгрин.

— Пока — да.

Катгрин с помощью Ильвы, пошатываясь, добрела до коня. Ильва подставила ей плечо, и Катгрин с большим трудом села в седло.

— А теперь ступай и прикончи волчонка, — сказала Катгрин. — Это будет самое доброе, что ты можешь сделать для него.

— Что? Нет. Ни за что.

— Упрямое дитя, — выдохнула Катгрин. — Вижу: уж если ты что решила, тебя не отговорить.

— А нет смысла что-то решать, если можешь передумать.

— Если только нет веской причины.

— Вот и мама так говорила.

— Она мне все больше и больше нравится.

Ильва порывисто зашагала туда, где лежал волчонок. Он до сих пор прижимался к боку мертвой матери. Ильва взяла его обеими руками, сунула под меховой плащ и вернулась к коню.

Когда она уселась позади Катгрин, та ничего не сказала. Только тронула коня с места. Поляна осталась позади.

25

ОБЕЩАНИЕ

Катгрин сидела в седле прямо и ровно. Ее дыхание было тяжелым и время от времени прерывалось стонами боли — когда конь спотыкался. Ильва сидела позади и старалась не задевать спутницу, боясь, что может сделать ее боль невыносимой. Довольно часто она заговаривала с Катгрин — в основном ради того, чтобы убедиться, что ее спутница жива и в сознании.

Под плащом у Ильвы спал волчонок.

Через пару часов после того как они ушли от мертвой волчицы, постепенно исчезающей под свежим снегом, Катгрин и Ильва поравнялись с уступом, поднимавшимся вверх по горному склону. Уступ был узкий — его хватало ровно для коня, не больше. Один неверный шаг — и они покатались бы вниз с крутого склона. И все же им удалось держаться на опасной тропе, и через какое-то время они уже ехали высоко — выше верхушек деревьев. Отсюда открывался вид на лес. Только теперь Ильва

смогла увидеть, как он огромен. Она здесь была почти ничем, ее можно было сравнить с упавшим с дерева листом.

Тропа шла на подъем, и вскоре стали видны едва заметные на фоне черных скал большие отверстия.

— Баргестские пещеры, — сказала Катгрин и направила коня ко входу в ближайшую пещеру.

Покрытые мхом стены пещеры укрыли странниц от пронизывающего ветра и мороза. На неровной земле возле входа в пещеру лежал очень тонкий слой снега. Ильва настолько привыкла к свисту ветра, что внезапная тишина пещеры показалась ей чем-то твердым, осязаемым.

Она помогла Катгрин спуститься с коня, устроила ее на одном из овчинных одеял и укрыла мехом. Катгрин сильно дрожала, но Ильва не могла понять, от чего — от холода или ножевой раны. Она была жива, она продержалась, но явно слабела с каждым мгновением.

— Костер, — еле слышно пробормотала Ильва. — Мне надо тебя согреть.

Она вытащила волчонка из-под плаща и усадила его на землю. Потом принесла снятые с коня мешки. Волчонок обнюхивал все вокруг, но держался рядом с Ильвой.

«Может быть, тебе стоит забыть о Трехпалом».

— Что? Нет.

Ильва посмотрела туда, где в сумраке, в глубине пещеры, сидел Гери. Она не звала его, не просила о помощи — он сам пришел.

«Но ты погляди, что уже случилось».

— Я не собираюсь сдаваться, — сказала Ильва. — Я воительница, я никогда не сдаюсь.

«Ты не будешь сдаваться. Ты отступишь. Даже Дева щита у викингов не вступает в бой, если знает, что не сможет победить».

— Я не сдамся. Я поклялась матери и... — Ильва отвернулась от Гери. — И тебе. — Она больно прикусила щеку изнутри и принялась собирать небольшие камни, разбросанные у входа

в пещеру. При этом она негромко бормотала: — Он отнял кое-что, что я хочу вернуть.

Нет, никто не отговорит ее отказаться от мести Трехпалому. Она поможет Каттрин, а потом разыщет его.

— Кто-нибудь из Сетуна поможет мне.

Ильва принесла камни внутрь пещеры и стала складывать из них невысокую изогнутую стенку неподалеку от лежавшей на одеяле Каттрин.

«А может, никто тебе не поможет».

— Тогда я сделаю это сама.

Волчонок всюду ходил следом за Ильвой. Только когда попадался ей под ноги, стремглав бежал прочь.

«Ты не воительница».

— Молчи. — Ильва прогнала прочь сомнения. — Я сразилась с медведем и победила.

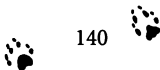
«Медведь просто устал после драки с волком. А люди — не медведи. Они опаснее. А еще опаснее они, когда они — ульфхенднары».

— Убирайся из моей головы. — Ильва сжала в руке прядь волос. — Сейчас ты мне не нужен.

Она не стала слушать голос Гери и продолжала строить стенку. А когда закончила, взяла кусок тонкой веревки и обвязала вокруг шеи волчонка. Получилось что-то вроде поводка. Другой конец веревки Ильва придавила тяжелым камнем.

— Сиди здесь, — строго сказала Ильва волчонку, а сама вышла из пещеры и спустилась с уступа к деревьям. Она набрала хвороста в подлеске, стараясь брать его там, где было поменьше снега.

Вернувшись в пещеру, Ильва взяла горшочек с тлеющим трuтом, от которого зажгла маленькую горку растопки, сложенную за каменной стенкой. Ильва осторожно подкладывала в костер сначала тонкие веточки, потом — потолще. Разводить огонь было рискованно, но Ильва знала: если пламя будет не слишком большим, то сложенная ей стенка защитит костер от ветра и скроет от тех, кто может идти вниз, по лесу.

Сырые ветки загорались не сразу, но как только костер разошелся, тут же стало лучше. Ильва удивилась, что такая простая вещь может поднять настроение. Она словно бы зажгла маленький маяк надежды в холодном мраке, и ей вдруг даже стало все равно — увидит ли кто-то этот огонь из леса. Ее судьба была решена — так что, если уж боги решили, что Трехпалый должен найти ее, она ничего не могла сделать, чтобы этому помешать.

Волчонок поначалу огня испугался, но вскоре подошел настолько, насколько позволял поводок. Лег спиной к костру, свернулся клубочком и стал смотреть на Ильву. А она начала снимать со стен пещеры куски мха. Когда набрала достаточно, села у костра и сунула лезвие своего ножа внутрь пламени. Пока нагревалось железо, Ильва отвязала от пояса торбочку и высыпала на плоский камень щепотку мелких черных семян белены. Совсем чуточку — немного больше, и белена превратилась бы в яд.

Потом Ильва взяла маленький округлый камень и растерла семена белены в порошок, а полученный порошок пересыпала в фляжку с водой Каттрин. Хорошенько встряхнув, Ильва угоорила Каттрин попить настой.

— Это убьет боль. Мама мне показывала, как это делать.

— Лишь бы это меня не убило. — Каттрин сделала глоток и оттолкнула флягу. — Пора выдернуть нож.

Ильва кивнула.

— У меня все готово. — Она взялась за рукоятку ножа обеими руками. — Хочешь взять что-нибудь в зубы?

— Просто выдерни его.

И Ильва выдернула нож из бока Каттрин.

Ей случилось видеть, как целители лечат раны. Она даже время от времени им помогала — но сама этого не делала ни разу. Нож выскользнул из тела Каттрин легче, чем ожидала Ильва. Почти так же легко, как из ножен. Ильва тут же распахнула меховой плащ Каттрин и растянула кожаную куртку. Куртка оказалась слишком коротка, она не смогла защитить Каттрин

от ножа. Обнажив рану в боку Катгрин, Ильва вынула из костра свой нож и прижала к ране раскаленное лезвие.

Катгрин ахнула. Ее глаза закрылись, голова запрокинулась. Похоже, она лишилась чувств от боли.

— Крови не так много, как я думала. — Ильва промокнула рану тряпичей, которую взяла из седельного мешка. — Наверное, она скопилась из-за того, что нож в ране торчал.

Убрав окровавленную тряпицу, Ильва взяла комок мха, прижала к ране Катгрин, накрыла чистой тканью и наложила повязку вокруг талии.

Когда с этим было покончено, Ильва уселась, скрестив ноги, возле Катгрин и потянула к себе дальний конец веревки, чтобы волчонок мог подойти к ней. Волчонок ее обнюхал и забрался на колени.

— Хорошо, — сказала Катгрин, и Ильва посмотрела на нее. — Считаю, ты меня уже два раза залатала.

— Меня мама этому научила.

Глядя маленькое теплое тельце волчонка, Ильва впервые за эти дни ощутила что-то похожее на спокойствие.

— И боль не такая сильная, как я ожидала. Думаю, целительница из тебя получше выйдет, чем убийца, — проговорила Катгрин.

— Мама много чего умела. Она в нашей деревне была знаменитой знахаркой.

— Ясное дело.

Ильва вернулась взглядом к волчонку и погладила его голову.

— Знаешь, это не дело — надевать ошейник на дикого зверя, — заметила Катгрин.

Ильва потрогала веревку на шее волчонка.

— Это лучше, чем убить его.

— Может быть. Пока что. Но тебе придется его отпустить. Никто не должен ходить с ошейником — ни человек, ни зверь. — Катгрин посмотрела Ильве прямо в глаза. — Ни дитя.

— Это ты о чем?

— Я знаю, какая ты, Ильва.

- Ничего ты обо мне не знаешь.
- Я знаю больше, чем ты думаешь. Хочешь стать убийцей, но ты не убийца. Ты ведь могла бросить меня там, на поляне. Могла просто оставить меня там умирать.
- А ты бы меня бросила?
- Нет.
- Почему?
- Потому что это было бы неправильно. Разве ты не поэтому помогла мне? Потому что так правильно?
- Ильва долго молчала и думала.
- Да, — сказала она. — Наверное, поэтому.

26

ЧУДОВИЩА ВО МРАКЕ

Пока Катгрин спала, Ильва пожевала копченого мяса.

За входом в пещеру на лес падал снег, и это заставило Ильву вспомнить истории, которые мать нашептывала ей дома, темными ночами. Ночами, когда Ильве было спокойно и тепло, и в очаге горел огонь. А еще она помнила те истории, которые рассказывали странники в большом доме, когда заходили в деревню.

Порой на свадебные пиры или на праздники солнцестояния приходили скальды — специально, чтобы поведать свои рассказы. В праздники совершались жертвоприношения. Жертвой мог стать один из любимых коней ярла Андерсена или кто-то из нелюбимых рабов. В эти дни Ильва помогала накрывать на стол к пиршеству, а подавали целиком зажаренных свиней и говяжьих бока, жареные овощи, жаркое, сладкие фрукты и орехи. А еще — бесчисленные кувшины крепкого эля. И все радостно

кричали и хохотали, слушая истории о богах, о сражениях с людоедами и чудовищами, или молча замирали, когда звучали рассказы о ведьмах и призраках, бродящих по зимним лесам. Ильве нравились все истории. Даже если было страшно, она понимала, что бояться нечего. Но больше других она любила историю о смерти Бьорна Иварсона.

Как-то раз под вечер в деревню пришел странник и попросил еды и эля в уплату за собранные им истории. По обыкновению, все собрались в большом доме, чтобы всю ночь слушать. И к утру Ильва все истории забыла — все, кроме одной. Самая последняя засела у нее в голове. История была так ужасна, что странник, похоже, сам боялся ее рассказывать и поэтому говорил шепотом.

Отряд викингов из деревни Гила отплыл в Северную Англию три лета назад в поисках славы и добычи. Много дней они провели в набегах и сжигали все деревни и монастыри, куда приходили. Повсюду они оставляли после себя кровавые следы. Монахи, крестьяне, женщины, дети — никого не щадили разбойники из Гилы. Покончив с набегом, викинги вернулись на свой корабль. Бог моря, Ньорд, оберегал их во время плаванья, чтобы они благополучно вернулись к своим семьям.

Но на этом корабле было трое алчных братьев. Все свое награбленное богатство они истратили еще до окончания первой зимы после возвращения из похода.

И когда у них ничего не осталось, они обратили свои взоры к соседу, Бьорну Иварсону, который свое добро закопал. Чтобы хватило надолго, Бьорн тратил сокровища понемногу — только тогда, когда надо было купить пропитание или меха для семейства. Если он возвращался с охоты с пустыми руками, то у него было серебро, чтобы купить дичь у более удачливых охотников. А если были нужны меха или новый топор, и на это у него серебра хватало.

Алчные братья так завидовали Бьорну, что стали следить за ним днем и ночью, чтобы найти то место, где он зарыл серебро. Но Бьорн был хитрым, как ворона. Он догадывался, что братья хотят его обворовать, и поэтому всеми силами старался об-

мануть братьев и не дать им узнать, где он прячет свое богатство. Много раз он заставлял трех братьев гоняться за ним по лесу. В конце концов братья так отчаялись и разозлились, что решили заставить Бьорна сказать им, где он прячет серебро.

Как-то раз, снежной ночью, они ворвались в дом Бьорна. Но Бьорн не был монахом-христианином, уклоняющимся от драки. Он был викингом. Когда он проснулся и увидел трех братьев, стоящих у его ложа, он не сдался на их милость. Он скатился с ложа, схватил меч и вступил в бой. Он сражался за свою жизнь, за свое добро, за жизнь жены и малых сыновей. Но устоять одному против троих было невозможно, и вскоре Бьорн и его семья были поставлены на колени.

— Где твое серебро? — потребовали ответа братья.

— Ни за что не узнаете, — выпалил Бьорн. — Но вот что я вам скажу даром: если убьете любого, кого видите в этой комнате, я никогда не упокоюсь. Никогда — до тех пор, пока боги не отомстят за меня.

— Это мы посмотрим.

Братья убили Бьорна одним жутким ударом боевого топора по голове. Потом они прикончили его жену и детей, чтобы никто не смог рассказать о том, что они содеяли. А потом закопали всю семью в землю за домом Бьорна.

О таинственном исчезновении Бьорна Иварсона и его семьи сразу заговорили в деревне. Его друзья не могли понять, что случилось, а братья вели себя так, словно они ни при чем. Но через две недели после того, как пропал Иварсон и его семья, одна старуха рассказала, будто бы, собирая грибы, увидела идущего по лесу неподалеку от деревни Бьорна. Вот только теперь он был не Бьорн Иварсон. Он стал драугром. Ходячим мертвецом. Старуха говорила, что его глаза пылали красным пламенем, а кожа стала черной. Он не оставлял следов, и от него исходил запах гнилого мяса. Старухе никто не поверил, но через две недели и один день после убийства один из трех братьев был найден мертвым в своем доме. Глаза у него были выпучены, а рот раскрыт в крике ужаса.

Два оставшихся брата запомнили рассказ старухи и под покровом ночи раскопали могилу Бьорна. Они нашли только тела его жены и детей.

Тела самого Бьорна в могиле не было.

Перепуганные братья в страхе смотрели на разрытую могилу, и тут из леса вышел Бьорн Иварсон и разорвал одного из них на куски голыми руками.

На следующее утро, когда жители деревни нашли третьего брата, оставшегося в живых, он стоял на коленях у разрытой могилы, залитый кровью и обезумевший. Произнести он мог только два слова: «Бьорн Иварсон». Но тела Бьорна так и не нашли, и люди из деревни Ги́ла поверили, что он так и бродит по лесу и охраняет зарытое серебро.

Бьорн Иварсон свершил возмездие.

Ильва бросила взгляд на выход из пещеры. Она знала, что там, в лесу, водятся чудовища. Может быть, не Бьорн Иварсон, но все равно — чудовища. И она знала, что они ее ищут. Но вот чего она не знала — так это того, что увидит она их очень скоро.

27

слезы фрейи

Ильва отмотала побольше веревки, чтобы волчонок мог побегать по пещере, но далеко он не отходил — то и дело возвращался к Ильве на колени, где ее меховой плащ и одеяла защищали его от холода. Когда он приходил, Ильва крепко прижимала его к себе, проводила рукой по гладкой шерстке и восхищалась ее чернотой. Мастью волчонок был темнее матери, а при свете костра Ильва заметила, что глаза у него разные. Один голубой, как лед, а другой золотой, как слезы Фрейи.

Ильву радовало тепло, исходящее от волчонка. Она расслабилась, и в конце концов усталость взяла свое. Глаза Ильвы закрылись, и она погрузилась в тревожный полусон.

Разбудил ее волчий вой.

Волчонка у нее на коленях не было. Костер почти совсем догорел, в пещеру заползал холод. В лесу снова завыл волк. Вой был долгим и пугающим. От этой тоскливой песни у Ильвы мурашки побежали по коже. Все ее существо объял первобытный страх.

На несколько мгновений у Ильвы остановилось сердце. Она гадала: не разыскали ли ее разбойники с волчьим оскалом на шарфах? Те самые, в теле которых жил волчий дух. Неужели они вправду выследили ее, как волки, по следам? Она вспомнила свою первую встречу с Трехпалым. Он нюхал воздух и знал, что в лесу кто-то прячется. Знал ли он и сейчас, что она здесь?

Ильва боялась пошевелиться, но все же опустила руку к боевому топорiku, засунутому за пояс. Ей казалось, что все ее тело превратилось в воду, но она должна была стать сильной. Ей нельзя было поддаваться панике. Она была Ильвой Бесстрашной.

Волчонок замер у выхода из пещеры. Его веревочный поводок туго натянулся. Он наострил уши и принюхивался. Неподалеку от волчонка стоял конь. Он натягивал поводья, топал копытами и в страхе таращил глаза.

Снег все еще шел. Казалось, он хочет спрятать под собой все девять миров.

К первому волку присоединился второй, два голоса слились в один, переплелись, словно струи дыма от жарящегося сала. Потом послышался вой третьего волка, потом — четвертого, и все соединились в хор. Волчонок испугался и затрусил туда, где сидела затаившая дыхание Ильва. Он прижался к ней. Ильва обняла его и ослабила поводок, чтобы волчонок мог забраться к ней под меховую плащ.

— Не бойся, — прошептала Ильва. — Не бойся.

Она прикоснулась пальцем к земле у себя под ногами и нарисовала тот же знак, который изобразил Брон на боку своей лошади.

Ильва понятия не имела, поможет ли ей этот оберег, но все же несколько раз обвела пальцем очертания знака, набираясь храбрости, чтобы пошевелиться. А когда встала, осторожно подошла к коню, чтобы его успокоить. Она стала гладить шею коня и говорить с ним. Вой не утихал.

— Это просто волки, — приговаривала Ильва. — Просто волки.

Ильва не отходила от коня до тех пор, пока вой не начал затихать, а потом вовсе прекратился. В лесу снова стало тихо.

28

ВОЛК-ВОИН

В костре остались только тлеющие угольки. Ильва боялась покинуть пещеру, хотя ни за что не призналась бы себе в этом. Но ночь мало-помалу сменилась предрассветными часами, костер погас окончательно, и у Ильвы не осталось выбора. Она закрепила камнем веревку, к которой был привязан волчонок,

взяла топорик и деревянное копьё, вышла из пещеры и осторожно спустилась по уступу до ближайших деревьев, чтобы набрать хвороста. Ветра не было. Лес притих. Сонно, медленно падал снег.

Чтобы не оставлять следов, Ильва пошла к густому кустарнику, где собрала охапку хорошего хвороста. Уложив ее у начала тропы, ведущей к пещерам, она вернулась в лес и ушла немного дальше, потому что первой охапки не хватило бы, чтобы продержатъ костер до начала дня.

Она не забыла про ночной волчий вой, поэтому двигалась медленно и почти бесшумно, но, отойдя подальше от пещеры и собрав еще немного хвороста, Ильва слышала какие-то звуки, и они ее встревожили.

Она бросила собранный хворост и поспешила спрятаться в густых зарослях кустов. Там она опустилась на колени, зажмурилась и слышала шуршание и тихую поступь лошадей, бредущих по снегу.

— Ни одного их следа после того как мы к реке подошли, — произнес чей-то голос. — Как в воду канули. Куда подевались?

— И снег такой, что ничего не поймешь. Все следы замывает.

— Тс-с-с. Потихе говори.

Ильва крепче сжала самодельное копьё и легла на живот — решила, что будет лучше, если ее накроет снегом.

— Мы не сдадимся, — прозвучал голос — приглушенный, но могучий, похожий на грохот колес телеги.

Ильва сразу его узнала.

— И пусть никто не думает, что мы из таких, кто сдается.

Она увидела Трехпалого. С ног до головы в волчьих шкурах — он был похож на страшный сон верхом на коне; волковоин, направляющийся в мир мертвых. Деревья казались темными скелетами на фоне ослепительно-белого снега, и громадная фигура всадника двигалась по лесу, словно злой дух. Голова коня была защищена толстой кожаной броней. Из-под верхней губы по обе стороны торчали острые клыки, с каждым выдохом из пасти коня вылетали густые облака пара.

Следом за Трехпалым из леса выехало еще четверо всадников. Они ехали цепочкой, друг за другом. От них до того места, где спряталась Ильва, было не больше двадцати ступеней.

— Мы уже по своим следам идем, — прозвучал женский голос.

Это была та самая женщина, которая украла подвеску матери Ильвы.

— Они где-то здесь, — снова заговорил Трехпалый.

Для Ильвы это словно говорил злой дух. Могучий, ровный голос — и приглушенный, звучащий тише, чем мог бы.

— После реки мы ничего не заметили. Наверное, не там ищем.

— Нет. Они здесь.

Трехпалый немного придержал своего жеребца и стал поворачивать голову влево и вправо.

Ильва затаила дыхание. Она боялась, что Трехпалый ее учует. Она крепко сжимала копьё и ощущала злость такой силы, что ей хотелось вскочить, выбежать из предрассветного сумрака и выкрикнуть боевой клич, с которым она шла на схватку с медведем. С тем зверем она сразилась, почему бы не побиться с этим? Она могла бы броситься на Трехпалого с копьём и вогнуть закаленный в огне наконечник в его грудь. Стрелы Брона прикончили этих воинов, а чем хуже было копьё?

— Мы разделимся, — проговорил Трехпалый и повернулся в ту сторону, где пряталась Ильва.

Она теперь хорошо видела это чудовище.

— Мы их найдем.

На голове у Трехпалого был шлем из толстой кожи, с наносником и дырками в форме волчьих глаз. Нижнюю часть его лица закрывало кожаное забрало, и на нем был изображен волчий оскал.

Час пробил.

Покончи с этим. Убей его.

Но Ильва не пошевелилась. Она не могла сделать это в одиночку. Она могла только смотреть на то, как Трехпалый проезжает мимо нее, между деревьями, и исчезает в сумерках.

гери и фреки

— Я его видела, — прошептала Ильва, вернувшись к Катгрин. — Пошла за хворостом и увидела Трехпалого. Он был совсем рядом в лесу. Он и еще четверо с ним. Он все еще нас разыскивает. — Ильва принялась тушить толстой палкой последние тлеющие угольки. — Думаю, лучше пока огонь не разводить. Вдруг они вернутся.

Катгрин открыла глаза и посмотрела на Ильву.

— У меня с собой копье было. Он стоял так близко... Я могла бы его убить. Если бы только я... Эх! — Ильва в сердцах отшвырнула палку. — Я подвела маму. Я должна была сразу отомстить за нее.

— Пятеро воинов, — проговорила Катгрин. — Если бы ты напала на одного, тебя бы сразу убили.

— Но я могла бы прикончить *его*! А если бы погибла — это было бы не важно. На себя мне плевать.

Она села, подтянула к себе поводок и усадила волчонка на колени.

— Не верю я тебе. Я верю, что ты хочешь выжить и умеешь выживать, дитя. Поэтому ты все еще здесь. — Катгрин поежилась. — Ты не стала на него нападать, потому что тогда ты не выжила бы, а ведь это не годится, правда? Чтобы он жил, а ты умерла?

Ильва уставилась на пепел костра.

— Это было бы неправильно.

— Вот именно. Но может быть, тут дело совсем в другом, Ильва Бесстрашная. Ты гасишь костер, значит, боишься, что он вернется.

— Боюсь? Не боюсь, я...

— Встревожена. Понимаю. — Катгрин запрокинула голову и посмотрела на потолок пещеры. — Ты волков слышала?

— Да.

Ильва вытащила из мешка полоску сушеного мяса и протянула Катгрин.

Катгрин глянула на мясо и покачала головой. Ильве тоже ничего в рот не лезло, но она знала, что поесть необходимо. Она откусила кусочек и заставила себя жевать.

— И ты поняла, что это не Трехпалый воет, правда? — спросила Катгрин. — Что он не может превратиться в волка, что он не одержим волчьим духом?

Ильва сглотнула подступивший к горлу ком.

— Но если Трехпалый — ульфхеднар, то, может быть, волки ему помогают.

— Дитя, я много где побывала и много что повидала, но ничто не убедило меня в том, что магия существует. И даже если ульфхеднары вправду есть, то эти разбойники с волчьим оскалом на шарфах и доспехах — не они. Я тебе уже говорила: они обычные люди, и стрелы Брона их легко прикончили. Вспоминай об этом, как только у тебя появятся сомнения.

— Это точно? Поклянись.

— Клянусь.

Ильва посмотрела в сторону выхода из пещеры, вгляделась в сумрак леса.

— А далеко ли до Сетуна?

— Несколько часов верхом.

Катгрин закрыла глаза.

— Тогда нам надо ехать, как только рассветет.

Ильва оторвала зубами кусочек мяса и протянула волчонку. Тот понюхал мясо, вырвал кусочек из пальцев Ильвы и проглотил.

— Ты голодный, — сказала Ильва, дала волчонку еще кусочек, а когда он его съел, Ильва прижала руку к мягкой шерстке между его ушами.

Волчонок ждал, что ему дадут еще еды, но этого не случилось. Тогда он сунул мордочку под мышку Ильве. Ильва подняла его и прижалась щекой к его голове. От волчонка пахло не точно так же, как от Гери, и все же этот запах принес шквал воспоминаний.

— Как думаешь, она поправится? — прошептала Ильва на ухо волчонку.

— Я раненая, но не глухая.

Катгрин приоткрыла глаза. Улыбка тронула ее губы, и вдруг она рассмеялась — негромким гортанным смехом.

— Что смешного? — спросила Ильва.

— По всему Мидгарду за мной гналась орда разбойников, а я напоролась на собственный нож!

— Это не смешно.

— Если бы я не смеялась, дитя, я бы заплакала. А знаешь, что еще смешно? Ты и этот волчонок. Думаю, вы как раз заслуживаете друг друга.

— Что это значит?

— Это значит, что на вас обоих смотреть жалко. Дикие, одинокие, но так стараетесь выглядеть свирепыми.

— Я не одинока. Ты со мной. И у меня есть этот волчонок. — Ильва усадила волчонка на колени и удержала, хотя он пытался вырваться. — Я назову его Фреки, — объявила она. — У Одина — два волка, Гери и Фреки.

— Знаю. Я понимаю, почему ты хочешь оставить его. Но твой пес не был волком, а этот щенок — не его брат. Это дикий зверь, и он никогда не станет твоим. Он не заменит Гери.

— Нет. — Ильва отпустила Фреки, и он отбежал настолько, насколько позволял поводок. — Никто и ничто не заменит Гери.

— И не стоит держать его на привязи, как раба.

— Он не раб, — сказала Ильва. — Он мой друг.

— Возможно, ты должна позволить ему решить, так это или нет.

30

НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ НАЗАД

Катгрин проспала почти весь день. Лихорадка медленно овладевала ей. Она что-то бормотала в тревожном сне, а ее тело сотрясало от дрожи — казалось, ее терзает злой дух Мара.

Время от времени Ильва подходила к выходу из пещеры и осматривала лес, зная, что Трехпалый где-то там. Снова разводить костер было рискованно, но чем дольше Ильва ждала, тем сильнее было нужно тепло ей самой, а особенно Катгрин. Ильва откладывала это, сколько могла, надеясь, что Катгрин станет лучше и они смогут поехать в Сетун, но состояние ее спутницы лишь ухудшалось. Больше опасаясь за здоровье Катгрин, чем за то, что может прятаться среди деревьев, Ильва наконец отважилась выйти из пещеры и набрала столько хвороста, чтобы его хватило на несколько дней. Она не заметила ни следов, ни каких бы то ни было знаков того, что Трехпалый побывал поблизости.

Когда костер вновь разгорелся, Ильва постаралась поддерживать не слишком высокое пламя. Дым от костра растекался под потолком пещеры и растворялся в воздухе, не успевая вылететь наружу. День был пасмурный, так что дым, так или иначе, не был бы замечен.

Когда в пещере стало теплее, Ильва подошла к Катгрин, чтобы посмотреть, дышит ли та. Она подняла одеяло, которым была укрыта женщина, и закатала вверх край рубахи. Сняв повязку и осмотрев рану, Ильва увидела, что кровотечение прекратилось, но кожа вокруг раны припухла и сильно покраснела. Это Ильве не понравилось.

— Это плохо, — проговорила Ильва.

Волчонок Фреки, услышав ее голос, наострил уши.

— Да, — кивнула Ильва. — Дело очень плохо.

Фреки понюхал воздух и положил морду на передние лапы. Он наблюдал за Ильвой, шевеля бровями.

— Ильва... — Катгрин неожиданно взяла Ильву за руку. — Ничего... — Она умолкла и отдышалась. — Ничего ты уже для меня сделать не сможешь. Отправляйся в Сетун и разыщи там Брона. Он отведет тебя куда-нибудь в безопасное место..

— Без тебя?

— Мне не становится лучше, Ильва. Я умираю. Я это чувствую.

— Нет. — Ильва покачала головой и отстранилась. — Я тебя не брошу.

— Никакого смысла сидеть здесь и смотреть, как я умираю. — Катгрин снова закрыла глаза. Потом она так долго лежала молча, что Ильва подумала, что она заснула. — Езжай в Сетун. Найди Брона. Он тебя защитит.

— Я не могу ехать туда одна. Данка в деревне саксов? Да они меня...

— Я тебе говорила: никто в Сетуне тебе зла не причинит. Там ты будешь в безопасности.

— Тогда поедем вместе. Эту ночь ты подольше поспишь, и утром выедем.

— Ты меня не слушаешь.

— Ты мне помогла, и я тебе помогу.

— Я никогда не поеду. Я ходить не могу и верхом ехать не сумею.

— Я сделаю сани, и конь повезет тебя.

Катгрин попыталась улыбнуться.

— Ну вот опять... Ты отказываешься передумать.

— Значит, я упорная.

— Нет, ты упрямая. Как баран. Твоя мама тебе так не говорила?

— Говорила.

— Я сделаю сани, — заявила Ильва таким тоном, словно это было ее последнее слово.

— Все не всегда так, как кажется, Ильва. И не всегда все обобщается так, как хочется нам. От того, что ты чего-то хочешь, даже очень сильно хочешь, это не произойдет, поэтому больше не трать время здесь. Езжай в Сетун. Найди Брона. Расскажи ему про себя. — Катгрин протянула руку и прикоснулась к шарфу Ильвы. — В этом мире много зла, дитя, но крепче тебя я человека не встречала. Ты выживешь. Я это точно знаю.

Ильва не спускала глаз с Катгрин.

— Возьми коня. Поезжай на север. — Рука Катгрин упала. — Сетун — в первой же долине, которая встретится на твоём пути.

Сразу увидишь. Брон будет ждать тебя. Не оглядывайся назад, Волчица. Не оглядывайся назад.

Это были последние слова Катгрин.

31

НОЧНОЙ УЖАС

Ильва направилась на север, как ей сказала Катгрин, но не сразу. Она не бросила Катгрин умирать в одиночку.

Весь день — пасмурный и холодный — Ильва подбрасывала хворост в костер. Сучья и ветки трещали и подпрыгивали в языках пламени. Ильва очень старалась, чтобы Катгрин было тепло и удобно. В какой-то момент, отважившись, Ильва вывела коня в лес, чтобы он мог попастьись, но увы, ничего не нашлось — ни травы, ни свежих листьев.

А когда стемнело, снова зазвучал волчий вой.

Ильва вспомнила, что говорила Катгрин: *«Они просто обычные люди, и стрелы Брона их легко прикончили»*. Катгрин не убеждала ее в том, что ульфхеднаров не существует, но Ильва начала верить, что разбойники с волчьим оскалом на шарфах не одержимы волчьими духами. Она стала мысленно твердить себе, что хотя тот мерзавец, что убил ее мать, одевался в волчьи шкуры и носил шлем с рисунком в виде волчьего оскала, все равно он оставался обычным человеком. Он мог спать, есть, разыскивать ее, но выл в лесу точно не он.

Стреноженный конь беспокойно топал копытами у выхода из пещеры, и Ильва подошла к нему. Конь положил голову ей на плечо, а она обняла его за шею.

— Знаю, — сказала Ильва. — Ты боишься. Тебе холодно, ты устал и голоден. Просто продержись еще немного. Когда мы

окажемся в Сетуне, я дам тебе весь корм, какой только найду. Только будь сильным, продержись.

Конь фыркнул и заржал, отпрянул от Ильвы и стал переступать с ноги на ногу, наострив уши.

Заволновался и Фреки. Он вздрагивал от каждого волчьего воя в лесу, но к выходу из пещеры подходить не смел.

— Спокойно, — уговаривала Ильва коня, проводя ладонью по его мускулистой шее. — Спокойно.

Она смотрела вдаль, в темноту, на обнаженные сучья ольхи и берез, похожие на когти. Темные духи двигались по ослепительной белизне снега. Слишком маленькие и гибкие, чтобы их можно было принять за всадников на конях, эти фигурки скользили среди деревьев, словно размытые силуэты рыбок под водой. То появляясь, то исчезая, они подбирались все ближе к скалам, и там замирали в ожидании, будто голодные тени.

Волки.

Ильва завела коня поглубже в пещеру, чтобы попытаться успокоить его, но когда вой послышался вновь, он был громким и близким, и конь в ужасе заржал еще громче. Он завертелся на месте. Ильва изо всех сил вцепилась в поводья, но конь был слишком силен. Он встал на дыбы, сбил Ильву с ног и потащил по камням, направляясь к крутому склону у входа в пещеру. Если бы Ильва не отпустила поводья, конь уволок бы ее к гибели. У нее не оставалось выбора, и она отпустила коня.

Разжав пальцы, она беспомощно провожала коня взглядом. Вот-вот он должен был упасть в пропасть... но в последнее мгновение неожиданно отступил. Похоже, увидел обрыв. Копыта коня заскользили по камням вправо, по уступу, в ту сторону, где лежал снег. Ильва вскочила и бросилась было за конем, но остановилась, когда увидела на середине уступа волков. Не людей, не волков-воинов, а просто волков.

Их было трое.

В то время, когда кружившие под откосом звери отвлекли Ильву, другие уже подбирались к пещере. Они бы набросились на Ильву, но вынуждены были удивленно отступить, потому

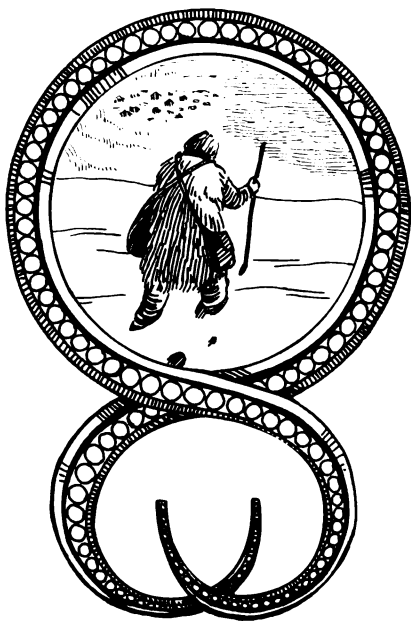

что прямо на них мчался сорвавшийся с места конь. Он налетел на первого волка и сбил его с уступа. Тот полетел вниз с визгливым воем. Два волка отпрыгнули в сторону и прижались к земле, но как только конь промчался мимо них, они тут же ринулись за ним в погоню.

Ильва поспешила в пещеру и схватила копье, но когда выбежала наружу, волки и конь исчезли в ночном мраке, и наступила тишина.

одна

НИКТО

Катгрин умерла перед рассветом.

Ильва вложила ей в руки оружие и похоронила под грудой камней, собранных в пещере.

— Я попрошу валькирий унести тебя, — говорила она, поднимая и поднося камни. — И желаю тебе попить с Фрейей в Сейсрумнире.

Потом она немного посидела у костра с волчонком, свернувшимся калачиком у нее на коленях.

— Я солгала, — прошептала Ильва, глядя на погребальную грудку камней. — Моя мать не была знаменитой целительницей. Мой отец не был отважным воином. Я никто. Я даже не знаю имени моего отца.

Сердце Ильвы сжалось от жуткой тоски, но она вонзила ногти в ладони и прикусила губу.

— Нет, — сказала она себе. — Не время плакать.

Когда взошло солнце, Ильва забросила на плечи кожаные седельные мешки, сунула Фреки под меховой плащ, взяла копье и в последний раз посмотрела на грудку черных камней посередине пещеры.

— Прощай, — сказала она и вышла.

Катгрин сказала, что надо идти на север до первой долины. Там она найдет Сетун.

Пешком Ильва шла небыстро. По подлеску в густом лесу продвигаться было легче — здесь было меньше снега, а на полянах по толстому снегу ступать оказалось очень тяжело. В таких местах Ильва шла совсем медленно и перед каждым шагом втыкала в снег копые.

Она не думала о матери. Она не думала ни о Гери, ни о Катгрин. Ей не хотелось ни на что отвлекаться, поэтому она не думала ни о чем. Просто шагала вперед, на север. Только на север.

Мороз был сильный, но не было ветра, с которым надо было сражаться. Ильва радовалась ясному утру и солнцу. Без солнца она бы не отличила север от юга.

После полудня Ильве начало казаться, что она никогда не выйдет из этого леса. Она уже стала было терять надежду, как вдруг уловила знакомый запах, принесенный легким ветерком. Наконец выйдя из-под деревьев, Ильва остановилась на каменистом плоскогорье, откуда открывался вид на долину, про которую ей рассказала Катгрин. Далеко внизу лежало совершенно белое дно долины. Казалось, облака упали с неба, а зимние ветры превратили их поверхность словно в рябь на воде. В дальнем краю долины лес взбирался на едва различимые холмы, а справа сверкающее море набегало на песчаный берег. Ильва глубоко вдохнула солоноватый морской воздух. Он напомнил ей о доме.

Но к радостным воспоминаниям о деревне викингов на берегу моря примешались другие, страшные. Трудно было смотреть на побережье Англии и не вспомнить сгоревший корабль, с которого убежали Ильва и ее мать. Не вспомнить крики на мелководье и кровь на песке.

Ильва стояла на возвышенности, ветер трепал ее волосы, а она смотрела на волны с белыми гребнями пены, катящиеся к берегу затуманенного моря. Она гадала, почему боги позволили, чтобы

с ней случилось такое. Зачем они привели ее сюда? Ильва перевела взгляд на середину долины.

Поселение находилось не так далеко от берега.

Сетун.

Сюда ли хотели привести ее боги?

Солнце клонилось к закату и озаряло долину оранжевым сиянием. Отсветы заката лежали на снегу, на море плясали блики. Деревня Сетун в этом море пылающего снега казалась зернышком надежды. Ильва насчитала не более трех десятков деревянных строений с соломенными крышами. Дома стояли без особого порядка, их окружал и защищал высокий частокол. Были тут и загоны для скота, и амбары. Ильва уже почувствовала близость деревенской жизни. Но чем дольше она смотрела на поселок, тем сильнее ощущала, что в Сетуне есть что-то не совсем правильное.

Никакого движения. Ни людей, ни животных. Ильва вглядывалась вдаль до тех пор, пока у нее не начали слезиться глаза. Она решила, что на улицах деревни никого нет из-за мороза. Наверняка все сидят в домах и греются. Таков мог быть единственный ответ.

Тогда почему нет дыма? Почему ни один очаг не горит в Сетуне? Почему все крыши покрыты таким толстым слоем снега?

Ильва все стояла и гадала, и вдруг из раздумий ее вывел громкий свист крыльев двух воронов, вылетевших из леса позади нее.

«Карр! Карр!» — сердито прокричали они и полетели над долиной, словно Хугин и Мунир — два огромных ворона, которые приносили вести Одиному.

Ильва медленно повернулась и внимательно осмотрела оставшиеся позади деревья. Фреки высунул мордочку из-за ворота мехового плаща и тоже посмотрел на лес. Ильва почувствовала прикосновение его теплых ушей к подбородку. Волчок шевелил ушами, прислушивался к звукам.

— Что-то потревожило их, — прошептала Ильва, глядя на верхушки деревьев. — Ты ничего не видишь?

Но чем дольше она смотрела, тем меньше видела, а когда от-
вернулась от леса, ей захотелось как можно скорее оказаться
в прибрежной деревне. Там она найдет тепло и горячую еду,
а потом станет искать кого-нибудь, кто поможет ей исполнить
клятву, данную матери.

А как только она будет готова, она разыщет Трехпалого,
убьет его и боги перестанут ее наказывать.

Бережно придерживая теплый комочек под плащом, Ильва
немного размяла затекшие мышцы, подошла к краю склона
и посмотрела вниз. Спуск был неровный.

— Не нравится мне это, — шепнула она Фреки. — Совсем
мне это не нравится.

Поначалу спуск был более или менее пологим. Ильва ступа-
ла боком, чтобы не поскользнуться, и ноги ставила твердо. Одно
неверное движение — и она не удержится на снегу и упадет.

— Медленно и ровно, — говорила она Фреки, придерживая
его одной рукой, а другой цепляясь за тонкие деревца, растущие
на скудной земле между камнями.

Кожаные мешки с поклажей оттягивали шею и плечи, а с вол-
чонком за пазухой идти было еще труднее. В общем, к тому вре-
мени, когда Ильва одолела половину спуска по каменистому
склону, солнце уже стояло над самым горизонтом. Если она
не поторопится, то не успеет в Сетун до темноты. Но идти бы-
стрее никакой возможности не было. Ильва находилась на та-
кой части склона, где он круто обрывался к берегу моря. Ильва
всматривалась вперед в поисках самого легкого спуска. Она
остановилась на узком уступе, и в это мгновение вверху в лесу
завыл волк.

Фреки заерзал под плащом у Ильвы.

— Тихо сиди. — Ильва крепче прижала его к груди. — Я из-
за тебя упаду. Уже совсем немножко осталось. Мне просто надо
найти верный путь, и все будет хорошо.

Убойная сила стрел Брона и уговоры Катгрин убедили Иль-
ву в том, что Трехпалый — не ульфхеднар. Прошлой ночью она
видела волков своими глазами и поняла, что воют в лесу

не разбойники с волчьим оскалом на шарфах и доспехах. Но теперь Ильва осознала, что за ней охотятся и другие хищники. Голодные волки напали на ее след. Они сожрали ее коня, а теперь хотят съесть ее.

Волк завыл снова, и Ильва обернулась, чтобы посмотреть, далеко ли она ушла от края склона. Это стало ошибкой. От близны снега, пятен черных камней и движения облаков в небе у Ильвы закружилась голова. Под плащом заворочался волчонок, и Ильва потеряла равновесие. Она почувствовала, что заваливается назад. Небо поплыло у нее перед глазами, склон ушел из-под ног. Ей казалось, что падать она будет вечно.

33

ПОГОНЯ

Ильва сильно ударилась о камень. Боль, испуг. Она приземлилась на спину, но ее тут же подбросило вверх, она снова упала и заскользила дальше вниз по склону. Снег был глубоким, однако почти не смягчал скольжения. Ильва ощущала все острые края камней, пока катилась кубарем ко дну долины. Но она не расставляла руки, не хваталась за растущие на склоне тоненькие деревца — наоборот, Ильва крепко обхватила себя руками, чтобы уберечь волчонка, спрятанного под меховым плащом. И она защищала его от ударов до тех пор, пока не налетела на большую грудку камней. Еще один зубодробительный удар, и падение остановилось. Напоследок у Ильвы запрокинулась голова, она стукнулась о камень затылком, и перед глазами у нее потемнело.

Когда она открыла глаза, ощущение было такое, словно прошло несколько часов, хотя на самом деле — не больше не-

скольких десятков мгновений. Лежа на спине около скопления торчащих из земли камней, приостановивших ее падение, Ильва хорошо разглядела, откуда упала. Еле заметная тропа круто спускалась по склону. Далеко вверху нависал черный язык плато, а выше него было только синее небо и плывущие по нему тучи.

Страдая от боли во всем теле, Ильва немного полежала, чтобы собраться с мыслями. Фреки высунул голову из-за ворота мехового плаща. Заскулил и стал лизать свежую кровь на царапинах, покрывших подбородок Ильвы. Ильва отстранила волчонка и ощупала его. Он был цел и невредим.

— Похоже, тебе не так сильно досталось, как мне, — пробормотала Ильва.

Она усадила волчонка рядом, приподнялась и села. Только тут она поняла, что кожаные мешки с припасами исчезли. Поблизости их видно не было. Ильва присела на корточки за камнями, утерла кровь с подбородка и посмотрела наверх — не потеряла ли она мешки на склоне при падении. Вот тут-то она и заметила движение у самого края плато.

В первый миг Ильва подумала, что это Трехпалый. Но когда она отбросила с лица волосы и прищурилась из-за белизны снега, она увидела нечто совсем другое.

Сверху на нее смотрел здоровенный черный волк.

Темная морда, острые уши на фоне еще светлого неба. Возможно было подумать, что на нее с высоты смотрит Гери. Но Гери погиб, а фигура зверя не была плодом воображения Ильвы. Черный волк был самым настоящим, и Ильве нужно было поскорее убежать от него. Поэтому она постаралась как можно быстрее закончить спуск. Большую часть оставшегося пути она проделала сидя, скользя по снегу, отталкиваясь руками от камней и время от времени хватаясь за деревца. Жаль, что она не додумалась до такого способа передвижения раньше, но теперь сокрушаться было поздно. Мастером принимать решения она никогда не была, а толку махать кулаками после драки нет никакого. Жалеть о чем-то могли только глупцы. Чтобы что-то

совершить, надо просто засучить рукава и сделать это, а не жалеть о том, что это не сделано. Так ей всегда говорила мать. Ильва не сомневалась: Катгрин согласилась бы с ней.

Позади нее снова завыл волк, и на этот раз ему ответил еще один. И еще один, и еще. В конце концов волчий вой заглушил все звуки вокруг Ильвы. Она не слышала, как хрустит снег, — только протяжный вой. Красивый и пугающий. Звуки эхом разносились по лесу, оставшемуся далеко позади. «Наверное, там полным-полно волков, — думала Ильва. — Они перекликаются, собираются в стаю, а потом нападут».

Наконец добравшись до дна долины, Ильва прижала Фреки к груди и встала на ноги. Чистейший снег доходил ей до колена.

Ильва обернулась и посмотрела на обрывистую тропу, спускавшуюся вниз от плато. На самом верху четыре волка вышли из леса и стояли на краю обрыва. Они скалились, щелкали зубами и взвизгивали — похоже, раззадоривали друг дружку. Ильва подумала, что они побоятся уходить от леса, но вскоре к этим волкам присоединились другие, и они все вместе начали спускаться по крутому склону.

Они двинулись вниз тем же путем, каким сначала падала, а потом спускалась Ильва, но она понимала: волки проворнее нее.

Спина и плечи у Ильвы болели от полученных ушибов. Она плотнее запахнула меховой плащ. Выхватила из-за пояса топорик и побежала поближе к морю. Она не хотела промочить ноги, но там, где волны прикасались к песку, не было снега, и потому можно было быстрее и легче бежать к далекой деревне. Ильва мчалась, шлепая сапогами по мелководью.

Волки отставали. Время от времени они прекращали спуск и принимались дразнить и злить друг друга. Звуки их визга и воя смешивались с плеском волн, разбивавшихся о берег. И даже тогда, когда волки достигли ровного дна долины, они предпочли держаться на расстоянии. Они снова выбрали тот же путь, каким убегала Ильва, но то и дело несколько зверей отрывались от стаи и бежали влево, в глубь долины, по густому снегу.

Одни волки были черными. Они скользили, словно тени. Другие были серыми или даже почти белыми. Последних трудно было разглядеть. Порой Ильва могла насчитать семь волков, бегущих вместе и покусывающих друг дружку на ходу, а порой она видела только троих-четверых.

Она гадала, чем занимаются волки, что они задумали. А они, наверное, гадали насчет нее. Может быть, решали, подходящая ли она добыча. Может быть, они передумают гнаться за ней?

Закатное солнце слепило глаза, мороз терзал кожу. Руки у Ильвы одеревенели и сильно болели. Лицо онемело. Порой ей казалось, что она вообще не продвигается вперед и торчит на месте. Когда оборачивалась, горы и лес, казалось, не удалялись от нее, а когда смотрела вперед, Сетун не приближался. Все происходило словно бы во сне. Она бежала изо всех сил, но — на месте.

Солнце закатилось. Ильва решила, что боги сговорились против нее. Небо сначала стало грязно-серым, а потом почти черным. Поднялся ветер. Над далекими холмами за клубились гроззовые тучи. Тор принялся бить по наковальне могучим молотом.

Мир погрузился в серый сумрак, пошел снег. Ильва бежала и бежала вперед. Она не останавливалась, пока не добралась до Сетуна. Ветер налетал свирепыми порывами, снег слепил глаза. Когда Ильва обернулась, она не увидела волков за пеленой вьюги.

34

ПРИЗРАКИ В ПУРГЕ

Море скрылось из глаз за пеленой снега. Его хлопья плясали на ветру, который то и дело менял направление.

Ильва видела что-либо лишь на расстоянии несколько шагов, но шла и шла вперед. Боясь, что заблудится и начнет ходить

по кругу, она старалась держаться как можно ближе к морю. Она даже оглядываться перестала — бегут ли за ней волки. С ними она ничего поделаться не могла. Только идти и идти вперед.

Когда, по ее подсчетам, она должна была приблизиться к деревне, Ильва отошла от моря в глубь долины. Какое-то время ей казалось, что это ошибка — потерять кромку воды, как ориентир, но наконец посреди снежной вьюги возникла темная громада — словно корабль-призрак выплыл из туманного моря. Подойдя ближе, Ильва убедилась в том, что перед ней — бревенчатый частокол. И ощутила неопишемое облегчение. Совсем рядом находилось безопасное место, где можно было согреться и отдохнуть.

Однако радость Ильвы пошла на убыль, когда она прошла мимо старой, полусгнившей повозки. А когда вошла в открытые ворота, сразу увидела, что глубокий снег между домами нетронут — на нем не было ни единого следа. По левую сторону одна часть деревни была почти не различима за вьюгой, справа дома были видны лучше, и стало ясно, что постройки уже давно пострадали от капризов погоды, но никто не пытался их починить. Разбитые крыши, искореженные ставни, сгнившие бревенчатые стены. Деревня была нежилая.

Люди ушли из Сетуна.

— Почему ты мне не сказала?! — проговорила Ильва, но кроме ветра, ее никто не услышал. — Ты дала мне понять, что тут есть люди!

Она стала поворачиваться на месте, охваченная отчаянием. У нее противно засосало под ложечкой. Ильва так долго шла, столько пережила... Она добиралась до этого места с мерцающей в сердце искрой надежды. И вот теперь ей открылась правда о Сетуне.

— Здесь никого нет. Здесь не было никого уже много лет. — Ильва запрокинула голову к небу. — Почему же ты мне не сказала? Я же думала, что тут...

Но от отчаяния и безнадежности она даже говорить не могла. У нее до боли сжалось горло. Она стиснула зубы и крепко

зажмурилась. Сетун не оказался безопасным приютом. Сетун не был поселком, где можно было найти помощь и надежду. Сетун был просто-напросто удобным местом для встречи — забытым и брошенным местом, где никто не станет ее искать. Ильва повернулась в ту сторону, где осталось море. Ветер бил ей в лицо. И она вдруг поняла, что случилось с Сетуном.

Этот залив был отличным местом, где могли причалить корабли викингов. Они забрали здесь всё, и всех убили.

Взяв себя в руки, Ильва обернулась назад — туда, откуда пришла, словно могла что-то увидеть сквозь пургу, горы, лес до самого того места, где теперь лежала Катгрин, погребенная под грудой камней в Баргестских пещерах.

— Почему ты мне не сказала? Могла бы сказать!

Ильва стояла посреди покинутого поселка. Разочарование и отчаяние грозили сломить ее. У нее было искушение сесть в снег и замерзнуть насмерть.

Нет. Ты все еще должна выполнить клятву, данную матери. Ты должна остаться в живых. Другого выхода нет. Ты должна отомстить за нас.

Вертя эти слова в голове и представляя, что их произносит Гери, Ильва затосковала по нему. Как ей хотелось, чтобы он был рядом, как хотелось увидеть его, обнять. Он всегда давал силы, когда был ей нужен. Ильва стояла и собиралась с духом, и вдруг она поняла, что не одна в Сетуне.

Темная призрачная фигура, размытая вьюгой, приближалась к ней.

И как только Ильва увидела эту фигуру, все сразу было забыто. Только эта фигура теперь имела значение. Это никак не мог быть волк. Это был человек.

Фреки заерзал под плащом на груди у Ильвы, но та не стала его успокаивать. Она не спускала глаз с туманного силуэта и взяла в руки топорик, готовясь нанести удар, если незнакомец приблизится. Худощавый, темнокожий, почти невидимый под плащом с капюшоном, мальчишка остановился в нескольких шагах от Ильвы.

— Это ты.

Ильва не опустила топорик, но осталась, где стояла.

Брон держал в руках лук с натянутой тетивой. Стрела была нацелена прямо в сердце Ильвы.

— Целься куда-нибудь еще. — Ильва опустила топорик. — Нам нужно войти в дом. За мной гонятся волки.

Мальчишка долго смотрел на нее, потом отвел взгляд и стал всматриваться вдаль, в бушующую вьюгу.

— Катгрин умерла, — сказала Ильва. — Она напоролась на свой нож и... — Она в отчаянии опустила руки. — Она умерла.

Брон лук не опустил, продолжал держать Ильву под прицелом. Он словно бы замерз на месте.

— Нам нужно войти в дом, — повторила Ильва.

Брон проворчал что-то неразборчивое, но лук опустил и прошел мимо Ильвы в глубь деревни. Ильва пошла за ним, отставая на несколько шагов. Они миновали несколько домов и направились к двум строениям побольше размером, стоявшим поодаль от других.

Мальчишка привел Ильву в кузницу. Они вошли внутрь. Это было темное унылое помещение с земляным полом. Здесь пахло деревом, пылью и огнем. Сквозь ставни в дальней стене едва пробивался серый тусклый свет, и его хватило для того, чтобы Ильва увидела: те, кто тут трудился, оставили здесь все свои вещи. На гвоздях, вбитых в стропила, висели лошадиные подковы, затянутые паутиной, покачивающейся на ветру. Верстак был завален закопченными, покрытыми пылью инструментами. Другие орудия висели на крюках и поскрипывали. Их тоже раскачивал ветер, залетавший в щели. В одном углу лежала пара старых седел. Они походили на мертвых животных. Рядом с ними валялось несколько бочонков. Некоторые из них были распилены пополам, и в них скопилась затхлая вода.

Поблизости от каменной кузнечной печи, стоявшей посередине дальней стены, было устроено грубое ложе из соломы. Значит, Брон здесь уже какое-то время жил.

— Нам нужно развести огонь. — Ильва подошла к печи. — Я могу это сделать.

Мальчишка покачал головой. Прижал два пальца к глазам и указал на стену.

— Думаешь, кто-нибудь заметит?

Брон кивнул.

— Никто ничего не увидит в такую бурю, а огонь нам нужен, иначе мы замерзнем насмерть.

В топке лежали куски обугленных поленьев и пепел, но они были холодны. Огонь тут очень давно не разводили. А древесный уголь, предназначенный для растопки, запылился и покрывлся паутиной.

Ильва опустила Фреки на пол, чтобы волчонок походил по кузнице, пока она будет разводить огонь. Она достала из торбочки тлеющий трут, разыскала в одном из бочонков остатки лампового масла, и очень скоро топка жарко запылала. Ильва стала подбрасывать в огонь древесный уголь, а потом зажгла несколько масляных фонарей, висевших на гвоздях, вбитых в столбы, которые подпирали крышу. Ожидая, когда кузницу наполнит тепло, она уселась около кузнечной печи, обхватила себя руками и стала смотреть на Фреки, который ходил кругами и все обнюхивал.

Брон сел по другую сторону от печи. Ильва не могла себя заставить смотреть на него.

— Я пыталась остановить кровотечение, но у нее началась лихорадка, — проговорила она после долгого молчания.

Лицо Брона исказила гримаса боли. С явным трудом он прошептал:

— Где?

Вопрос удивил Ильву. К тому же она не ожидала, что Брон заговорит.

— В Баргестских пещерах. Там я ее похоронила.

Брон встал, отвернулся и направился к двери.

— Стой! — крикнула Ильва ему вслед. — Куда ты?

Брон не стал оборачиваться и рывком открыл дверь. В кузницу влетел порыв ветра и принес с собой снег.

— Что ты задумал? — Ильва привязала к столбу поводок Фреки и пошла за Броном. Бежать она не могла — у нее все тело ныло и саднило после падения с каменистого склона, поэтому Брона она нагнала только около соседней постройки, оказавшейся конюшней. В одном из стойл была привязана каштановая лошадь, и Брон уже был готов оседлать ее. Ильва схватила Брона за край мехового плаща и с силой потянула к себе.

Брон выронил седло и свирепо зыркнул на Ильву. Указал большим пальцем на себя, потом — на лошадь, потом — на выход из конюшни.

— Хочешь вывести лошадь отсюда в такую бурю?

Брон кивнул.

— Хочешь поехать к той пещере? Ты туда собрался? Зачем? Туда и по хорошей погоде полдня езды, а сейчас? Лошадь твоя устала и голодна! Это слишком долгий путь. К тому же там волки. Целая стая!

Брон наклонился, чтобы подобрать седло. Ильва снова ухватила его за полу плаща.

Чернокожий мальчишка рванулся в сторону.

— Не пуцу тебя!

Брон сильно толкнул Ильву, но она цепко держалась за его плащ, и в итоге они вместе повалились на подгнившую солому. Брон оказался сверху, он всем своим весом прижал Ильву — так, что она едва не задохнулась. Рот ей забило мехом плаща Брона, она начала толкаться и барахтаться, пытаясь освободиться. Наконец ей удалось высвободить руки, и тогда она принялась бить Брона по спине и царапать его голову. А потом она высвободила ноги и толкнула Брона коленями.

— Не пуцу! — прокричала она. — Не позволю тебе бросить меня!

Брон оттолкнулся от Ильвы и попытался отбиться. При этом он повалился набок. Ильва этим воспользовалась, ловко повернулась и села верхом на грудь Брона. Она сжала кулаки, готовясь поколотить мальчишку, но Брон ее опередил. Он выхватил нож и приставил лезвие к шее Ильвы.

Ильва замерла.

Она посмотрела Брону прямо в глаза.

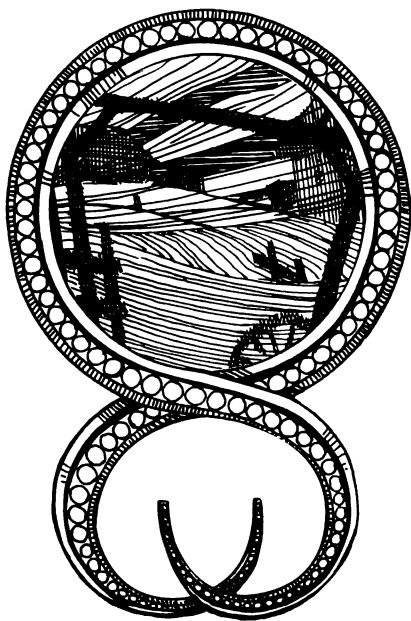
— Хочешь убить меня? Ну, сделай это. Убей меня, и пусть все это закончится. Пусть все исчезнет, уйдет прочь.

Но во время драки плащ Ильвы распахнулся. Брон потянул на себя ее шарф... и вдруг его взгляд смягчился. Он смотрел на то, что было спрятано под толстой шерстью.

Узкое кольцо из грубого черного железа на шее Ильвы. Ошейник рабыни, натерший ее шею до крови.

Ильва поняла, что Брон увидел ошейник, и отвела взгляд.

Брон убрал нож и опустил руку.

ВОΛΚΙ

ДРУГ

Ильва и Брон держались в разных краях кузницы, словно между ними было большое море. Брон уселся на свое соломенное ложе, поближе к печи, а Ильва прижалась ушибленной спиной к большущему пню, на который была водружена изрядно обшарпанная наковальня.

Брон теперь знал, что она рабыня, что она носит железный ошейник, но Ильва все же замотала шею шарфом. Она не хотела, чтобы Брон смотрел на ошейник.

Волчонок бегал по кузнице, опустив нос к полу. Он явно радовался тому, что теперь не надо сидеть под плащом у Ильвы. Он обнюхивал каждый уголок, осматривал каждую тень, а потом принимался все нюхать заново. Наконец он устроился под верстаком, недалеко от того места, где сидела Ильва.

Девочка вытащила из торбы одну из последних полосок сушеного мяса, оторвала зубами кусочек и протянула Фреки. Волчонок склонил голову набок и пошевелил ушами. Чем дольше Ильва смотрела на него, тем сильнее он растворялся в полумраке. Черная шерсть скрывала его в темноте под верстаком, и когда Ильва долго не моргала, то ей казалось, что там ничего и никого нет — только два разных глаза.

— Катгрин хотела, чтобы я его убила и бросила рядом с его мертвой матерью, — Ильва говорила, не глядя на Брона. — Но она поняла, почему я этого не сделала. Догадалась.

Ильва придвинула кусочек мяса ближе к волчонку.

— Не потому, что они убили мою собаку. Дело не в этом. Я знаю, что Фреки моего пса не заменит. А потому что он... он чем-то похож на меня и... И Катгрин сказала, что мы заслуживаем друг друга. Потому что мы оба дикие. Даже с ошейником. Но я не более дикая, чем ты, Брон. Может, даже не такая дикая. Так что он и на тебя похож.

Волчонок понюхал воздух, чуть подался вперед, немного подумал, схватил мясо зубами, улегся и стал жевать. Когда он доел, Ильва наклонилась к нему и протянула руку. Фреки прижался носом к ее ладони, старательно принюхался, высунул язык и стал вылизывать руку Ильвы.

— Она мне сказала, чтобы я ушла. — Ильва посмотрела на Брона, и их глаза встретились. — Там, в пещере. Мы остановились на две ночи, я очистила рану Катгрин и наложила на нее мох, но кровь все текла. А потом начался жар. Вот тогда она и сказала, что я должна уйти и оставить ее, но я не могла и осталась с ней, пока она не умерла. — Ильва до боли укусила себя за щеку изнутри. — Думаю, она была хорошая. Она мне нравилась.

Брон вздохнул. Он теперь выглядел совсем по-другому — печальнее и мягче. А когда он отвернулся, Ильва опустила глаза к волчонку и провела рукой по его голове.

Брон поднялся, подошел туда, где сидела Ильва, постоял немного возле нее, потом отвернулся к верстаку и стал рыться в пыльных инструментах. Во все стороны поползли испуганные пауки. Когда Брон нашел то, что искал, он вернулся к Ильве, присел на корточки и протянул руки к ее шарфу. Ильва выставила перед собой руки, поэтому Брон показал ей, что взял с верстака.

Поняв, что он собрался сделать, Ильва позволила ему снять с нее шарф. Потом она смотрела Брону в глаза, а он тяжелыми ножницами перерезал застежку на ошейнике. Для этого ему пона-

добились недюжинные усилия, но вскоре он положил ножницы на пол и снял железный ошейник с шеи Ильвы. И протянул ей.

— Нас не всегда заставляли их носить, — проговорила Ильва, держа ошейник в руке. — Наш хозяин был не такой уж плохой. Намного лучше других. Я играла с его детьми, ела с его семьей. Он никогда не бил своих рабов, не приносил в жертву, но... но ведь никто не должен владеть другим человеком, правда? И даже тогда, когда я не носила вот это... — Она отшвырнула от себя ошейник, — ... у меня оставалось кое-что еще. — Она оттянула вниз ворот рубахи и показала Брону синюю татуировку на левом плече.

— Мама мне говорила, что это означает «скот». Мой хозяин поставил на меня этот знак, когда я родилась. Чтобы показать, что я — его собственность.

Брон набросил шарф на шею Ильвы и плотно запахнул ее меховой плащ. Потом печально улыбнулся и сцепил между собой указательные пальцы.

— Друг, — произнес он.

Когда Брон уселся напротив, Ильва спросила у него:

— Ты ведь раньше понял? Про это? — Она указала на валяющийся на полу ошейник.

Брон кивнул. Прижал руки к левой щеке, склонил голову и закрыл глаза.

— Ты увидел ошейник, когда я спала? В хижине торговца? Так ты все это время знал?

Брон снова кивнул.

— Я не хотела, чтобы кто-то знал. Мама говорила, что это опасно. Беглых рабов бьют. Творят с ними ужасные вещи и...

Она непроизвольно сжала в руке прядь волос и до боли потянула вниз. Она не могла поверить, что все это время Брон знал правду. Она чувствовала себя по-дурачки. Но, с другой стороны, — словно тяжкая ноша упала с ее плеч. Теперь ей больше не придется лгать. По крайней мере — Брону. Теперь ей нечего от него скрывать и не стоило его бояться. Он стал ее другом.

— А зачем вы приплыли в Англию? — тихим хриплым голосом выговорил Брон.

— Наш хозяин сказал, что эти края теперь принадлежат да-нам. — Ильва прикоснулась кончиками пальцев к шее, где прежде был железный ошейник. — Кто-то ему сообщил, что тут хорошие земли под пашни. Но не стоило плыть через море зимой, когда волны огромные, как горы. Конечно же, нас то и дело сносило ветром, а когда мы наконец подплыли к берегу, на нас тут же напали саксы. Никто даже на берег толком сойти не смог. Саксы убивали всех. Наверное, они ненавидят викингов. — Ильва зажмурилась, вспоминая страшную сцену на берегу. В тот день были убиты рабы, которых она знала всю жизнь. Убили и ее хозяина, и его детей, и других мужчин и женщин из их деревни. Никто из них не заслужил такой смерти — даже ее хозяин. — Море и песок стали красными от крови, — сказала Ильва. — Как много было крови...

Она рассказывала свою историю, громко произнося слова, и словно наносила целебный бальзам на глубокую рану. Нет, рана не заживала от этого, но хоть немного стихала боль. К глазам подступали слезы тоски. Ильва сдержала их. Не время для слез. Слезы подождут.

— Нам с мамой и Гери удалось убежать в лес, а когда саксы ушли, мы вернулись, чтобы взять то, что не забрали они. Но ничего полезного не нашли — только нож да каравай хлеба. А потом мы пошли искать... Даже не знаю, что. Лучшей доли. — Ильва пожевала губы и посмотрела на Брона сквозь нависшие на лоб пряди волос. — Лучшей доли мы не нашли, да? И теперь я такая же, как ты. Одна-одинешенька.

— Нет, — прошептал Брон. — Сейчас мы не одни.

ЗОВ ПРИРОДЫ

За стенами кузницы с новой силой задул ветер, гулявший по пустой деревне. И в этой пустоте завыл один волк. Звук был не далекий, как тогда, когда Ильва слышала волков в лесу. Вой был громкий и близкий. Вне всяких сомнений, он доносился из деревни.

Волчонок, сидевший на руках у Ильвы, распрямил лапки и поднялся. Замер и наострил уши. Сначала тихо зарычал, но потом потерял храбрость, спрыгнул с колен Ильвы и спрятался под верстаком. Ильва не шевельнулась, она окаменела от страха и даже дышать боялась, но в деревне снова стало тихо. Только ветер свистел в щелях, да поскрипывали кузнечные инструменты, раскачивавшиеся на гвоздях.

Брон посмотрел на Ильву и изобразил двумя пальцами знак «V», похожий на уши зверя.

— Волк, — прошептала Ильва.

Брон кивнул.

Ильва достала из-за пояса топорик и пошла к двери. Проверила, крепко ли задвинут засов, и осмотрела кузницу — не смогут ли волки где-то еще в нее проникнуть.

— Они пришли прошлой ночью, — тихо сказала она. — К пещере. Забрали моего коня и потом гнались за мной досюда. Чего они хотят? Они голодные?

Брон снова знаком изобразил волка, потом указал на свой рот, на себя и на Ильву и покачал головой.

— Волки не едят людей? — догадалась Ильва. — Ты это хочешь сказать?

Брон кивнул.

— Но чего-то они явно хотят. Нужно проверить стены.

Кое-где бревна расшатались и прогнили чуть ли не насквозь, поэтому Ильва взяла один из горевших масляных фонарей и пошла вдоль стен, проверяя их крепость. Она подносила лам-

пу к стене как можно ближе и, если замечала слабое место, старалась налегать на стену всем своим весом.

— Помоги мне, — попросила она.

Брон сначала проверил дверь — точно так же, как это сделала Ильва. Потом взял второй фонарь, пошел в другую сторону от двери и тоже принялся проверять стены на прочность.

Поравнявшись с окном по левую сторону от дальней стены кузницы, Ильва крепко закрыла ставни, после чего, миновав печь, подошла к окну на противоположной стене.

Она прижалась лицом к ставне и, подняв фонарь повыше, сквозь щелочки стала вглядываться в бушующую в мертвой древне снежную бурю.

— Я что-то вижу, — прошептала она.

Брон повесил фонарь на гвоздь и поспешно схватил лук. Вынув из колчана стрелу, он встал рядом с Ильвой как раз вовремя для того, чтобы заметить темную фигуру, быстро промелькнувшую мимо окна. Брон посмотрел на Ильву и поднял два пальца вверх, изобразив уши.

Волк.

Ильва сильнее прижалась лицом к ставне и повернула голову в ту сторону, куда ушел зверь. Фонарь светил слабо. Его свет создавал дугу тускло-оранжевого сияния, на фоне которого плясал и сверкал снег. Ильва заметила еще два силуэта волков.

— Они не смогут войти сюда, — пробормотала она. — Они не смогут...

Появилась еще одна фигура. Зверь прошел справа налево, но не исчез из поля зрения Ильвы. Он остановился.

Расплывчатый силуэт, повисший на белом фоне. Фигура стала увеличиваться в размерах. Волк начал приближаться к окну. Словно великий волк Фенрир порвал цепи, когда наступил Рагнарёк... конец времен и разрушение девяти миров... и явился за первыми жертвами. Он шел, пригнув голову, разжав зубы и глядя в окно светящимися янтарными глазами. Это был тот самый хищник, который смотрел на Ильву с края плато, когда она пришла в себя после падения. Ошибиться было невозмож-

но. Этот зверь был крупнее любой собаки, какую когда-либо видела Ильва. И даже крупнее той волчицы, которая дралась с медведем. Волк шел медленно, и могучие мышцы дыбились под его темной шерстью. Вокруг глаз и пасти шерсть была светлее, и казалось, что волк надел боевую маску.

Громадный зверь оттянул назад кончик носа и обнажил зубы.

— Оставь нас в покое!

Ильва крепко сжала в руке топорик.

Волк уставился на нее.

— Уходи от нас!

Волк немного расставил лапы и стал вилять задом, будто готовился к прыжку. Единственной преградой между ним и Ильвой была тонкая ставня из подгнившего дерева. Ему было достаточно одного мощного прыжка, чтобы ворваться в кузницу, и тогда мир вокруг Ильвы наполнится острыми щепками, волчьими зубами и когтями.

— Уходи от нас!

Ильва подняла топорик и, шагнув назад, встала рядом с Бронном. Она держала оружие наготове для удара и ждала треска ломающегося дерева, но этого не случилось. Волк запрокинул голову и завыл.

Вой получился таким громким, словно зверь находился рядом, внутри кузницы. Высокий, протяжный и пугающий звук — самый первобытный, какой только могла себе представить Ильва. Крик дикого охотника, существа с самым совершенным инстинктом убийства. Крик зверя, который никогда не сдается.

Когда вой стих, Ильва произнесла в пугающей тишине:

— Чего они хотят? Зачем они это делают?

Она попятилась и отвернулась от окна в поисках самого безопасного места в кузнице. Дверь и оба окна были видны только от верстака, поэтому Ильва подошла к нему и села на пол. Держа в одной руке топорик, другой она подняла с пола Фреки и прижала к груди.

— Не бойся, — сказала она волчонку. — Не бойся. Они сдадутся и уйдут. Вот увидишь.

Волк снова завыл в безмолвии Сетуна, и на его крик ответили другие. Ночь наполнилась тьякканьем и рычанием. Фреки склонил голову набок, напряг передние лапки и оттолкнулся от Ильвы. Он развернул уши в ту сторону, откуда доносились волчьи голоса. Несколько мгновений он молча слушал, а потом сделал нечто, чего от него не ожидали ни Ильва, ни Брон. Фреки поднял нос к потолку и очень постарался завывать.

Первая его попытка больше походила на скулеж, но он попытался еще раз и еще, и наконец у него получилось что-то вроде писклявого воя. Он явно был горд собой и прижался мордочкой к шее Ильвы.

Волки за стенами кузницы притихли. Ильва посмотрела на Брона. Она силилась расслышать хотя бы один звук. Стала слушать так, как ее обучила Катгрин. Поначалу не было ничего, кроме шума ветра, но чем старательнее прислушивалась Ильва, тем больше звуков различала. Поскрипывание кузнечных инструментов над головой. Равномерные вдохи и выдохи Брона. Влажное, тихое чавканье волчонка, облизывающего губы. Тихое ворчание. Ерзанье, вздох.

Негромкое шуршание за задней стеной. Такой же звук около двери. Потом — много таких же звуков вокруг всей кузницы.

Ильва открыла глаза и посмотрела на Брона.

— Они повсюду, — сказала она. — Пытаются прорваться.

37

РАГНАРЁК

Держа волчонка на руках, Ильва вскочила на ноги и прошла к середине кузницы, слушая, как волки кружат около постройки. Они больше не выли. Они принюхивались. И скребли когтя-

ми стены. Ильва вдруг представила себе огромного черного волка, запустившего нос в снег у основания стены. Он искал ее запах. Искал, как проникнуть внутрь постройки.

— Чего ты хочешь? — прокричала Ильва.

Брон встал рядом с ней, держа в одной руке лук, а в другой стрелу. Он медленно поворачивался на месте, глядя на стены.

Бух!

Ильва и Брон вздрогнули. Дверь закачалась в раме.

Бух!

Ильва почувствовала, как вся постройка содрогнулась. Со стропил посыпалась пыль и заблестела в свете фонарей.

— Уходи! — крикнула Ильва. — Оставь нас в покое!

Брон поддел ее локтем, чтобы привлечь внимание. Он прижал палец к губам и покачал головой, ясно давая понять, что ей лучше помолчать.

— Что они делают? — шепотом спросила Ильва.

Брон стиснул зубы и внимательно посмотрел на волчонка на руках у Ильвы.

Бух!

На этот раз звук донесся от дальней стены.

Бух!

На этот раз — от боковой.

— Они бросаются на стены, — выдохнула Ильва. — Ищут, где бы прорваться.

А когда к новому удару присоединился резкий треск, Ильва поняла: волки нашли слабое место в стене.

Она развернулась, нацелив топорик на стену рядом с окном, откуда она смотрела на волков. И снова удар и треск. Одна из досок расщепилась и прогнулась внутрь кузницы. Следующий сильный удар разломил доску полностью, и ее куски упали на пол. Один из них пролетел по усыпанному соломой земляному полу и остановился совсем рядом с тем местом, где стояли Ильва и Брон.

Оба опустили глаза, посмотрели на обломок доски и перевели взгляд на дыру в стене. Она была не так уж велика — не шире

руки Ильвы и не длиннее, чем ее рука от локтя до запястья, но и Брон, и Ильва понимали, что это только начало.

В дыру просунулась черная морда. Волк приняхивался к воздуху внутри кузницы.

— Уходи! — крикнула Ильва.

Волк повернул голову вбок, чтобы разглядеть помещение изнутри. При этом Ильва увидела только один его янтарный глаз.

Брон поднял лук и натянул тетиву, но стоило ему пустить стрелу, как волк сразу отступил. Он словно все понял. Стрела исчезла в дыре, не задев ее краев.

Волк тут же вернулся. Он принялся рвать зубами потрескавшиеся доски, стараясь расширить отверстие. Брон взял другую стрелу, зарядил лук и выстрелил, но волк снова успел отбежать в сторону.

А потом другие волки продолжили кидаться на стены. Снова и снова они налетали на старую кузницу, и все происходящее стало походить на страшный сон. Удары, рычание, треск дерева.

Брон стоял с луком наготове, а Ильва попятилась назад от дыры в стене. Одной рукой она прижимала к груди Фреки, в другой сжимала топорик и смотрела на Брона, у которого в колчане осталось всего несколько стрел. Даже если бы он всякий раз попадал в цель, все равно он не смог бы убить всех волков, а Ильва уже начала сомневаться, что стрелы их вообще остановят. Они были слишком крупными. Слишком быстрыми. Слишком умными.

— Не трать стрелы попусту, — сказала Ильва другу.

Брон замер, держа лук наготове. Доски вокруг дыры стонали и трескали. Волки продолжали атаку. Было ясно: очень скоро доски проломятся, и волки ворвутся внутрь. Брон растерялся, посмотрел на Ильву, прижимающую к груди волчонка. И вдруг глаза Брона стали большие-пребольшие. Его словно озарила догадка.

— Волчонок, — проговорил он, опустил лук и схватил Фреки за загривок.

— Что ты делаешь?

Ильва крепко держала волчонка, но Брон потянул Фреки к себе сильнее.

— Нет! — воскликнула Ильва. — Не отдам его!

Она ударила Брона ногой в пах. Тот отпустил Фреки и отскочил назад.

В это самое мгновение стена наконец не выдержала. С оглушительным треском доски разломались, и в кузницу упал гигантский черный волк. Он вздыбил шерсть и щелкал зубами. Волк налетел на Брона, сбил его с ног. Лук выпал и покатился по полу. Волк тут же вскочил на ноги, развернулся и встал перед Ильвой и Броном, будто Фенрир перед Тором в конце времен. За долю секунды Ильва осознала все.

Черный волк, опутивший голову, оскалившийся, сверкающий злыми глазами. Другие волки, старающиеся пролезть в кузницу через пролом в стене. Брон, лежащий на полу вдалеке от своего оружия. И она сама с топориком в руке, готовая сразиться с волчьей стаей.

Но Ильва понимала, что ее боевого топорики будет мало для схватки с дикими волками.

Не размышляя, она сунула топорик за пояс, быстро сняла с гвоздя масляный фонарь и бросила в волка.

Фонарь, крутясь в воздухе, полетел через кузницу над головой Брона и упал прямо перед черным волком. Фонарь с грохотом ударился о замерзший каменный пол и разбился. На солому пролилось масло. Его оставалось немного, но часть горящего масла попала на передние лапы волка, и его шерсть тут же запылала.

Зверь взвизгнул от испуга, встал на задние лапы, отпрыгнул назад, развернулся по кругу и скрылся в дыре, зияющей в стене.

Однако Ильва прекрасно понимала, что как только волк очутится в глубоком снегу, огонь тут же погаснет, и тогда зверь вернется. Она не могла этого допустить. Она должна была остановить всех волков. Даже не думая, что делает, она побежала по кузнице. На пути она хватала один фонарь за другим и швы-

рыла в стену. Она делала это отчаянно, размахивалась изо всех сил. Фонари разбивались и разливали масло во все стороны. Часть масла проливалась на подгнившее дерево, и оно загоралось невысокими язычками пламени. Другая часть масла падала на солому, и солома вспыхивала маленькими кострами. Но часть пылающего масла пролилась рядом с половиной бочонка, из которого Ильва заправляла фонари.

Первым делом загорелось масло, пролитое Ильвой на пол. Огонь быстро объял бочонок снаружи. Еще мгновение — и масло в бочонке жарко запылало. Он стал похож на гигантский фонарь. Оранжевый огонь и черный дым рванулись вверх, к потолку.

По кузнице распространился нестерпимый жар. Ильва пятилась и заслонила лицо рукой. Фреки ужасно испугался и забился у нее на руках. Он пытался вырваться и убежать от этого ужаса, из этого кошмарного пекла. Но Ильва держала его крепко.

— Вставай! — крикнула она Брону.

Он все еще лежал на полу, поблизости от объятых пламенем бочонка, но даже вскочить на ноги у него времени не было, и он постарался отползти, отталкиваясь ступнями от пола. При этом он ухитрился схватить и спасти свой лук.

С потолка полился огненный дождь. Его капли попадали на меховой плащ Брона. Пламя перекинулось на его тело, опалило руки. Вскоре он был целиком охвачен огнем и впал в панику.

Ильва подбежала к Брону, ухватила правой рукой за ворот его плаща. Крепко упираясь в земляной пол ногами, она потащила Брона подальше от горящего масла. Она отпустила Фреки и стала катать Брона по полу, чтобы сбить пламя с меха. Когда худшее осталось позади, Брон в ужасе вскочил на ноги и стал бить по одежде руками, будто она еще горела. От его мехового плаща валил дым в тех местах, где чернели дыры.

— Нам надо уйти отсюда!

Ильва потащила его за собой к выходу, подальше от адского пламени, подтолкнула к двери.

Брон пришел в себя, бросился к двери и поспешно отодвинул засов. Ильва подбежала к верстаку и опустилась на колени. Протянув руку, она схватила за загривок перепуганного волчонка. Тот упирался, но Ильва взяла его и поспешила к двери.

Как только Брон распахнул ее, в кузницу ворвался свежий морозный воздух. Огонь будто бы обрадовался этому. «Бу-у-у-у-уи», — радостно вздохнуло пламя и океанской волной растеклось по потолку кузницы.

Ильва и Брон выбежали на снег и побрели в сторону конюшни, но обернулись и посмотрели на пылающую кузницу. Вся она была объята пламенем. Нестерпимый жар чувствовался даже на расстоянии. Оранжевое сияние озаряло пылающую постройку. Запах горящего масла и дерева щекотал ноздри Ильвы.

— Смотри!

Она указала в глубь брошенной деревни, в ту сторону, где можно было что-то видеть сквозь снежную бурю благодаря сиянию, распространяемому пожаром. Темные силуэты волков скользили вдоль безлюдных домов. Звери в панике мчались к воротам в частоколе. Ильва знала, что они, напуганные пожаром, убегут в долину.

38

НЕНАВИСТЬ

Искры взлетали в порывах ветра, словно светлячки давно ушедшим летом. Если искры прилетали близко к конюшне, Ильва и Брон топтали их ногами и гасили, но больше они ничего сделать не могли. Они смотрели на горящую кузницу, пока ее

стены не обрушились. В последние мгновения в небо поднялась туча искр и черного дыма, а когда от кузницы осталась только куча посверкивающей угольками золы, Ильва и Брон еще какое-то время стояли рядом — измученные, голодные, страдающие от боли.

— Ненавижу его, — простонала Ильва, прижимая к груди волчонка Фреки. — Трехпалого, — добавила она. — Это все он виноват. — Она смотрела на угли, вспыхивающие под порывами ветра. — А теперь нам надо уходить. Он мог заметить этот огонь издалека, за много верст. Он явится искать нас и... Подожди. — Ильва умолкла, поскольку в голову ей пришла мысль — так внезапно, словно ее туда вложил сам Тор. — Хватит, я уже набегалась. Нам стоит его тут дожидаться. — Она повернулась к Брону. — Мы найдем, где спрятаться, устроим засаду и подкараулим его. Мы его убьем. Ты своими стрелами, а я топором.

Брон сжал кулак, покрутил руку перед лицом и постучал кулаком по голове.

— Я не дура, — сказала Ильва. — Знаю, ты думаешь, что я драться не умею, но я могу! Я сильная. Я умею сражаться. Чтобы попасть сюда, я билась с медведем. И с этими волками сразилась. И только что я тебе жизнь спасла.

Брон пожал плечами, словно хотел спросить: «Ну и что?»

— А то, что я останусь здесь и буду ждать Трехпалого. — Она вытащила топорик из-за пояса. — А когда он сюда явится, я его убью, и все это закончится.

— Хочешь меня убить, малявка? Ну это вряд ли.

Этот голос невозможно было спутать ни с каким другим. Глубокий, рокошующий, как далекий гром.

Трехпалый разыскал их.

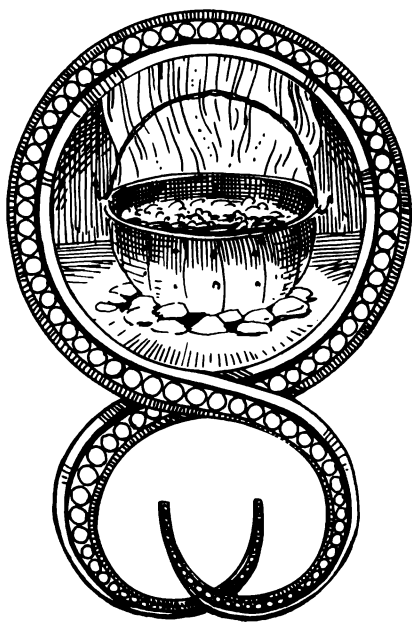
Но викинг-великан еще не закончил говорить, когда Брон развернулся, присел и поднял лук. Ильва представить не могла, что возможно двигаться с такой скоростью. Но его быстроты оказалось мало. Когда Брон протянул руку, чтобы достать из колчана стрелу, из тени около конюшни, словно призрак,

вышла пламенноволосяя женщина. Отсветы горящих углей играли на лезвии ее короткого железного меча. Она сделала два больших шага и изо всех сил ударила Брона рукоятью меча по виску.

У Брона подкосились ноги. Он мешком повалился на снег, не издав ни звука.

— Лучше отдай мне свой топорик. — Трехпалый вышел из тени и встал рядом с женщиной. Он посмотрел Ильве прямо в глаза и протянул руку. — Если не хочешь, чтобы она и тебя стукнула.

ТРЕХПАЛЫЙ

В ПЛЕНУ

Трехпалый великан сидел на табурете у двери конюшни. Топорик Ильвы лежал у него на коленях. Он дул в костяную флейту, пытаясь изобразить что-то похожее на музыку, но отсутствовавшие пальцы этому не способствовали.

У сидевшей на полу Ильвы запястья были связаны грубой пеньковой веревкой. Другой отрезок веревки тянулся от запястий к шее и был на ней завязан. У нее все еще бешено колотилось сердце и бушевали чувства. Страх, ненависть, злость, отчаяние — все это кипело в ее крови, словно яд. Она изо всех сил, до боли вонзила ногти правой руки в ладонь левой, пытаясь очистить сознание. Она должна найти выход. Боги желают места, а значит, они покажут ей, что делать, и она должна приготовиться к посланному богами знаку.

— Любишь музыку?

Грохочущий, словно гром, могучий голос был ей знаком, но она никогда не слышала его так близко. Трехпалый снял шлем, и Ильве стали видны поры на его лысине и все руны, татуированные на коже. Еще были видны просветы в черных кругах, нарисованных углем вокруг светло-голубых, похожих

на льдинки, глаз, и каждая щетинка на подбородке, и каждый волосок на волчьих шкурах, в которые он был одет. Ильва чувствовала дикую, звериную вонь, исходившую от Трехпалого.

— Меня звать Торстейн Ульвеманд.

Табурет скрипнул, когда Трехпалый положил флейту на пол рядом с собой и опустил обе руки на топорик Ильвы.

Торстейн Ульвеманд. У Трехпалого, оказывается, было имя.

— Слыхала про меня?

— Нет.

По глазам было видно, что Трехпалый разочарован. Он натянуто улыбнулся:

— А вот это Астрид. — Не отрывая глаз от Ильвы, он указал на рыжеволосую женщину. — А тебя зовут?..

— И не подумаю тебе говорить. Я с тобой дружить не собираюсь.

— Ясно. Что ж, про тебя я ничего не знаю, кроме того, что ты водила компанию с парочкой воров-убийц и... — Он кивком указал на Фреки, привязанного к одному из столбов в конюшне, — ...и с волчонок?

— Волчонок и есть, кто же еще, — буркнула огненноволосая женщина.

Она обихаживала двух коней, привязывала их в стойле рядом с каштановой лошастью, на которой в Сетун приехал Брон. Фреки находился совсем рядом с Астрид, но, похоже, совсем ее не боялся. Улегся на солому, положил мордочку на передние лапки. Ильва чувствовала, что волчонок словно предал ее, если не испытывал ненависти к охотникам за людьми.

Она посмотрела на Брона, лежавшего рядом ней с закрытыми глазами. Он тоже был связан, как и она. С одной стороны его лицо покрывал слой запекшейся крови.

— Не мертвый он, — проворчала рыжеволосая Астрид. — Не так уж я его сильно стукнула.

— Выживет. — Трехпалый прижал пальцы правой руки к губам — словно бы задумался. На месте мизинца и безымянного пальца торчали короткие культы. — А вот та баба, которую

ты в пещере оставила, померла. А жаль. Она у меня украла кое-что ценное, и я хотел заставить ее заплатить за это.

— Хватит нам и мальчишки, — сказала Астрид, обернувшись через плечо, и сняла с первого коня седельные сумки. — Долго мы искали ту пещеру, где вы спрятались. — Она ослабила постромки и сняла седло. — Пришлось нам разделиться, а потом мы, считай, целый день по лесу кругами ездили. Снег прятал ваши следы почти сразу, как только вы их оставляли, но все же, в конце концов, мы нашли ваш след. — Поглядывая на Ильву, она сняла со спины лошади овчинные одеяла и повесила их на загородку стойла. — Потом нашли в пещере женщину, а уж затем по множеству знаков поняли, что ты направилась в эту сторону. Хотели было стать на ночевку, но...

— Но увидели ваш пожар, — договорил за нее Трехпалый. — Так что в конце пути ты нам помогла.

Он уставился на Ильву глазами цвета льда.

Ильва на него смотреть не стала. Она искала взглядом, чем можно было бы воспользоваться в качестве оружия, но в конюшне, кроме соломы, почти ничего не было. Полезным мог оказаться только лук Брона, прислоненный к стене у двери, да ее собственный топор, лежавший на коленях у Трехпалого. Но даже если бы Ильва успела схватить то оружие или другое, она никак не могла этого сделать, будучи связанной, словно зверь.

Как бы то ни было, она должна была найти способ остаться в живых. Это она решила твердо. Недолго на ее шее будет болтаться веревка.

Трехпалый положил руку на рукоять топорика Ильвы, а рыжая Астрид, закончив обихаживать своего коня, перешла к коню своего спутника. Трехпалый принялся постукивать двумя пальцами по самому широкому месту лезвия топорика. Его ногти тюкали по железу, а сам он изучал глазами Ильву.

Цок-цок-цок-цок... Звук прекратился.

— Так кто же ты такая? По разговору вроде бы данка, но что делала рядом с этим мальчишкой? Ты рабыня?

— Я не рабыня. Мой отец — ярл из Йорвика. Он берсерк, и у него войско в сотню человек, так что тебе лучше отпустить меня сейчас же, а не то...

— Лгунья из тебя никакая. — Рыжая женщина встала рядом с Трехпалым. — И ты точно рабыня. У тебя на шее отметины от ошейника. Кому ты принадлежишь?

— Я не рабыня.

Ильва смотрела на Астрид с нескрываемой ненавистью. В последний раз, когда Ильва видела эту женщину, та надевала себе на шею подвеску ее матери. И теперь это украшение висело поверх рубахи. То самое, украденное с мертвого тела матери Ильвы.

Мгновенно жажда мести, словно ледяной кулак, ударила по сердцу Ильвы. Никогда в жизни она ничего подобного не ощущала — даже тогда, когда нашла убитую мать в хижине торговца. Ей хотелось броситься на эту женщину диким зверем, сорвать с ее шеи подвеску и заставить заплатить за содеянное. Ей хотелось...

«Спокойствие».

Голос эхом прозвучал в ее голове, и в то самое мгновение, когда он ей понадобился, у двери конюшни возник Гери. Он сидел, наострив уши и глядя на нее.

«Будь спокойна и останься в живых. Не дай им понять, кто ты такая».

Чтобы мыслить ясно, Ильва еще сильнее впилась ногтями одной руки в ладонь другой и укусила себя за щеку изнутри. Гери был прав. Надо было сохранять спокойствие. Она должна выжить.

— Если ты меня хоть пальцем тронешь, — сказала она Трехпалому, — мой отец тебя разыщет и убьет.

Ильва с такой силой стиснула зубы, что ее губы почти не шевелились.

— Он так же сильно захочет меня убить, как ты? — спросил Трехпалый. — Я слышал, как ты это сказала. А почему ты так хочешь меня убить?

Слова так и просились на язык, но Ильва удержалась и не произнесла их. Если она скажет ему про мать и Гери, про свою жажду мести, Трехпалый может убить ее, не сходя с места. Трехпалый сам был даном, викингом. Он поймет важность мести. Он поймет, что это значит для Ильвы и как далеко она может зайти, желая отомстить.

Она промолчала. Трехпалый прищурился.

— Тогда скажи мне, если ты не рабыня, что ты делала с этим мальчишкой?

Он кивком указал на Брона.

— Он мне помог. Твои люди в лесу хотели меня убить.

Трехпалый наклонился вперед.

— Это ты про Хальвора говоришь и его братцев? Думаешь, они тебя убить собирались? — Он сделал большие глаза и склонил голову к плечу. — Ага, убить, а потом съесть, да? Арвиду бы это понравилось. Видела, какие у него зубы? — Трехпалый раскрыл рот и пробежался кончиком языка по своим зубам. — Он мне говорил, что зубы заточил нарочно, чтобы легче было обгрызать мясо с косточек маленьких детишек.

С этими словами Трехпалый так громко щелкнул зубами, что Ильва в ужасе втянула голову в плечи.

Трехпалый ослабилась и покачал головой.

— Викинги детишек не едят. Вы слишком дорого стоите. Чем вас есть, так лучше продать.

— Вот-вот, — кивнула рыжеволосая Астрид. — И его мы могли бы продать, а не убивать. — Она указала на Брона. — И вернулось бы к нам все серебро, которое мы потеряли, и все время, истраченное впустую. Мы же за ними несколько недель гонялись.

— Несколько недель? — пробормотала Ильва.

Она пыталась понять, что это значит. Трехпалый гонялся за ними *несколько недель*? Не сразу до нее дошел смысл этих слов.

«Ты ошибалась, — сказал ей Гери. — Разбойники с волчьим оскалом на шарфах гонялись не за тобой. Они охотились

за Катгрин и Броном. Они их выслеживали задолго до того, как те явились в хижину торговца».

Ильва устремила взгляд на Трехпалого.

— Вы давно за ними гонялись? Еще до того, как они убили тех людей в лесу?

— Да.

— Почему?

— Потому что они обокрали меня. — Произнося эти слова, Трехпалый брызнул слюной. — Они украли моих рабов.

— Твоих рабов? — переспросила Ильва, все еще не до конца понимая, о чем речь.

— Один, всего один последний набег на Йорвик, и нам бы хватило, — процедила сквозь зубы Астрид и злобно зыркнула на Брона. — А они с той бабой их украли.

— Ваших рабов? — повторила Ильва. В голове у нее все перевернулось вверх тормашками, она все еще не могла толком осознать, что все это значит. — Я не... А зачем им красть ваших рабов?

— Да чтоб продать, конечно. На что еще им сдались рабы? Они же работорговцы, как и мы. И тебя, небось, тоже продать собирались.

40

ВОРЫ-УБИЙЦЫ

Ильва не знала, что думать. Неужели она могла настолько ошибиться в Катгрин?

«Не может этого быть. Я не верю».

Ильва пристально посмотрела на тень в углу конюшни и увидела там Гери. Он сидел в темноте и смотрел на нее сверкающими глазами.

«Не может этого быть. Это неправда».

Еще ни разу Ильва не видела своего пса более ясно. Еще никогда она так страстно не хотела, чтобы он оказался рядом с ней.

— И я не верю, — сказала она Гери и перевела взгляд на лежавшего на полу Брона. — Не верю. — Ильва знала Каттрин и Брона не так долго, но не могла себе представить, чтобы эти люди крали и продавали рабов. Это не укладывалось в голове. — Каттрин говорила, что она против рабства. — Ильва посмотрела на Трехпалого. — Брон снял с меня ошейник.

— Подумаешь. Просто они тебе ввали, чтобы ты им поверила. — Астрид пожала плечами. — Чтобы ты все делала, как они скажут.

— Они мне *помогали!*

— Они тебе *ввали*, — повысив голос, буркнул Трехпалый. — Смирись с этим. — Он так пристально уставился на Ильву, будто собрался просверлить ее глазами. — А теперь ступай и приготовь нам поесть. Я с голоду помираю, а ночка предстоит длинная. Еда вон там. — Он нетерпеливо указал на узел, лежавший у стены. — Приготовь что-нибудь горячее.

Ильва смотрела на него, ничего не соображая. И пошевелиться она не могла. Все онемело у нее внутри. Как же она могла так ошибаться? Неужели она проделала такой путь только для того, чтобы стать рабыней для нового хозяина?

— Пошевеливайся! — прорычал Трехпалый.

Трудновато было подняться при том, что от связанных в запястьях рук тянулась короткая веревка к шее, но Ильва все же встала на ноги. Она искоса посмотрела на Брона, все еще лежавшего на соломе. Он не пошевелился. «Неужели он умрет?» — подумала Ильва, и в этом самое мгновение глаза Брона приоткрылись и сверкнули. Это было почти незаметно, но все же Ильва поняла, что Брон жив.

И что удивительно — рядом с ним возник Гери.

«Ты должна соображать ясно. Верь Брону. И пусть тебя развяжут».

— Я так готовить не смогу, — сказала Ильва, приподняв руки. — Придется вам меня развязать.

— Еще чего, — фыркнула рыжая Астрид.

— Развяжи ее, — приказал ей Трехпалый. — Я весь день не жрал, а от нее какой вред? Думаешь, она нас убить попробует? Она же малявка, что она знает про убийство?

— Нет ни одного дана, который не знает про то, как убивать людей, — возразила Астрид.

Трехпалый фыркнул:

— Да ты посмотри на нее. Слабосильная. Развяжи ее.

Женщина помедлила, но все же подошла к Ильве и, развязав веревку, скрутила ее в моток и бросила на пол рядом с табуретом, на котором сидел Трехпалый.

— Ты еду сготовишь, а я огонь разведу. Но как только закончишь кухарничать, я тебя опять свяжу.

Ильва пошла к узлу, лежавшему возле стены. Развязав большую тряпку, она увидела корзину, сплетенную из корней березы. По обе стороны у корзины были веревочные петли, чтобы человек мог нести ее на спине. Открыв крышку, Ильва увидела, помимо прочего, железный котелок, завернутые в тряпицу куски мяса недавно освежеванного дикого кабана и разные овощи. Ильва взяла все, что нужно, а Астрид выкопала небольшую ямку посередине конюшни и положила туда угли, собранные на пепелище сгоревшей кузницы.

Ильва поставила котелок прямо на угли — так, что во все стороны полетели искры, налила воды и бросила мясо и овощи. Трехпалый не дал ей ножа, чтобы их порезать, поэтому Ильве пришлось руками ломать клубни пастернака и морковь. При этом она представляла, что ломает кости Трехпалого. Она рвала на кусочки листья капусты и клялась себе, что это будет последняя в ее жизни еда, которую она приготовит, будучи рабыней.

Сидя на полу и готовя похлебку, Ильва обернулась через плечо. Трехпалый все так же сидел на табурете, но топорик Ильвы положил на пол, рядом со своей костяной флейтой. Он вел разговор с рыжей Астрид, которая уселась на перевернутое де-

ревянное ведро. Они беседовали так увлеченно, что оба вынули из-за пояса оружие и прислонили к стене. Дотянуться до оружия Ильва никак не могла. Но пока она помешивала суп деревянной ложкой и глядела внутрь закопченного котелка, ей пришла в голову мысль.

Убедившись в том, что викинги на нее не смотрят, Ильва незаметно и едва ощутимо поддела Брона носком сапога. Брон самую малость разжал веки, а Ильва жестами показала ему, что задумала. Она не знала языка жестов, на котором Брон разговаривал с Каттрин, поэтому ей пришлось здорово постараться. Но Брон ее понял. Кивнул еле заметно и закрыл глаза.

И как только он это сделал, Ильва вытащила деревянную ложку из варева и сунула ручку ложки в огонь. При этом Ильва, поерзав по полу, села так, чтобы ни Трехпалый, ни его подруга не заметили, что ручка деревянной ложки загорелась.

Ильва смотрела внутрь котелка и наблюдала за тем, как куски мяса и овощей вертятся в кипящей воде, всплывают и опускаются. Совсем как мысли у нее в голове.

— Готово? — услышала Ильва голос рыжей женщины.

— А? — Ильва обернулась. — Чего?

— Варено готово, спрашиваю? В животе пусто, как в сундуке у нищего.

— Почти готово.

Ильва прогнала из головы спутанные мысли и сосредоточилась на одном. Ей предоставилась лучшая возможность, единственная возможность отомстить за мать. Она взяла деревянную ложку за широкий конец и вытащила из огня. Сев так, чтобы викинги ее не видели, она дунула на пламя и прижала тлеющую ручку ложки к веревке, которой были связаны руки Брона. Пенька сгорела за пару мгновений.

— Ну вот, — сказала Ильва и швырнула ложку в огонь. — Теперь готово.

Она взяла тряпицу, в которую было завернуто кабанье мясо, и скосила глаза на Брона. Тот еле заметно кивнул, показав, что готов.

— Ну, так неси уже сюда, малявка, — прогремел голос Трехпалого. — Уж очень хочется попробовать — не такая ли у тебя похлебка, как ты сама.

— Надеюсь, получше твоей игры на флейте, — пошутила Ильва, прихватила дужку котелка тряпкой, чтобы не обжечься, и тремя быстрыми шагами оказалась рядом с викингами. Без промедления она выплеснула горячую похлебку им в лицо.

Брон вскочил на ноги, когда Трехпалый и его подруга попытались, затрясли головой и стали махать руками, но защитить себя они не успели. Ильва ни разу не слышала, чтобы взрослый мужчина так вопил, — до того мгновения, как горячая похлебка не попала Трехпалому в глаза. А она времени даром не теряла.

41

ОСТРОЕ ЖЕЛЕЗО

Ильва набросилась на него, как волк на свою жертву. Налегла всем весом и сбросила с табурета. Она терпеть не могла прикасаться к другим людям, но сейчас все было забыто: Ильва схватила Трехпалого за голову и с силой стукнула об пол раз... и еще... и еще.

В конюшне воцарился хаос. Лошади фыркали и били копытами, Брон дрался в рукопашную с рыжей женщиной, около стойла Фреки рвался с поводка и тявкал изо всех сил.

Обожженные огненно-горячей похлебкой глаза Трехпалого налились кровью. Он бешено вращал ими, рыча от боли. Но силен он был, как медведь, и в драках не был новичком. Ильва никак не могла с ним сравниться. И когда она повернулась, чтобы дотянуться до своего топорика, Трехпалый пришел в себя, схва-

тил Ильву за шею обеими руками, оттолкнул назад, однако руки не разжал и принялся ее душить.

Ильва завертелась, заерзала, пытаясь вырваться. Одной рукой, сжатой в кулак, она била по груди Трехпалого и царапала его щеки и глаза, а другой пыталась дотянуться до топорика. Но хватка у Трехпалого была железная, как у зубов Фенрира. Сжимая руками шею Ильвы, он оторвал ее от своей груди и отшвырнул в сторону. Ильва шлепнулась на пол с такой силой, что у нее кости захрустели.

От удара у нее вышибло дух, но она все же попробовала дотянуться до своего оружия. Кончики ее пальцев прикоснулись к краю рукоятки, обмотанной кожей. Вот он. Ее топорик. Тот самый, с которым она вступила в бой с медведем. А теперь она этим топориком раскроит череп Трехпалого. Нужно было только схватить рукоятку и...

Трехпалый рывком сел, ухватил Ильву за руку выше локтя и рванул к себе так, что она уже не могла дотянуться до топорика. И тут же резко встал на колени, развернул Ильву спиной к себе и снова сжал руками ее шею.

— Если понадобится, я тебе шею сломаю, — сказал он на ухо Ильве. — Но не вынуждай меня убивать тебя. Ты храбрая, и я за тебя получу хорошую цену.

Он с такой силой сжимал глотку Ильвы, что у нее закружилась голова и кровь застучала в висках. Мышцы на лице онемели, перед глазами потемнело. Трехпалый отнимал у нее дыхание, а она могла думать только об одном — как отомстить за мать. Как убить Трехпалого. Как убить рыжую женщину и отобрать материнскую подвеску. Это был ее долг. Боги ждали этого от нее. А если уж ей суждено погибнуть, то она погибнет, пытаясь выполнить свой долг. Сейчас даже думать о том, чтобы сдаться, было поздно.

Тьма застилала Ильве глаза, а она все же отчаянно шарила руками по полу, перебирала пальцами солому, искала хоть какое-то оружие. Искала и надеялась до тех пор, пока ее пальцы не нащупали что-то твердое. Она скосила глаза и сквозь пелену

тмы увидела одну из стрел Брона, валяющуюся на земле. Не раздумывая, Ильва сжала стрелу в кулаке и, забросив руку назад, из последних сил вогнала железный наконечник в бок Трехпалого.

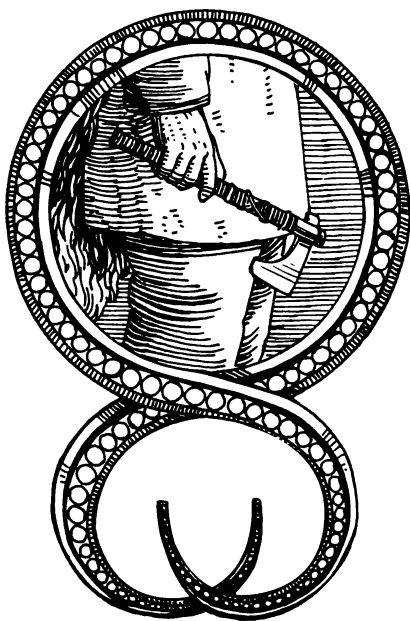
Трехпалый заорал от боли и разжал пальцы. Ильва сумела отползти вперед и повернуться лицом к своему врагу.

Он стоял на коленях и озадаченно смотрел на стрелу, торчащую между его ребер.

— Да как ты?..

Ильва проворно сжала древко стрелы обеими руками и изо всех сил надавила на него.

ПРАВДА

МЕСТЬ

Трехпалый смотрел на Ильву, стоявшую над ним с боевым топориком в руках. Он попытался шевельнуться, но стал настолько слаб, что смог лишь немного повернуть голову.

— Боги играют со мной, — произнес он. Кровь заливала его зубы. — Меня одолела такая малявка.

— Я не малявка, — сказала Ильва. — И я тебе скажу, что я знаю про убийство. Я знаю, что ты убил мою мать... и моего пса. И вот теперь я убью тебя.

— Твою мать?

Трехпалый закрыл глаза и сделал глубокий, хриплый вдох.

— Ты ее убил. — У Ильвы ком подступил к горлу. — Ты и вот эта женщина.

Наконец она была близка к цели. Столько времени прошло, столько понадобилось борьбы и страданий, но вот наконец она могла сдержать клятву. Осуществить возмездие. Как Ильва жаждала ощутить желанное облегчение и удовлетворение, чувство свершившейся справедливости. Но ничего этого она не ощущала — только тоску, изнеможение и пустоту. Вот он, лежит у ее ног, готовый умереть, но ее мать и Гери уже мертвы, а она ничего

не может сделать... Даже если она убьет этого мерзавца, их она все равно не вернет. Ничего не изменится.

— Ты убил их, вы их убили, — проговорила Ильва шепотом, похожим на крик. — Вы убили их.

Она пыталась заставить свои руки работать, нанести смертельный удар, но что-то, спрятанное в самой ее глубине, не давало ей это сделать. Ильва не могла убить Трехпалого. Она так долго шла, она так сильно боролась за жизнь и вот теперь не могла сделать то, ради чего пришла сюда.

Она опустила руку с топориком:

— Ненавижу тебя. Но почему я не могу тебя убить?

— Ты меня уже убила. Ты проколола меня этой стрелой.

— Это другое.

— Потому что ты сражалась. Ты защищалась. А хладнокровно убить человека — дело другое. Богам это не нравится.

— Даже если это месть?

Ильва смотрела на Трехпалого сверху вниз. Когда она увидела его впервые, он показался ей чудовищем, а теперь перед ней был просто человек. Искалеченный и умирающий.

Трехпалый дышал неглубоко и часто, его грудь поднималась и опускалась неровными рывками.

— Мужчин я много убил, но женщину не убивал ни разу. Никогда.

Ильва ошарашенно уставилась на него.

— Клянусь Всеотцом, — прошептал Трехпалый.

— Там, в хижине торговца, — проговорила Ильва. — Вы с этой рыжей бабой бросили убитую женщину... и собаку...

Трехпалый нахмурил брови, закашлялся и обрызгал кровью усы.

— А она украла подвеску моей матери.

Ильва оглянулась и посмотрела на рыжую Астрид, лежащую на полу на спине. Одна ее рука была отставлена в сторону, вторая заведена под спину. А из середины груди торчали две стрелы.

Рядом с убитой Астрид на полу сидел Брон, державший в руках лук. От усталости он опустил плечи и полуприкрыты-

ми глазами наблюдал за Ильвой, стоявшей над поверженным викингом.

Трехпалый сделал нелегкий, долгий вдох и кивнул.

— А, вот ты о чем. — В его взгляде мелькнула печаль, когда он посмотрел на лежавшую на соломе женщину. Ее волосы раз-
метались в стороны — совсем, как у мертвой матери Ильвы. —
Говорил я Астрид: не трогай. — Он вздохнул. — Но ты должна
знать: я твою мать не убивал. Это сделал хозяин той хижины.

— Что? Не ври.

— Твоя мать пришла в эту хижину, чтобы украсть одеяла
и еду.

— Она пошла туда, чтобы купить это.

— Нет. У нее не было серебра, и она пошла туда, чтобы
украсть то, что ей было нужно. Чтобы тебя согреть и прокормить.
Я это своими глазами видел. Но у нее не вышло. Торговец
все понял и убил ее. Пес попытался ее защитить, так торговец
и пса прикончил. — Трехпалый снова закашлялся и покачал го-
ловой. — Там, откуда мы с тобой родом, убийство — это преступ-
ление. Это еще хуже, чем красть чужих рабов. За убийство надо
платить кровью или серебром, вот я его и убил. Ради богов.

— Ты врешь!

— Послушай, девочка, я уже готов уйти в Валхаллу. — Трех-
палый закрыл глаза. — Зачем мне спастись от тебя? Один ви-
дит все. Он знает правду. Вместо тебя я отомстил за твою мать.
Как подобает викингу. А тот, кто убил ее, уже мертв.

43

МЕДАЛЬОН

Ильва не стала помогать Трехпалому, когда тот подполз
к стене и с трудом сел, опершись спиной, но и мешать ему это

сделать она не стала. Она сделала другое: собрала все оружие с пола и положила так, чтобы Трехпалый не смог до него дотянуться. Потом подошла к мертвой рыжей Астрид и потянула вниз ворот ее рубахи, чтобы снять с шеи подвеску.

Подвеска не имела никакой ценности. Она не была сделана из серебра или золота, не висела на тонкой цепочке. Она была вырезана из куска древесины ясеня, а висела на кожаном шнурке. Мать сказала Ильве, что вырезала это украшение в форме монеты из ветки Иггдрасила — ясеня, который защищал и оберегал все девять миров. Какое-то время Ильва ей даже верила. На лицевой стороне деревянного медальона было выжжено изображение молота Тора. Ильва помнила, как ее мать выжигала этот рисунок и говорила, что выбрала молот, потому что хотя Один Всеотец, но он — божество ярлов и воинов, а Тор — бог, оберегающий простых людей. Тор защищал справедливость.

Медальон был с секретом — он состоял из двух половинок, и в нем лежали два маленьких локона. Это были волосы людей, которых Ильва не помнила: ее отца и старшей сестры. Они были рабами, умершими от лихорадки тогда, когда Ильва еще не умела разговаривать. Она раскрыла амулет и подержала волосы в руке. Попробовала ощутить связь с этими людьми, но ничего не почувствовала. Она не имела понятия, как они выглядели, как звучали их голоса.

Ильва положила медальон на грудь мертвой женщины и отвязала торбочку от своего пояса. Оттуда она вынула маленькую прядь волос матери и клочок шерсти Гери. Ильва поднесла их к носу. От них не исходило никакого запаха, и все же она ощущала близость с теми, кому принадлежали эти волосы и шерсть. Она увидела лицо матери, услышала ее голос. Но она знала, что со временем и лицо, и голос померкнут в ее памяти, и останется только прядь волос внутри деревянного медальона.

Ильва защелкнула створки медальона, повесила его на шею и посмотрела на Брона, понуро сидящего рядом с мертвой Астрид.

— Ты ранен?

Брон сунул руку под меховой плащ. А когда вынул руку, она была вся в крови.

44

ВАЛЬХАЛЛА

Ильва подтащила Брона к стене и усадила рядом с Трехпалым. Потом отмотала от столба почти всю веревку, к которой был привязан Фреки, взяла его на руки и без сил опустилась на пол рядом с Броном. Она сидела и смотрела на то, что осталось от очага.

Становилось все холоднее.

«Ты ошибалась насчет всего», — сказал Гери.

Ильва не стала смотреть на воображаемого пса, сидевшего в тени. Ей не хотелось думать об этом, но сказанное Гери было правдой. Она ошибалась насчет того, зачем мать пошла в хищину торговца. Ошиблась и насчет того, кто ее убил. Она не знала правды о том, почему ее преследовал Трехпалый. А может быть — *может быть* — она ошиблась и насчет Катгрин и Брона. Вправду ли они собирались продать ее, как сказал Трехпалый?

Так много всего случилось, а ничего не изменилось. Человек, убивший ее мать и Гери, был мертв, но и это ничего не меняло. Ильве не стало лучше. Печаль и злость по-прежнему бушевали у нее в крови — так, словно только эти чувства и давали ей силы жить. Вот-вот из ее глаз по щекам могли потечь слезы, но Ильва сдерживалась. «Бывает время для слез», — говорила ей мать, но сейчас для слез было не время.

— Ты проделала долгий путь, чтобы узнать правду, — негромко пробормотал Трехпалый. — Трудно носить в себе месть.

И опасно. Мсть всегда оборачивается и кусает тебя. — Он закрыл глаза и тихо рассмеялся. — Ты крепкая и упрямая девчонка, но ты столько перенесла ради не того человека.

Ильва повернула голову и посмотрела на него, на стрелу, торчащую из его бока.

— А я такой долгий пусть проделал, чтобы погибнуть от руки ребенка. — Он пытался засмеяться, но кровь заклокотала у него в горле. — Если бы я только знал... я бы просто нашел других рабов, вернулся к своему кораблю в Йорвике и уплыл. Ну, рискнул бы поплыть по зимнему морю. А я погнался за ворами, и боги воткнули в меня стрелу. Вот тебе и мсть.

— Стрелу в тебя воткнула я, а не боги, — возразила Ильва. — Могу ее вынуть, если хочешь.

— Нет, — Трехпалый покачал головой. — Если бы не стрела, из меня бы уже вся кровь вытекла, и я бы умер.

Сидевший рядом с Ильвой Брон медленно вытащил правую руку из-под овчинного одеяла. С большим усилием он описал пальцем несколько кругов над головой и провел пятерней по волосам — так, словно причесывался.

— Не понимаю, — призналась Ильва.

Брон повторил свои жесты несколько раз, но неловко и скованно, потому что ему было больно шевелить рукой.

— Прости, — сказала Ильва. — Не могу понять, что ты пытаешься мне сказать.

Брон сделал глубокий вдох и с трудом выговорил:

— Ведунья.

— Ведунья? Это ты меня так назвал? Но я не... А-а-а, ты про ту ведунью, про которую мне Катгрин рассказывала. Она может помочь?

Брон кивнул.

— Она близко?

Брон показал один палец.

— Один день пути?

Брон кивнул.

— Ты дорогу знаешь?

Он снова кивнул.

Ильва поднялась на ноги и пошла к двери. Открыв ее, она глянула на небо, но оно было затянуто плотными тучами. Ни луны, ни звезд. Было бы слишком трудно путешествовать в такую ночь. Слишком трудно и опасно.

— Тронемся, как только начнет светать, — сказала Ильва. — А пока я разведу огонь, чтобы мы согрелись.

— Ты его спасешь, хотя он хочет тебя продать?

Трехпалый не спускал глаз с Ильвы.

— А я в это не верю, — ответила она.

— То есть ты *не хочешь* в это верить. Но как бы то ни было, чтобы мальчишка выжил, костра будет маловато.

— Он выживет, — буркнула Ильва.

— Не уверен. А жаль. Он стоит гору серебра.

Ильва схватила топорик и, сжав его рукоятку, наставила оружие на Трехпалого.

— Может, ты и не сделал того, в чем я тебя подозревала, но ты мне все равно не нравишься. Ты работорговец и ты охотился за моими друзьями. Если разозлишь меня, я могу передумать и убью тебя.

— Не хватит у тебя духу на это, — пробормотал Трехпалый. — Но к утру, я, наверное, и так окажусь в Вальхалле.

— Очень на это надеюсь, — отозвалась Ильва.

45

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Ильва прошлась по домам, насобираала дров и разожгла огонь в конюшне. Помня о том, что случилось в кузнице, она убрала сухую солому подальше от очага. Потом разложила на полу меха и овчинные одеяла для Брона и Трехпалого, чтобы

они не лежали на холодном полу. Она устроила их обоих как можно удобнее, затем накрыла одеялом убитую рыжую женщину, а сама села и стала смотреть на огонь.

Фреки свернулся калачиком в складках ее мехового плаща и закрыл глаза. Ильва гладила его шерстку и радовалась тому, как мягко опускается и поднимается его теплый животик.

На несколько мгновений, впервые с того момента, как она оказалась в Англии, Ильва вдруг ощутила себя дома — вот ведь странно! Теплый, сладковатый запах лошадей. Прикосновение к соломе. Свет очага. Дома Ильва часто спала в конюшне с лошадьми. Они с матерью ложились на солому, а Гери — к Ильве под бок. Ильва родилась рабыней, она никогда не знала иной жизни, но ее хозяин был не таким плохим, как другие. Некоторые хозяева своих рабов били, заставлять спать со свиньями, а Ильва помнила свежую солому и теплые очаги. Она помнила смех и голоса из большого дома. Много ночей они с матерью садились у двери конюшни, смотрели на звезды и гадали, каково это — быть свободными. И вот теперь она была свободна, но отдала бы все на свете, чтобы вернуться домой, оказаться в конюшне рядом с мамой и смотреть на звезды.

Тянулась ночь, Ильва поддерживала огонь в очаге. У нее за спиной негромко фыркали лошади. Фреки спрыгнул с колен Ильвы и стал ходить и обнюхивать конюшню. Ильва привязала его поводок к столбу, чтобы он мог отходить не дальше, чем позволяла веревка. Чтобы не заснуть, Ильва стала рассказывать Брону и Трехпалому о своем странствии и о жизни дома. Она представляла себя скальдом, повествующим об Ильве Бесстрашной, хотя была уверена: ни Брон, ни Трехпалый ее не слышат.

Она омыла рану Брона теплой водой — растопила в котелке снег. Срезала с шеи Торстейна Ульвеманда шарф с волчьим оскалом и накрыла им рану Брона.

— Пожалуйста, не умирай, — шептала она за работой, но похоже, Брон не слышал ни слова.

В ту ночь волки вернулись к Ильве в последний раз. Она поняла это сразу, как только Фреки заскулил и вскочил на ноги, а лошади заржали, зафыркали и стали раздувать ноздри.

Ильва собралась подбросить дров в очаг, но замерла и стала прислушиваться к бескрайней темноте за стенами конюшни.

Фреки натянул поводок. Лошади стали поворачиваться на привязи, они нервничали все сильнее.

— Спокойно, — прошептала им Ильва. — Спокойно. — Она уложила сырое полено в очаг и пошла к лошадям, разговаривая еле слышно, чтобы утихомирить их. — Вы что-то слышите? — спросила она у них. — Что же вы слышите?

Но даже если бы лошади могли разговаривать, Ильве не потребовался бы их ответ, потому что тишину ночи рассек волчий вой.

У Ильвы мурашки побежали по коже. Сейчас ей стало страшнее, чем было в кузнице. Там, по крайней мере, храбрости ей придавал Брон. А теперь Брон погрузился в тяжкий сон умирающего человека, и Ильва осталась одна. Она схватила топорик, подошла к двери и приоткрыла ее, чтобы выглянуть наружу.

Полоска оранжевого света от пламени в очаге легла на снег, но больше ничего Ильва не увидела. Ночь была темна, как сердце преисподней.

— Спокойно, — сказала Ильва лошадям. — Все хорошо.

Но лошадей ее слова не убедили. Они начали метаться в стойле из стороны в сторону, таращить глаза и шевелить ушами.

Разволновался и Фреки. Он скулил и сильнее натягивал поводок.

Ильва прислушивалась к ночи. К звукам за пределами конского фырканья и скулежа Фреки. Она пыталась расслышать негромкую поступь зверей, касающихся лапами снега, но ровным счетом ничего не услышала даже в то самое мгновение, когда огромный зверь возник из бесконечной ночи, словно дух. Он подкрался к краю полосы света, и отсветы пламени очага

сверкнули в его янтарных глазах. Ильва узнала его. Это был тот самый волк, которого она видела раньше.

По обе стороны от могучего черного волка возникли еще два. Эти были светлые, поджарые и высокие в холке, с мускулистыми плечами. Они шли, опустив голову и зорко присматриваясь. Позади них были видны силуэты других волков, ходивших в темноте туда и сюда.

Лошади обезумели от страха. Фреки подпрыгивал и скулил, до предела натянув поводок, — так сильно, что мог задохнуться.

Ильва распахнула дверь настежь и прокричала:

— Пошли вон! Оставьте нас в покое!

Застигнутые врасплох два более светлых волка развернулись и исчезли во мраке, а черный с места не тронулся. Он вздрогнул, оскалился, но не сделал ни шагу назад.

— Убирайся! — крикнула ему Ильва. — Уходи прочь!

Она осмелилась шагнуть к волку, размахивая топором, но волк стоял на месте.

— Пошел отсюда! — кричала Ильва. — Убирайся!

Фреки рвался с поводка. Лошади ржали и фыркали.

Волк зарычал.

— Убирайся!

— Ильва...

Голос был тише шепота, и в первое мгновение Ильве показалось, что это волк произнес ее имя. Но в следующий миг она догадалась, что говорит Брон. Она обернулась и увидела, что он лежит с полуоткрытыми глазами.

— Фреки... — Брон поднял правую руку и указал на волчонка. — Отпусти... его...

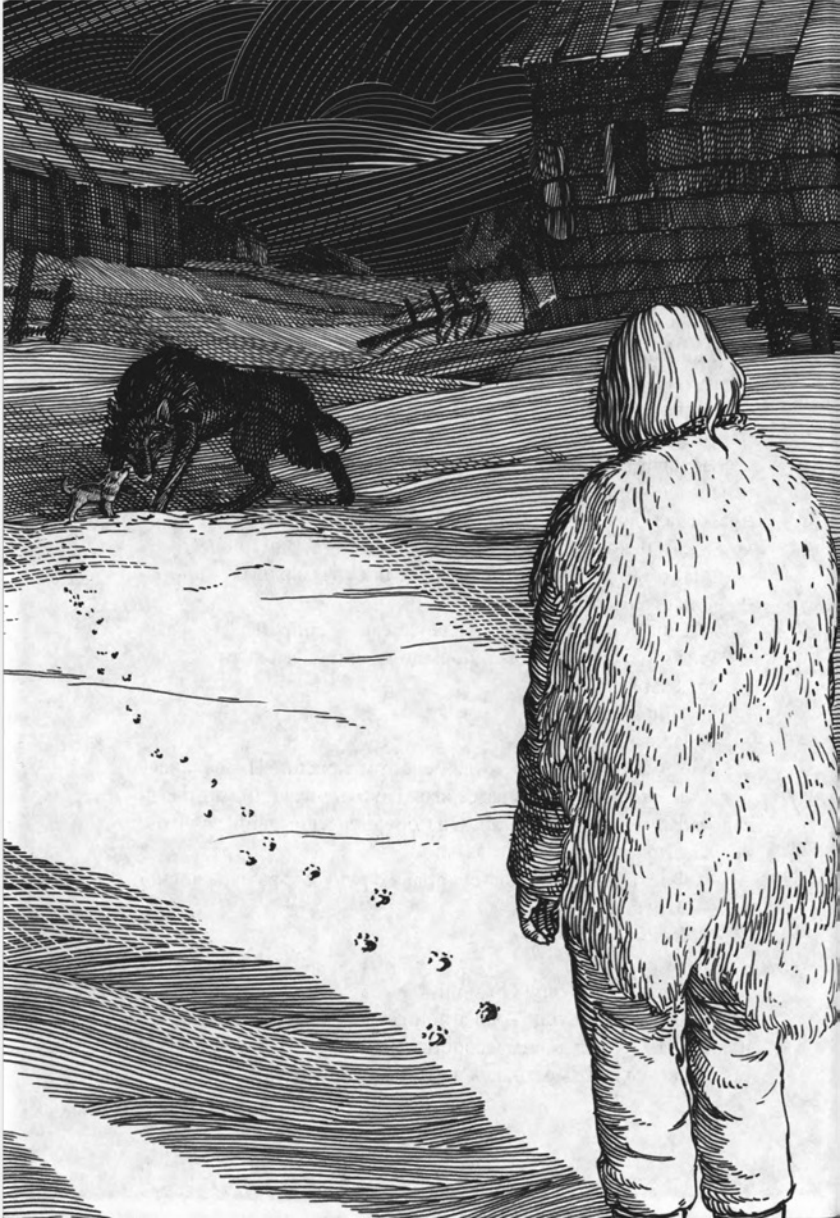
— Они же его убьют!

— Нет.

— Я его не отпущу! Он мой!

Но в глубине души Ильва понимала, что Фреки ей не принадлежит. Он был диким и свободным, а веревке на его шее точно так же было не место, как железному ошейнику — на ее.

Ильва посмотрела на черного волка, стоявшего у края полосы света и скалящего зубы, и перевела взгляд на Фреки, отчаянно натягивающего веревку.

— Отпусти. Его, — выговорил Брон.

Ильва попятилась назад и опустилась на колени рядом с волчонком. Она обняла его и поцеловала в макушку, а потом отвязала веревку от столба и сняла петлю с шеи Фреки.

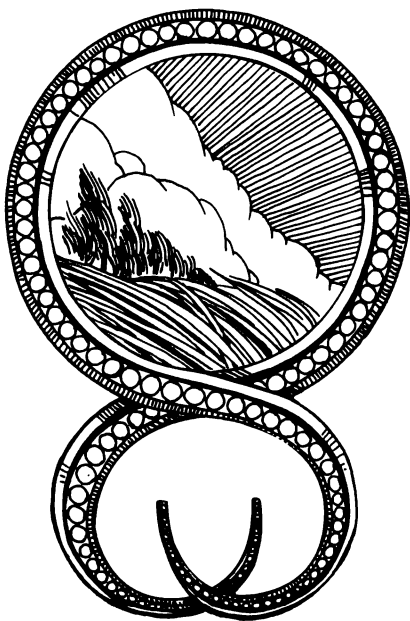
— Удачи тебе, — сказала она волчонку. — Будь свободным.

И как только Ильва отпустила Фреки, он тут же побежал из конюшни прямо к черному волку и запрыгал вокруг его лап. А потом они обнюхали морды друг друга и пощелкали зубами. Фреки побегал кругами вокруг огромного зверя, таякая и пых-тя, но вернулся к Ильве и немного побегал вокруг ее ног. А потом отошел на край света очага и тьмы ночи.

И когда огромный черный волк отступил в темноту, Фреки побежал за ним.

Ильва долго стояла и ждала, не вернется ли волчонок, но больше она Фреки не увидела никогда.

НАДЕЖДА

ИЛЬВА СИЛЬНЕЙШАЯ

Ильва подбросила дров в очаг и сходила к лошадям. Успокоила их, погладила. Потом села рядом с Броном, понимая, что сейчас пускаться в путь было бы слишком опасно из-за темноты. Но она знала, что тянуть с отъездом не стоит. Брона лихорадило. Жар у него был такой же сильный, как у Катгрин в пещере. Прислушиваясь к дыханию Брона, Ильва ясно осознала: если она будет ждать до утра, Брон умрет.

— Нет. — Она решительно встала. — Не позволю этому случиться.

Ильва оседлала лошадь Брона и уложила на ее спину мешки с пожитками и припасами. Потом собрала в конюшне все оружие и привязала позади седла. Затем растолкала Брона.

— Мне нужно отвезти тебя к ведунье.

Брон посмотрел на нее так, словно не мог понять, кто она такая и где они находятся.

— Я Ильва. Помнишь меня? Друг. — Она сцепила между собой указательные пальцы в точности так, как это делал Брон. — Друг. Я помогу тебе.

У мальчишки почти не осталось сил. Он был бледен и слаб. Он пытался открыть глаза, но ему было трудно. Он дрожал

не только от холода. Лихорадка завладевала им в точности так, как это было с Катгрин. Надо было спешить.

Ильва подняла Брона на ноги и повела — вернее, потащила его к лошади. Помогало отчасти то, что Брон был худеньким и легким. Ильва усадила его на лошадь и подвинула к передней луке седла. В руки Брона она вложила поводья, а его уложила на шею лошади так, чтобы он не упал.

Убедившись в том, что Брон надежно лежит на лошади, Ильва распахнула дверь конюшни настежь и впустила внутрь морозный ветер с облаком снега. Потом подошла к лошади и была уже готова сесть верхом, но помедлила и оглянулась на Трехпалого. Ильва подошла к нему и пнула ногой.

— Мы уходим.

Торстейн Ульвеманд вытаращил глаза.

— Еще темно? Еще же темно, да?

— Я должна уйти. Теперь ты сам по себе.

Взгляд Трехпалого блуждал. Он стал поворачивать голову из стороны в сторону, пытаясь собраться с мыслями.

— А, это ты. — Он дышал неглубоко, хриплыми рывками. — Ты еще здесь. Тебе надо было... уйти с волками. Ты бы с ними... поладила.

— Знаешь, было время, когда я думала, что ты — ульфхеднар, — сказала Ильва Трехпалому. — Волчий оскал на шарфе, волчьи шкуры, вой... Я так боялась тебя! А теперь не боюсь. Ты — Торстейн Ульвеманд. Ты не ульфхеднар, ты просто человек. Нехороший человек.

Ильва прошла по конюшне и села верхом на лошадь позади Брона. Она легонько прищипорила ее, взяла поводья, и лошадь шагнула к выходу из конюшни, чтобы увезти Ильву и Брона в ночь.

— Дай мне мой меч, — попросил Торстейн, когда лошадь поравнялась с тем местом, где он сидел. — Вложи его в мою руку. Позволь мне умереть как воину и занять свое место в Вальхалле.

Ильва остановила лошадь и посмотрела на Трехпалого сверху вниз.

— Меч слишком дорого стоит. Он мне может понадобиться, чтобы расплатиться с ведуньей.

— Ну, тогда дай твой нож. Или топорик.

Ильва положила руку на рукоятку топорика, сунутого за пояс.

— Прости, Торстейн Ульвеманд.

— Что ж, придется обойтись стрелой. — Торстейн наклонился и сжал охвостье стрелы, торчавшей из его бока, в могучем кулаке. Он посмотрел Ильве прямо в глаза. — Ты такой путь проделала. Мороз. Волки. Медведи... — На его губах запелась кровь. — Ильва Бесстрашная.

— Я думала, ты не слушаешь.

— Но... я не думаю... что ты... бесстрашная... — с трудом говорил Торстейн. — Думаю... ты сильная. Я не встречал человека сильнее. Удачи тебе... Ильва Сильнейшая. И пусть тебе помогают боги.

Трехпалый закрыл глаза, прижался головой к стене и выдержал стрелу из своего бока.

Ильва не стала задерживаться и ждать, когда он перестанет дышать.

47

БРОН

Брон сидел в седле впереди Ильвы, поэтому она могла подерживать его и не давать упасть. Он указывал, в какую сторону двигаться, и Ильва посылала туда лошадь самой быстрой рысью. Конечно, ей хотелось погнать лошадь галопом, чтобы она летела, как птица, но Ильва была вынуждена позволять животному искать наиболее безопасный путь.

В итоге они медленно двигались по лесу, словно путники, оказавшиеся в этих местах впервые.

Когда начало светать, они наконец выехали из чащи. Облака рассеялись. Радостно было увидеть солнце, начавшее свой ежедневный путь по небу. Тепла оно не приносило, но хотя бы развеивало невыносимую тьму. Ильва правила лошадью, и они без конца ехали по огромной равнине, покрытой глубоким снегом, пока не оказались на берегу реки — слишком широкой и быстрой для того, чтобы ее можно было перейти вброд. На другом берегу лежали каменные руины древних зданий и стен. Ничего подобного Ильва прежде в жизни не видела.

Брон припал к шее лошади, закрыв глаза. Ильва растолкала его.

— Куда теперь?

Брон так долго не открывал глаза, что Ильва испугалась, уж не умер ли он.

Она его снова растормошила.

— Куда? Брон! В какую сторону?

Брон поднял руку и указал на восток вдоль берега реки. Ильва тронула лошадь с места.

Замерзшая и усталая, она всеми силами старалась удерживать своего спутника в седле. Но вскоре в воздухе появился знакомый солоноватый запах. Солнце только-только начало клониться к закату, когда Ильва наконец добралась до места, где река впадала в море. С высокого берега Ильва посмотрела на волны, и ее сердце забилося чаще при виде каменистого острова, лежащего недалеко от берега. Этот остров был совсем не похож на то, что Ильва ожидала увидеть, и уж никак она не думала, что в таком месте будет жить знахарка-ведунья. Но она понимала, что именно сюда ее хотели привести Каттрин и Брон.

Остров, по форме похожий на слезу, не имел отлогих берегов — повсюду торчали черные зубчатые скалы. Добраться до него можно было одним-единственным путем — по узкой

насыпи, где едва могла проехать повозка. Дамбы тянулись от побережья к большим деревянным воротам на ближайшей стороне острова. В обе стороны от ворот уходили высокие бревенчатые стены, а по верху стены пролежала дорожка для дозорных. Ильва насчитала на стене восемь воинов. С высоты им были прекрасно видны и море, и суша.

Внутри крепостных стен вокруг большой серой постройки с башней стояли деревянные дома. На башне тоже находились дозорные. На соломенных и моховых крышах почти не было снега, а значит, внутри домов было тепло. За кольцом домов, вдоль крепостной стены, располагались крепкая конюшня, амбары и земля, расчищенная для зимних овощей. Помимо лошадей была и другая живность: свиньи в загонах и куры в курятниках.

Оттуда, где Ильва остановила лошадь, она увидела взрослых и детей, ходящих между домами, ухаживающих за грядками и животными. С виду деревня была обычная, но не совсем. Это была островная деревня. Люди, поселившиеся там, нашли для себя место, защищенное со всех сторон — даже от плоскодонных кораблей воинственных викингов, способных явиться с набегом.

Ильве очень хотелось оказаться внутри этой крепости, но что-то заставило ее помедлить. Остров явно населяли саксы — люди, которые напали на соотечественников Ильвы, когда те хотели высадиться на берег. Напали и убили. Мать Ильвы и ее пса Гери тоже убил сакс. Саксы ненавидели викингов. Если Ильва подойдет к острову, саксы и ее убьют?

Катгрин была из племени саксов.

Ильва не спускала глаз с острова, но при этом представляла, что рядом с лошадью на земле сидит Гери. Она вообразила, что пес сидит, подняв голову, наострив уши и раскрыв пасть. А еще он высунул язык, вдыхая соленый воздух, и ветерок с моря шевелит его черно-серую шерсть.

«Ты могла доверять Катгрин. Вот куда она хотела привести тебя. Тут ты будешь в безопасности».

ЭНАХАРКА

Пустив лошадь по откосу к берегу, Ильва услышала мелодичный звон колокола на фоне приглушенного шума волн. Повидимому, всадников заметил один из дозорных и поднял тревогу. И сразу по всей крепости закипело движение. Взрослые хватали детей и уводили с глаз долой, а другие брали оружие и избегали на крепостные стены.

Ильва приготовилась к тому, что на нее нападут, но все же провела лошадь по прибрежному песку и вывела на скользкую дамбу. По обе стороны от нее море билось о камни, окатывало Ильву ледяной водой, заливало узкую дорогу, отступало и оставляло на насыпи горки водорослей.

Не спуская глаз с дозорных, стоявших ближе других к воротам, Ильва вытянула перед собой руки, чтобы показать, что она пришла с миром. На середине дамбы Ильва поняла, что море плещется выше копыт лошади и не отступает. Наоборот, вода поднималась все выше. Для тех, кто смотрел на Ильву со стены, наверное, все выглядело так, словно она ведет коня по морю.

Ильва в ужасе натянула поводья и понудила лошадь идти быстрее. При таком сильном приливе земля могла скрыться под водой всего за несколько минут.

Добравшись до ворот, Ильва остановила лошадь и посмотрела на воинов на крепостной стене. Она ожидала увидеть мужчин, но, к ее удивлению, дозорными оказались четыре женщины, одетые в кожаные доспехи и кольчуги, и каждая из них целилась в Ильву из лука.

— Стой, ни с места! — прокричала одна из женщин. — Кто ты такая?

— Мне нужна помощь, — крикнула в ответ Ильва. — Меня послала Катгрин.

— Да ты данка!

Воительницы переглянулись, и та, которая первой обратилась к Ильве, снова крикнула ей сверху вниз:

— Кто ты такая? Чего тебе надо?

На стене появилось еще несколько женщин. Все они взгляды-вались вдаль, зорко высматривали врагов.

— Ты одна? — спросила другая воительница.

— Каттрин послала меня, — прокричала Ильва, стараясь перекрыть шум волн. — Со мной Брон. Пожалуйста.

Вода уже поднялась почти до колен лошади. Еще немного — и поднимется до брюха.

— Впустите нас!

— А где Каттрин?

— Умерла, — ответила Ильва. — Пожалуйста! Впустите нас. — Она сжала в пальцах ворот мехового плаща Брона и потянула мальчишку к себе, чтобы он выпрямился. Голова Брона запрокинулась. — Ему нужна помощь! — Ильва в отчаянии посмотрела по сторонам. Море наступало все быстрее. — Пожалуйста!

Женщины стали переговариваться между собой, их голоса терялись в реве волн, обрушивавшихся на остров. Наконец одна из дозорных наклонилась к воротам и прокричала:

— Впустите их!

В следующее мгновение ворота открылись, и лошадь Ильвы бросилась вперед — понукать ее не пришлось. Оставшуюся часть пути она проплыла и ступила на остров.

Как только Ильва оказалась на суше, две женщины закрыли ворота. За ними дамба полностью покрывалась водой.

— Хорошо, что ты успела перейти по дамбе, девочка.

Одна из привратниц подошла, взяла поводья лошади Ильвы и успокоила ее. Она была в кольчужном жилете и держала в руке копье.

— Промедлила бы хоть немного — и море погубило бы тебя. — Ее длинные волосы развевались на ветру. — Что случилось с Броном?

— Он ранен, — ответила Ильва. — Мне нужна ведунья. Знахарка. Где она?

— Она наверху, в монастыре. — Женщина указала на каменную башню. — Я отведу...

Ильва вогнала каблучки сапог в бока лошади, и поводья вылетели из рук женщины-привратницы.

— Эй!

Не обращая внимания на окрики, Ильва пустила лошадь галопом к центру острова. Когда она подскакала ближе к монастырю, открылась входная дверь, и оттуда вышла старуха в простом льняном платье и шерстяном плаще, наброшенном на плечи. Ее длинные седые волосы были подняты наверх и скручены в небрежный узел. Уперев одну руку в бок, она смотрела на приближающуюся Ильву. Из-за ее спины выскочил косматый серый пес и принялся гавкать, но старуха не обращала внимания на его лай.

Ильва спрыгнула с коня и протянула руки к Брону.

— Помоги ему, — попросила она старуху.

У мальчишки совсем не осталось сил. Он начал сползать с лошади, и Ильве пришлось очень постараться, чтобы он не ударился, падая на снег.

— Помоги ему! — прокричала Ильва старухе, обернувшись. — Пожалуйста.

Все лицо у старухи было покрыто морщинами и оттого походило на высохшее русло реки. Она смотрела на Ильву глубоко посаженными карими водянистыми глазами, а губы у нее были такими тонкими, словно их вовсе не было.

Воительницы стремительно выстроились позади Ильвы полукругом.

— Ни с места! Стой, где стоишь!

Но Ильва даже не подумала оглянуться.

— Он ранен. — Она подхватила Брона под мышки и поволокла к каменной башне. — Пожалуйста! Почему вы все не хотите мне помочь?

— Брон! — Из башни выбежала женщина помоложе и сразу бросилась помогать Ильве. — Что с ним случилось? — Она подхватила ноги Брона. — Матушка, уйдите с дороги. Кто-нибудь, помогите мне.

Старуха отошла в сторону, одна из воительниц подошла, но Ильва никому не позволила помогать ей, и они вдвоем с молодой женщиной занесли Брона в монастырь. Там было тепло.

— Он ранен, — сказала Ильва, когда они перенесли Брона в дальнюю комнату и уложили на кровать, усыпанную соломой. — Рана плохая.

В комнату вошла собака и стала обнюхивать раненого мальчишку. Женщина шикнула на собаку и прогнала в главный зал. Собака отправилась к очагу, плюхнулась на пол и свернулась калачиком.

— Что с ним стряслось?

Женщина провела пальцами по щеке Брона.

— Он ранен, — сказала Ильва. — Вот тут.

Она распахнула меховой плащ, задрала край рубахи. Женщина быстро сняла с раны кусок мха и нежно ощупала кожу рядом с раной.

Она посмотрела на Ильву.

— Ты — данка. Это ты сделала? Ты его ранила?

— Нет.

— А что с Катгрин?

— Она умерла.

— Оставь нас.

Женщина закрыла глаза и сделала глубокий вдох — наверное, старалась собраться с мыслями.

— Ты должна ему помочь! Пожалуйста, он же...

— Оставь нас.

И Ильва оставила женщину с Броном, а сама вышла в главный зал.

Никогда в жизни Ильва не видела такой большой и крепкой постройки. Потолок был настолько высокий, что ей пришлось запрокинуть голову, чтобы разглядеть потрескавшиеся и потускневшие росписи на сводах. Серый каменный пол был устал кожей и шкурами, чтобы было теплее и уютнее. Вдоль стен висели грубо сработанные гобелены — казалось, их соткали дети. Вокруг главного очага кругом стояло пять длинных столов

со скамьями по обе стороны. За один стол могло сесть восемь человек.

— Иди сюда, — позвала Ильву старуха, снимавшая с очага дымящийся котелок. — Садись.

— Это ты ведунья? — спросила Ильва. — Ты должна помочь Брону.

— Какая сильная девочка!

Держа котелок одной морщинистой рукой, старуха протянула другую руку к Ильве. Ногти у нее были толстые и жесткие, а костяшки корявых пальцев распухли.

Ильва отпрянула, а старуха пошевелила пальцами. Она явно хотела, чтобы Ильва взяла ее за руку.

— Нет.

Ильва отшатнулась.

Старуха поднесла руку еще ближе к Ильве, а та спрятала руки за спину.

— Да что с тобой такое? — возмутилась она. — Почему ты не пойдешь туда и не...

Старуха поставила котелок на стол, решительно взяла Ильву за запястье и вытащила ее руку из-за спины.

— Ты сильная, — сказала она. — Так долго шла. Но ты не так одинока, как думаешь.

Ильвы выдернула руку и гневно уставилась на старуху.

— Ты же ведунья! — прокричала она. — Ты должна помочь Брону.

— Я похожа на ведунью?

— Да.

Старуха рассмеялась. Скрипучим утробным смехом, который быстро сменился кашлем.

— Знаешь, девочка, внешность может быть обманчива. Не всегда все так, как тебе кажется. Тебе нужна моя дочь Милдред. Каттрин всегда называла младшую сестру ведуньей.

— Сестру? Она — сестра Каттрин?

— Да. И она сделает все, чтобы помочь Брону. Это я тебе обещаю. — Старуха вложила в руку Ильвы тряпицу и ука-

зала на котелок. — Отнеси-ка ей это. Ей потребуется твоя помощь.

Ильва отнесла котелок с кипятком в дальнюю комнату. Милдред больше молчала — только говорила Ильве, что делать. Они трудились, спасая жизнь Брона. Ильва исподволь поглядывала на Милдред, и ей казалось, что та совсем не похожа на ведунью. Да и на сестру свою, Каттрин, Милдред мало походила — разве что глазами.

И вот наконец Милдред наложила на рану Брона тканевую повязку и отошла от кровати.

— Он выживет? — спросила Ильва.

— Мы сделали все, что могли, — ответила Милдред. — Остается только ждать и молиться. — Она указала на табурет. — Садись и расскажи мне, кто ты такая.

Ильва села и рассказала Милдред все.

49

ДОМА

Ильва начала свой рассказ с того, как они с матерью уплыли из родной деревни, а закончила мгновением, когда увидела остров. Милдред сидела, сложив руки на коленях, и лишь время от времени прерывала рассказ Ильвы, чтобы задать пару вопросов. Когда Ильва закончила свою сагу, Милдред велела ей подождать и оставила ее наедине с Броном.

Ильва долго сидела и смотрела на мальчика. Он ровно и глубоко дышал.

Когда сестра Каттрин наконец вернулась, Ильва спросила у нее:

— Что это за место? И кто вы такие? Я тут увидела только женщин. Дев щита.

— Это тебя пугает?

Ильва подумала о том, какой сильной была Каттрин, как она ее защищала.

— Нет. Похоже, здесь безопасно.

— Хорошо. Я понимаю, у тебя наверняка много вопросов, — сказала Милдред. — И я обещаю, что постепенно отвечу на все твои вопросы, а пока что хочу, чтобы ты пошла со мной. Ты должна кое с кем познакомиться.

Когда они возвратились в главный зал, там за тремя столами сидели дети. Не меньше двух десятков мальчиков и девочек разного возраста. Они сидели и молча смотрела на Ильву.

— Этот остров — безопасное место, — сказала Милдред. — А это — те дети, которых к нам привела Каттрин. Они были в рабстве, а Каттрин их освободила.

И вдруг все встало на свои места. Ильва не захотела повесить Трехпалому, когда тот сказал ей, что Катрин и Брон крали рабов, чтобы продавать их, и вот теперь она *узнала*, что это было вовсе не так. Они спасали рабов. Спасали, а не крали. Вот в это Ильва могла поверить. В этом был смысл.

— Каттрин хотела, чтобы за этими столами не было свободных мест, — сказала Милдред. — Так что для тебя место есть, если хочешь. Ты в безопасности, Ильва. Теперь это — твой дом.

«В безопасности», — прошептал Гери.

И наконец настало время для слез.

СЛОВАРЬ

Берсерк, берсеркер — скандинавский воин, одевавшийся перед боем в медвежью шкуру. Люди верили, что дух медведя овладевает этим воином и дарит ему великую силу. В битве берсерки отличались храбростью и свирепостью.

«Бородатый» топор (скеггокс) — вид боевых топоров викингов. «Борода» у топора этого типа — это нижняя часть режущей кромки, которая шире основной части лезвия. «Борода» использовалась для того, чтобы можно было подцепить оружие врага и выхватить его из рук или, зацепив край щита, оттянуть его вниз.

Валькирии — в скандинавской мифологии молодые женщины-воительницы, которые подбирают убитых на поле боя воинов и относят их в Вальхаллу или Сейссрумнир.

Вальхалла (Валгалла) — большой зал, где правит бог Один. Мертвые воины сражаются и пируют там в ожидании последней битвы — Рагнарёка.

Великое Войско (Великая языческая армия) — огромная армия, созданная скандинавскими воинами, обычно при совершении набегов сражавшимися небольшими группами. Это войско, составленное в основном из выходцев с территорий современной Дании, Швеции и Норвегии, вторглось в Англию в 865 году. Согласно преданию, возглавляли его сыновья Рагнара Лодброка.

Гейррод — великан, пытавшийся убить бога Тора. Для этого он заставил бога Локи привести Тора в свой замок без волшебного пояса и молота.

Гери — один из волков, сопровождающих бога Одина. Волки сидят рядом с Одином за пиршественным столом и питаются его объедками. Другого волка зовут Фреки. Некоторые верили, что все волки были потомками Гери и Фреки.

Гёт — житель Готланда, острова в Балтийском море (сейчас он принадлежит Швеции).

Драугр — живой мертвец, охраняющий сокровища или мстящий тем, кто причинил ему зло при жизни. По преданию, драугры были очень страшны внешне и наделены сверхъестественной силой.

Иггдрасиль (Мировое дерево) — мифический ясень, соединяющий все девять царств в древнескандинавской мифологии.

Идун — богиня, которая владеет золотыми яблоками, способными дарить вечную молодость и бессмертие. Скандинавские боги едят эти яблоки, и это помогает им сохранять юность и здоровье.

Йормунганд — гигантский змей, который, согласно скандинавской мифологии, был одним из детей Локи и великанши Ангрбоды. Также его называют змеем Мидгарда и Всемирным змеем. Говорят, что Йормунганд окольцовывает Мидгард и кусает собственный хвост.

Локи — скандинавский бог хитрости и обмана.

Мара — злой дух, усаживающийся на грудь спящего человека и удушьем вызывающие страшные сны.

Мидгард — одно из девяти царств в древнескандинавской мифологии. Мидгард — средний мир, мир людей.

Мунин — один из двух воронов Одина, летающий над Мидгардом и приносящий вести. Второго ворона зовут Хугин.

Нифльхейм — одно из девяти царств в древнескандинавской мифологии. Нифльхейм — царство холода, тумана и тьмы.

Норны — три богини, которые, согласно древнескандинавской мифологии, прядут пряжу судеб всех созданий, включая

богов. Воины-викинги отважно бились в сражениях, веря, что их судьба уже решена норнами.

Нортумбрия — англосаксонское государство, возникшее на севере Британии и существовавшее с 655 по 867 год; было завоевано викингами.

Один (Всеотец) — верховное божество в скандинавской мифологии. Один восседает в большом зале Вальхаллы.

Рагнар Лодброк — знаменитый герой древнескандинавской мифологии и легендарный воин-викинг. «Лодброк» переводится как «волосатые штаны». Так его называли, потому что викинг носил лохматые штаны из звериных шкур.

Рагнарёк — последняя апокалиптическая битва, в которой будут участвовать все творения, и почти все живое будет уничтожено.

Сага — история, рассказ.

Сейсрумнир — большой зал, где богиня Фрейя принимает половину погибших в сражениях (другая половина отправляется к Одину в Вальхаллу).

Скальд — человек, сочиняющий поэмы и саги и читающий их вслух, чтобы почтить великих героев и их отважные подвиги.

Слейпнир — восьминогий конь Одина.

Тайн — река в Англии.

Тор — сын Одина, бог грома. Второй бог в древнескандинавской мифологии по старшинству. Тора считали хранителем закона и порядка. Воины молились Одину, а простой народ — Тору.

Ульфхеднар — воин, который перед боем надевал волчью шкуру. Люди верили, что в этого воина вселяется дух волка и дарит ему особые силы.

Фенрир — гигантский волк, один из детей Локи и великанши Ангрбоды. В скандинавской мифологии Фенрир закован богами в цепи, но ему суждено разорвать их и сразиться с Тором во время Рагнарёка.

Фимбулветр — три года жестокой зимы перед Рагнарёком.

Фрейя — верховная богиня Ванира, восседающая в величественном дворце, главный зал которого называется Сейссрумнир. По легенде она плачет золотыми слезами.

Фреки — один из двух волков, сопровождавших бога Одина и защищающих его в битвах.

Хугин — один из двух воронов Одина, летающий над Мидгардом и приносящий вести, как и ворон Мунин.

Ярл — вождь древних норвежцев или данов. По статусу ярл был вторым после короля. Часто ярлы правили деревнями.

ВИКИНГИ: ФАКТЫ ИСТОРИИ

Обычно считается, что эпоха викингов длилась с 793 по 1066 год нашей эры.

Первый значительный набег викингов на территорию нынешней Англии состоялся в 793 году при Линдисфарне. Это остров, близкий к той части страны, где разворачивается история Ильвы. Однако многие историки считают, что викинги высаживались в Англии и раньше (по меньшей мере еще один раз) — в Портсмуте.

Специалисты не уверены в том, что кто-либо на самом деле называл этих морских разбойников-завоевателей викингами. Ведутся серьезные споры о происхождении этого слова. Судя по историческим документам, слово «викинг» стало распространенным спустя много лет после того, как эра викингов закончилась. Скорее, завоевателей, являвшихся через Северное море, в их время называли просто данами или норманнами.

Вопреки легендам, викинги не носили шлемов с рогами. На самом деле большинство из них, вероятно, вообще не пользовалось шлемами. Мечи и шлемы были дороги и тяжелы в изготовлении, поэтому владельцы мечей и шлемов либо были очень богаты, либо отбирали оружие и доспехи у врагов, убитых в бою. Топоры и топорики, вроде того, с каким Ильва вступила в бой с медведем, оказались распространены гораздо

больше, потому что были дешевы и изготовить их было проще. Топором можно было пользоваться и как оружием, и как бытовым инструментом.

Историкам известно, что старонорвежский язык, на котором говорили викинги, и староанглийский, на котором говорили англосаксы, очень похожи, потому что многие англы и саксы были родом из Скандинавии — родины викингов. Англосаксы, к которым относилась Каттрин, слышали, что у захватчиков-викингов странный акцент, но при этом они понимали друг друга.

В культуре викингов убийство рассматривалось как серьезное преступление, и огромное значение имела месть. Если человека убивали в честном бою — это было одно дело, но за преднамеренное убийство должно было последовать наказание. Вот почему Ильва так твердо решила отомстить за убийство матери. К сожалению, порой одно-единственное убийство могло привести к длинной и кровопролитной цепочке убийств на почве мести.

Рабы вроде Ильвы считались самыми незначительными людьми в культуре викингов. К ним относились, как к скоту, по закону они не признавались людьми. Рабам не позволялось иметь собственность, им не разрешалось жениться и выходить замуж, а их дети, только появившись на свет, сразу становились собственностью хозяина. К рабам часто относились плохо, они были обречены на самый тяжелый и неприятный труд по дому и в поле. Человек, убивший или похитивший чужого раба, должен был расплатиться с хозяином так, как если бы он убил его корову или свинью или украл что-то из его вещей.

Если умирал рабовладелец, его рабов часто приносили в жертву и хоронили вместе с ним.

Рабы считались одним из самых распространенных предметов торговли в культуре викингов, поэтому для захватчиков типа Трехпалого они были чрезвычайно ценны. Захватчики брали рабов в плен и продавали их. Викинги привозили рабов из своих заморских набегов, а также забирали в рабство людей из своих стран.

Великое языческое войско напало на Эофервик 1 ноября 866 года, за месяц до того, как Ильва оказалась в Нортумбрии. В это время в королевстве Нортумбрия уже шла гражданская война, за власть сражались два короля — Элла и Осберт.

Когда викинги захватили власть в Эофервике, они назвали его Йорвиком, а теперь этот город называется Йорк.

Трудно с уверенностью определить многие даты и факты о викингах во время, описываемое в этой книге, потому что викинги не вели летописей. Очень много сведений передавалось из уст в уста, а письменные свидетельства стали появляться только много лет спустя. К тому времени некоторые факты были забыты либо изменены. Большая часть письменных источников о тех временах создана не самими викингами, а представителями других народов. Например, немало сведений о Великом языческом войске мы можем подчерпнуть из Англосаксонской хроники, но и там содержится не так уж много подробностей. У историков нет уверенности в том, кто именно возглавлял войско, какова была его численность и зачем воины прибыли в Англию. Судя по данным из Повести о сыновьях Рагнара, войско явилось в Англию, чтобы отомстить за смерть Рагнара Лодброка, знаменитого викинга — путешественника и воина, которого нортумбрийский король Элла бросил в яму со змеями. По преданию, войско возглавили сыновья Рагнара: Ивар Бескосный, Хвитсерк, Бьорн Железнобокий и Сигурд Змееглазый. Судя по другим преданиям и письменным источникам, к ним присоединились также вожди викингов Гутрум и Убба.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЛЬВА 5

1. Трехпалый	7
2. Боги и слезы	11
3. Нифльхейм	15
4. Волчонок	17

МЕСТЬ 23

5. Далеко от дома	25
6. Дева щита	31
7. Мерзлая земля	33
8. Не плакать	37

ДОВЕРИЕ 43

9. Спасение Тора	45

10. Дым на горе	49
11. Три брата	56
12. Не всем стоит доверять	62

ГЛУХОМАНЬ 69

13. Пламя и крики	71
14. Копья лунного света	76
15. Две стрелы	78
16. Слишком много	80
17. Дикая музыка	87
18. Рука великана	95
19. Убежище	99

БЕСКОНЕЧНАЯ ЗИМА 109

20. Ульфхеднар	111
21. Фенрир	120
22. Волчья кровь	124
23. Милосердие	130
24. Море крови	136
25. Обещание	138
26. Чудища во мраке	143
27. Слезы Фрейи	146
28. Волк-воин	149
29. Гери и Фреки	152
30. Не оглядывайся назад	154
31. Ночной ужас	157

ОДНА 161

- 32. Никто 163
- 33. Погоня 168
- 34. Призраки в пурге 171

ВОЛКИ 179

- 35. Друг 181
- 36. Зов природы 185
- 37. Рагнарёк 188
- 38. Ненависть 193

ТРЕХПАЛЫЙ 197

- 39. В плену 199
- 40. Воры-убийцы 204
- 41. Острое железо 208

ПРАВДА 213

- 42. Месть 215
- 43. Медальон 217
- 44. Вальхалла 220
- 45. В последний раз 222

НАДЕЖДА 229

46. Ильва Сильнейшая	231
47. Брон	233
48. Знахарка	236
49. Дома	241

СЛОВАРЬ 245

ВИКИНГИ: ФАКТЫ ИСТОРИИ 249

Издательство выражает благодарность
литературному агентству Andrew Nurnberg Literary
Agency за содействие в приобретении прав.

УДК 82.13
ББК 84 (4)
С72

Литературно-художественное издание
для детей среднего школьного возраста
СЕРИЯ «ОТВАЖНЫЕ СЕРДЦА»

Дэн Смит
ВОЛЧИЦА

Перевод Надежды Сосновской
Художник Юлия Широкина

Генеральный директор *Мария Смирнова*
Руководитель проекта *Елизавета Зверева*
Ведущий редактор *Любовь Неволаинен*
Художественный редактор *Андрей Двоеглазов*

Подписано в печать 27.07.2020. Формат 70×100¹/₁₆. Объем
16 печ. л. Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Заказ № 6379.
Дата изготовления 28.08.2020

ООО «Издательство Качели»
Телефон редакции: (812) 401-62-67
Адрес для писем: 197022, СПб, а/я 6. E-mail: info@kachellybook.ru

По вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в ТФ «Лабиринт»: тел.: +7 (495) 745-95-25
www.labyrinth.org

Заказ книг в интернет-магазине: www.labyrinth.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография», филиал
«УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Original English language edition
first published in 2019 under the title SHE WOLF by The Chicken House,
2 Palmer Street, Frome, Somerset, BA11 1DS

ISBN978-5-907224-87-2
12+

© Dan Smith, 2019
© Ю. Широкина, иллюстрации, 2021
© ООО «Издательство Качели», 2021

Произведено в Российской Федерации
Срок годности не ограничен

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЛЬВЫ ДЕКАБРЬ 866Г.

ПРИБЫТИЕ
ИЛЬВЫ.
ДЕК. 866 Г

ДАНЫ АТАКУЮТ
И ЗАНИМАЮТ
ЭОФЕРВИК (УОР-
ВИК) В НОЯБРЕ
866 Г.

СЕВЕРНОЕ
МОРЕ

ВОСТОЧНАЯ
АНГЛИЯ

МЕРСИЯ

УЭССЕКС

ПРИБЫТИЕ
«ВЕЛИКОГО
ЯЗЫЧЕСКОГО
ВОЙСКА»,
865 Г.

ЛИНДИСФАРЕНА

БЕВБАНБУРГ

ГИРУУМ

ДУНХОЛЬМ

КЕТРЕНТ

ЭОФЕРВИК

СНОТЕНГАХАМ

ГРЕАПАНДАН

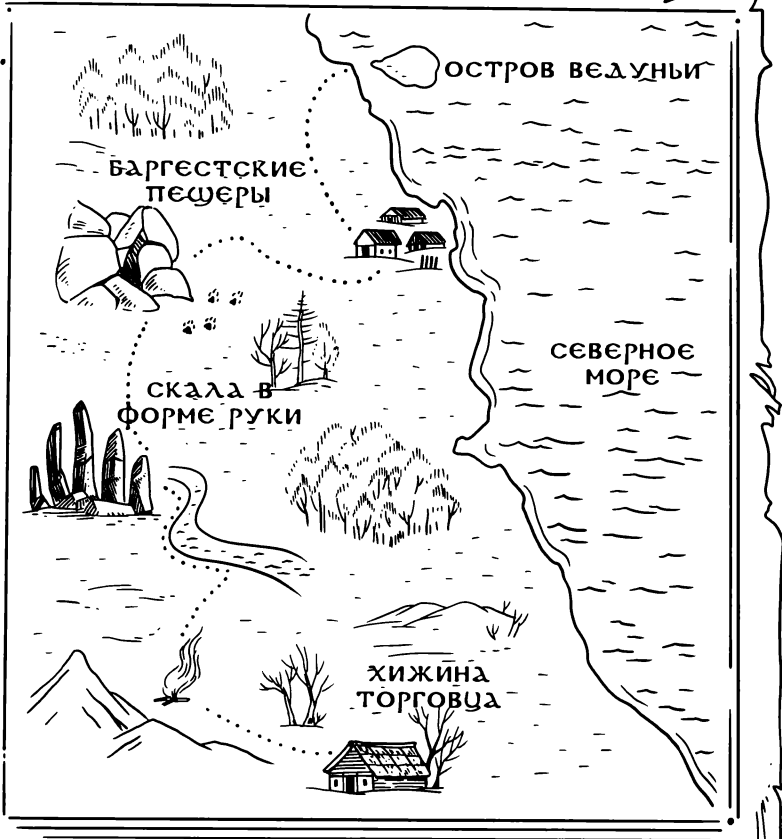
ГРАНТАКАСТИ

ЛУНДЕН

КИППАНГАММ

ВИХТ

БЕВАНБУРГ - Бамбург
 КЕТРЕНТ - каттерик
 КИППАНГАММ - чиппенхам
 ДУНХОЛЬМ - дарем
 ЭОФЕРВИК - йорк
 ГРАНТАКАСТИ - кембридж
 ГИРУУМ - ярроу
 ГРЕАПАНДУН - рептон
 ЛИНДИСФАРЕНА - линдисфарн
 ЛУНДЕН - лондон
 СНЮТЕНГАХАМ - ноттингем
 ВИХТ - остров уайт

